ОМУЛЕВСКІЙ

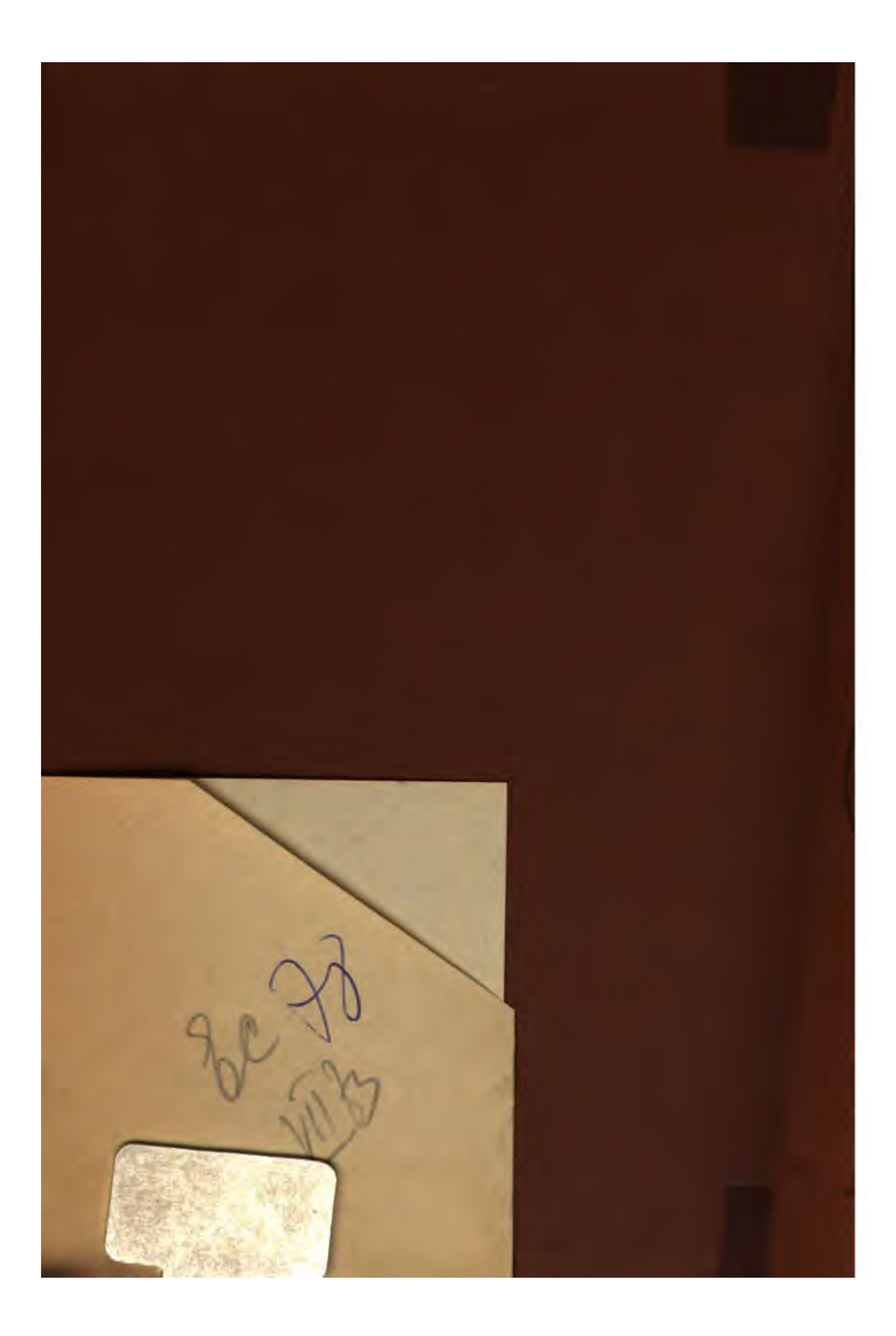

ПѢСНИ ЖИЗНИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОМУЛЕВСКАГО

Fedorov, I. V.

ПѢСНИ ЖИЗНИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОМУЛЕВСКАГО

(И. В. Ѳедорова).

Идите въ міръ и послужите міру!

Изданіе Библіотеки А. Иванова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типо-Литографія А. М. Вольфа, В. Итальянская, д. № 2—6.
1883.

Милой, дорогой моей семьѣ

СЪ ЛЮБОВЬЮ ПОСВЯЩАЮ Я ЭТУ КНИГУ.

Авторъ.

Отъ Автора.

Настоящее изданіе составляетъ первое полное собраніе тѣхъ моихъ стихотвореній, которыя въ разное время (съ 1861 по 1883 г.) были помѣщены мною въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: «Современникѣ», «Вѣкѣ», «Русскомъ Словѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ», «Дѣлѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Художественномъ Журналѣ», «Наблюдателѣ», «Восточномъ Обозрѣніи», «Русскомъ Базарѣ», «Искрѣ», «Будильникѣ» и «Стрекозѣ».

Оглядываясь на прошлое этихъ двадцати трехъ лѣтъ, не мнѣ, конечно, дѣлать оцѣнку моимъ трудамъ: она всецѣло зависитъ отъ безпристрастія русской публики. Могу одно только искренно засвидѣтельствовать, что во все время моей литературной дѣятельности я ни однажды не отклонился отъ разъ на всегда принятаго мною направленія, не смотря ни на какія измѣнчивыя вѣянія, и старался исполнять свое дѣло по силѣ разума и мѣрѣ таланта.

ОРИГИНАЛЫ

ЗАПѢВКА.

Люди мучатъ меня
За свободу мою,—
Что я веселъ всегда,
Что я пѣсни пою.

Но не знаютъ они,
Что отъ боли тѣхъ мукъ
Только крѣпнетъ въ груди
Чародѣйственный звукъ.

Сколько на небѣ звѣздъ,
Столько пѣсенъ во мнѣ;
Звѣзды свѣтятъ въ ночи,
Я пою въ тишинѣ.

И какъ звѣздныхъ никто
Не измѣритъ высотъ,
Такъ и пѣсня моя
Все ростетъ и ростетъ!

---

* * *

Придетъ когда нибудь пора—
И міръ потребуетъ отчета
У тѣхъ, кто силою пера
Служилъ къ усиленію гнета...

Ничто земное не спасетъ
Ихъ отъ позорной колесницы,
Когда въ дѣяньяхъ ихъ—народъ
Увидитъ мерзости блудницы...

Да! самый гибельный развратъ,
Какого въ мірѣ нѣтъ гнуснѣе—
Развратъ пера,—когда вредятъ
Съ недобрымъ умысломъ идеѣ...

И отомстится тѣмъ врагамъ,
И страшно будетъ это мщенье:
Позорный столбъ предастъ вѣкамъ
Ихъ имена на поученье!

ПОЭТУ.

Когда среди бесѣды шумной
Изящныхъ женщинъ и мужчинъ
Сидишь ты, молча и одинъ,
Многоболящій, многодумный;

Когда вокругъ тебя идутъ
Ихъ извращенныя сужденья,
А ты, котораго зовутъ
Судьей общественнаго мнѣнья,

Молчишь, таинственно грустя,
И головы не поднимаешь—
И, какъ безгрѣшное дитя,
Рѣчамъ взволнованнымъ внимаешь,—

Въ тотъ мигъ ты озаренъ лучемъ
Того Учителя святого,
Чтó на пескѣ чертилъ перстомъ
Прощенья праведное слово,

Когда вокругъ народъ шумѣлъ
И, въ силу гордаго сужденья,
Побить каменьями хотѣлъ
Жену—за грѣхъ ея паденья!

МОЛИТВА.

О, жизнь! не дай мнѣ никогда
Утратить вѣру въ человѣка,
Во благо честнаго труда,
Отстать въ стремленіяхъ отъ вѣка...
Не дай мнѣ мелочной борьбы,
И растлѣвающей, и праздной,
Не дай мнѣ въ спутницы рабы
Безъ мысли гордой и отважной...
Не дай мнѣ трудъ мой осквернить
Неправдой, мыслію лукавой,
И прежде смерти пережить
И свѣтлый умъ, и помыслъ здравый...
Не призывай на мой языкъ
Любви несвойственныхъ проклятій,
И отъ несчастныхъ меньшихъ братій
Не отверни, въ недобрый мигъ,
Мой омраченный скорбью ликъ...
Не дай корыстныхъ мнѣ желаній,
Соблазна сильными земли...
Любовью умъ мой окрыли
И въ годы тяжкихъ испытаній
Мнѣ духа рабства не пошли!

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

(А. С. Не...вой).

О, желалъ бы на вѣкъ я продлить
Первый мигъ роковой съ нею встрѣчи,
И желалъ бы ей все говорить
Эти сладкія первыя рѣчи...

И слѣдить, какъ трепещетъ она
Въ обаяньи неясныхъ признаній,
Какъ стыдливой боязни полна
Отъ предчувствія жгучихъ лобзаній...

И, прощаясь, все руку ей жать,
Все желать ей чего-то безсвязно,
И чего-то какъ будто все ждать,
И стоять, и смотрѣть неотвязно...

И мечтать до разсвѣта всю ночь,
Вспоминать ея каждое слово,
То на мигъ отгонять ее прочь,
То восторженно звать ее снова...

И, уснувъ, въ чародѣйскомъ бреду
Воскрешать этотъ мигъ первой встрѣчи,
Эту склонность вначалѣ къ стыду,
Эти сладкія первыя рѣчи!

* * *

Порой болитъ твоя душа,
А умъ подсказываетъ злобно,
Что жизнь легка и хороша,
Что все въ ней просто и удобно...

Не возмущайся въ этотъ мигъ,
Не унижай себя проклятьемъ
И на людской продажный крикъ
Отвѣть смиряющимъ объятьемъ,—

Затѣмъ, что братъ твой—человѣкъ—
Не меньше насъ съ тобою страждетъ
И, какъ и ты, въ свой краткій вѣкъ
Чего-то лучшаго все жаждетъ...

И если проданъ будешь ты,
Какъ были проданы другіе,—
Ужаснымъ словомъ клеветы
Не помяни сердца людскія!

КЪ МОЛОДОМУ ПОКОЛѢНІЮ.

Спѣшите, честные бойцы,
На дѣло родины святое!
Того, что сдѣлали отцы,
Отъ васъ потребуется вдвое...

Вамъ путь тяжелый предстоитъ
И ждетъ не мало васъ лишеній,
Но пусть вамъ силы подкрѣпитъ
Примѣръ минувшихъ поколѣній...,

Не озирайтеся назадъ
Трусливыхъ выслушать совѣтовъ:
На то, что сзади говорятъ,
У васъ не можетъ быть отвѣтовъ...

Отвѣтъ за васъ произнесетъ
Высоко поднятое знамя—
И каждый грамотный прочтетъ,
Какое движетъ вами пламя!

Въ комъ духъ любви уже ослабъ,
Тому не мѣсто между вами:
Не долженъ быть «лѣнивый рабъ»
Между рабочими людями...

А ваши бодро пусть спѣшатъ,
Какъ будутъ силы ихъ ни малы:
Плохъ—говорятъ у насъ—солдатъ,
Когда не мѣтитъ въ генералы...

Еще далеко та страна,
Гдѣ протекаютъ рѣки медомъ;
Не вдругъ познается она
Идущимъ издали народомъ;

Не вамъ дано въ ней отдохнуть,
Кончая подвигъ жизни бранной...
Но хорошо окончить путь
Въ виду земли обѣтованной!

МОРЕ.

Коварно море... Въ тихій часъ
Оно обманываетъ глазъ
Невозмутимостью зеркальной
И, какъ ребенокъ въ пеленахъ,
Лежитъ въ широкихъ берегахъ
Во всей красѣ первоначальной.
Въ слѣпой довѣрчивости къ ней,
Забывъ былые ураганы,
Его властители-тираны—
Фаланги грозныхъ кораблей—
Ввѣряютъ все ему въ ту пору
И давятъ зыбкую опору
Громадной тяжестью своей...
Но горе вамъ, его владыки!
Быть можетъ, мига не пройдетъ,
Какъ вашъ послѣдній часъ пробьетъ,
Когда съ стремительностью дикой
Внезапно налетѣвшій шквалъ
Гиганта спящаго разбудитъ—
И посѣдѣвшій въ буряхъ валъ,
Разбивъ васъ въ дребезги у скалъ,
Ревѣть надъ вашимъ ухомъ будетъ!

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Варіація на старую тему.

Въ минуты праздной скуки
Люблю я заглянуть
Въ различныя науки—
Ума провѣрить путь.
Не сразу все созрѣло,
На все былъ нуженъ трудъ...
А мнѣ какое дѣло?
Стезя моя не тутъ.

Дивлюсь я людямъ, право:
Въ нихъ столько пустоты!—
И, разсуждая здраво,
Я чуждъ ихъ суеты.
Живя, рѣшаютъ смѣло
Они, что жизнь скверна...
А мнѣ какое дѣло?
Мнѣ нравится она.

Кричатъ, что хлѣба мало,
Что много бѣдняковъ,
Что жить труднѣе стало,—
И такъ споконъ вѣковъ.
Конечно, если зрѣло
Обсудишь все—бѣда!...
А мнѣ какое дѣло?
Я прожилъ такъ годà.

Кричатъ, кричатъ,—а сами
Все грабятъ съ тѣхъ же поръ,
И вотъ у насъ съ годами
Ростетъ на ворѣ воръ.
Воруютъ всѣ, умѣло
Въ карманъ чужой скользя...
А мнѣ какое дѣло?
Меня украсть нельзя.

Лишь шагъ—и вѣкъ нашъ дѣльный
Заставитъ матерей
Не пѣснью колыбельной
Баюкать ихъ дѣтей:
Ту пѣснь замѣнитъ смѣло
Звонъ золота въ нашъ вѣкъ...
А мнѣ какое дѣло?
Я взрослый человѣкъ.

Борись, пожалуй, съ вѣкомъ,
Хоть въ стѣну бейся лбомъ,—
И выйдешь человѣкомъ...
Сидящимъ подъ замкомъ;
Кричи, что накипѣло
На сердцѣ у тебя. .
А мнѣ какое дѣло?
Я дома у себя.

За нашимъ поколѣньемъ
Другія наростутъ,
Съ такимъ же глупымъ мнѣньемъ,
Что все спасенье—трудъ.
Коль вамъ не надоѣло,
Трудитесь, господа!...
А мнѣ какое дѣло?
Я счастливъ безъ труда.

ЛАНДЫШИ.

Посвящ. памяти А. С. Неѣловой.

Вошла хозяйкой съ первой встрѣчи
Въ мою больную душу ты,
Хоть и витали наши рѣчи,
Въ тотъ вечеръ памятный, далече
Отъ всякой розовой мечты.

Да! не о розахъ рѣчь живая
Шла въ этотъ вечеръ; разговоръ
Касался язвъ родного края,
И помню я, какъ день, свѣтая,
Засталъ въ слезахъ нашъ долгій споръ.

Съ тѣхъ поръ извѣдали мы много
Волшебныхъ грёзъ и свѣтлыхъ дней;
Но жизни темная дорога
Проходитъ близко у порога
Не разсвѣтающихъ ночей...

Ты мнѣ, больная, подарила
Душистыхъ ландышей букетъ:
«Храни ихъ, милый», говорила.—
«Хотя бы ранняя могила
И уничтожила мой слѣдъ.»

Сбылось пророческое слово:
Тебя ужъ нѣту на землѣ,
Гдѣ я блуждаю безтолково,
Какъ будто можно встрѣтить снова
Твой образъ, сгинувшій во мглѣ.

Увялъ, какъ ты во дни недуга,
Душистыхъ ландышей букетъ,
Но я храню его, подруга,
Хотя въ душѣ поэта-друга
Навѣчно врѣзался твой слѣдъ.

И каждый годъ, когда весною
Въ лѣсахъ появятся цвѣты,
Я вновь бесѣдую съ тобою,
Какъ будто объ-руку со мною
Идешь за ландышами ты.

Скажи, какой волшебной силой
И обаяніемъ какимъ
Снабдила ты подарокъ милый,
Что власть твою и за могилой
Надъ сердцемъ держитъ онъ моимъ?

Что нахожу, со дня разлуки,
Я въ немъ, для родины моей,
Глубоко любящіе звуки?
Что никакія въ жизни муки
Меня не охлаждаютъ къ ней?

Скупа могила: нѣтъ отвѣта:
Но если, другъ, за всѣ мечты,
Я стою мирнаго привѣта,—
Пускай осыплютъ гробъ поэта
Душистыхъ ландышей цвѣты!

* * *

Когда въ душѣ моей шумитъ глухая буря
И мыслей вихрь проносится въ мозгу,—
Не спрашивай меня, свой бѣлый лобикъ хмуря,
О томъ, чего сказать я не могу.

Вѣдь этой бурею не мало надломило
Такихъ, какъ ты, неосторожныхъ силъ;
Вѣдь этотъ вихрь и то, что мнѣ такъ было мило,
Порой безслѣднымъ прахомъ разносилъ.

О, дай же мнѣ цѣной упорнаго молчанья
Сберечь твой умъ отъ пытки роковой!
Потомъ и безъ меня придутъ къ тебѣ страданья,
Но пусть не я нарушу твой покой...

БОГАЧАМЪ.

Не радостна судьба моя на видъ
И жизнь не блещетъ красокъ пестротою;
Убожество безвыходно царитъ
Надъ этой мирной жизнью трудовою.

Но зависти не вѣдаетъ мой умъ:
Рядъ неудачь и горестныхъ лишеній
Несетъ мнѣ рой такихъ чудесныхъ думъ,
Такихъ живыхъ и чистыхъ наслажденій!

Вы, богачи, смѣетесь надо мной,
А мнѣ васъ жаль... Спросите у поэта:
Отдастъ ли онъ, повитый нищетой,
Свой скудный даръ за всѣ богатства свѣта?

Спросите: почему среди невзгодъ
Онъ дѣлитъ всѣмъ послѣднія крупицы
И весело на родинѣ поетъ
Родную пѣснь, безъ умолку, какъ птицы?

Я тоже радъ, что мнѣ моя судьба
На черный день даровъ не ниспослала;
Что съ раннихъ лѣтъ упорная борьба
И умъ мой, и характеръ воспитала;

Что золота заманчиваго звонъ
Для моего не заглушаетъ уха
Подавленный, но все же горькій стонъ,
Не достигающій изнеженнаго слуха.

Меня не соблазнятъ ни чванства мишура,
Ни запахъ лакомый куска не трудового,
И съ чистой совѣстью спокойно до утра
Могу я спать въ тиши угла родного.

Я не боюсь за будущность семьи:
Не въ праздности живетъ моя подруга;
А дѣти подростутъ,—и имъ труды мои
Укажутъ путь для честнаго досуга.

Да! внесъ и я въ міръ мысли малый плодъ,
Какой мнѣ былъ по разуму, подъ силу;
Могу и я разсчитывать впередъ,
Что заслужу безплатную могилу.

И, Боже мой! я съ радостью какой
Навѣкъ глаза усталые закрою...
Вы, богачи, смѣетесь надо мной,
Но... не умрете смертію такою!

ПРИЗРАКИ.

Посвящ. Вл. Ст. Курочкину.

Опять, зловѣщія видѣнья,
Тревожить сонъ мой вы пришли!
За что? За то ли, что стремленья
Не угодили вамъ мои?
Или за то, что я страдаю,
Не преклоняя головы
Къ стопамъ безсмысленной молвы,
И гордо все переживаю?...
Уйдите вы, уйдите вы!

Во мнѣ есть дьявольская сила—
Идей и чувствъ живая нить:
Кого ужь жизнь не побѣдила,
Того не призракамъ сразить!
А вы пришли и надо мною
Стоите, грозныя, всю ночь,
И чтобы умъ мой превозмочь,
Моей кружите головою...
Подите прочь, подите прочь!

Да еслибъ даже пыткой адской
И побѣдили вы меня,
Перерядивъ въ колпакъ дурацкій,
То и помѣшанный бы я
Не могъ принять, лишь вамъ въ угоду,
Дырявый лапоть за сапогъ,
Какъ никогда принять не могъ
Глухого рабства за свободу...
А! вы ушли?... Никто, какъ Богъ!

ВЪ СТѢНАХЪ ЭРМИТАЖА.

Какъ очарованный какимъ-то чуднымъ сномъ,
Брожу я сумрачно по заламъ величавымъ:
Здѣсь чуждъ корыстный умъ желаніямъ лукавымъ,
Здѣсь генія слѣды сказалися на всемъ;
Вдали отъ суеты, отъ уличнаго шума,
Здѣсь мысль мою гнететъ томительная дума.

Въ минувшіе вѣка писали мастера—
И кисть ихъ властвуетъ по нынѣ надъ умами;
Картины ихъ блестятъ живыми красотами,
Какъ будто писаны не дальше, какъ вчера.
А мы къ какимъ пришли властительнымъ твореньямъ?
Гдѣ наши образцы грядущимъ поколѣньямъ?

У старыхъ мастеровъ былъ цѣлью—идеалъ,
Ихъ кистью и рѣзцомъ не двигала нажива,—
И тотъ роскошный плодъ, что ихъ взростила нива,
На солнцѣ творчества свободно созрѣвалъ;
Для насъ же яркій блескъ завѣтнаго металла
Дороже творчества, дороже идеала.

Нашъ вѣкъ, какъ эгоистъ, живетъ спокойно тѣмъ,
Чтò страстно создано минувшими вѣками:
Въ искусствѣ, какъ во всемъ, надъ лучшими умами
Царитъ одинъ успѣхъ—и всѣ довольны всѣмъ...
А вамъ, обобраннымъ, далекіе потомки,
Останутся отъ насъ... лишь прошлаго обломки!

Но, нѣтъ! настанетъ часъ—и геній вновь придетъ
Посѣять сѣмена въ теперешней пустынѣ;
Отыщетъ онъ алтарь въ заброшенной святынѣ
И приведетъ жрецовъ, чтобъ двигать міръ впередъ.
О, да! я вѣрую, что тамъ, въ вѣкахъ грядущихъ,
Есть множество чудесъ, на встрѣчу намъ идущихъ...

И помни твердо ты, художникъ нашихъ дней,
Что близость тѣхъ чудесъ въ твоей таится волѣ!
Не льстися на успѣхъ!—какъ вѣтеръ буйный въ полѣ,
Безслѣдно пролетитъ онъ въ памяти людей.
Не жаждай золота!—въ немъ смерть находитъ геній...
Удѣлъ твой свѣтлый—жить для лучшихъ поколѣній!

ПѢСНЯ.

Пѣсня—свобода моя,
Пѣсня—моя и отрада!
Если я смолкну, друзья,—
Мнѣ ничего ужь не надо...

Надъ колыбелью моей
Пѣсня, какъ геній, витала:
Бѣдная мать моя въ ней
Силы свои почерпала...

Слушая пѣсни ея,
Я пріучался сурово
Личное благо свое
Въ счастіи видѣть другого...

Пѣсня вдохнула въ меня
Къ подвигамъ жажду святую,
Чтобъ до послѣдняго дня
Биться за мысль молодую...

Пѣть мастерица была
Дней моихъ свѣтлыхъ подруга;
Съ пѣсней она и ушла
Въ міръ безпечальный отъ друга...

Пѣсней я только и могъ
Эту наполнить потерю:
Я изболѣлъ, изнемогъ,
Но въ возрожденіе вѣрю...

Пусть и еще надо мной
Бури промчатся съ грозою,—
Прежде, чѣмъ пасть подъ грозой,
Встрѣчу ихъ пѣснью родною...

Если-жъ я смолкну, друзья,—
Мнѣ ничего ужь не надо:
Пѣсня—свобода моя,
Пѣсня—моя и отрада!

МОЯ ПРИМѢТА.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ, подъ тяжкимъ игомъ рока,
Съ тревогой сталъ смотрѣть на чудный Божій свѣтъ
И ждалъ, чтобъ міръ понять, надежнаго пророка,—
Сложилась у людей тьма-тьмущая примѣтъ.

У всякаго свои имѣются примѣты:
Одинъ, просыпавъ соль неловко за столомъ,
Предчувствуетъ бѣду; другой—на всѣ предметы
Косится каждый разъ, какъ встрѣтится съ попомъ.

Однако, смыслъ примѣтъ для всѣхъ не одинакій:
Въ немъ только заключенъ на бѣдствіе намёкъ—
И долженъ по себѣ судить различно всякій,
Какой бы могъ бѣдой ему грозиться рокъ?

Есть, впрочемъ, смыслъ примѣтъ для каждаго не тайный:
Сидятъ ли за столомъ тринадцать человѣкъ,
Горятъ ли три свѣчи по прихоти случайной,—
Они равно для всѣхъ пророчатъ краткій вѣкъ.

И я не безъ тревогъ иду стезей поэта,
И я ищу ключа къ загадкѣ роковой...
Но у меня, давно, на все одна примѣта:
Не поработалъ день—нѣтъ хлѣба на другой.

СВѢТЪ.

Посвящ. Марку Самойловичу Карагозу.

Далекихъ звѣздъ ли миріады
Сіяли на небѣ ночномъ,
Или свѣтильня у лампады
Мерцала трепетнымъ огнемъ;

Вставало-ль, поражая очи,
Свѣтило золотое дня,
Иль восходила среди ночи
Серебровидная луна;

Сверкала-ль молнія, блистая
На тучь грозовыхъ синевѣ,
Или червякъ, переползая,
Въ росистой свѣтился травѣ,—

Съ невыразимымъ впечатлѣньемъ
Слѣдилъ я робко, съ дѣтскихъ лѣтъ,
За тѣмъ загадочнымъ явленіемъ,
Чему мы дали имя «свѣтъ».

Прошли ѓода—и мыслью зрѣлой
Наука озарила умъ.
Теперь онъ можетъ, безъ предѣла,
Пускаться въ глубь завѣтныхъ думъ;

Теперь, какъ другъ явленій міра,
Изгнавъ изъ сердца ложный страхъ,
Ужь онъ не сотворитъ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ.

Но и теперь, поклонникъ свѣта,
Я имъ, какъ прежде, пораженъ,
И дѣтскимъ трепетомъ поэта
Опять охватываетъ онъ.

Не въ немъ ли ключъ загадки вѣчной?
Нейдетъ ли токъ его лучей,
Неуловимый, безконечный,
До самой сущности вещей?

Чему иному, какъ не свѣту
Обязанъ ты, жилецъ земной,
Что могъ познать свою планету,
Что могъ увидѣть образъ свой?

Какими звуками въ природѣ
Ты передать бы могъ другимъ
О голубомъ небесномъ сводѣ
Съ великолѣпіемъ ночнымъ?

Что, позабывъ другія цѣли,
Ни на минуту отвести,
Порой, отъ дѣтской колыбели
Счастливыхъ глазъ не можешь ты;

Что жуткимъ ужасомъ безъ мѣры
И жгучей скорбью безъ конца
Гнететъ твой духъ, помимо вѣры,
Недвижный обликъ мертвеца;

Что ты любуешься чертами
Лица подруги молодой,—
Все это свѣтъ съ его лучами,
Съ ихъ безконечною игрой!

О, дивный свѣтъ! Передъ тобою,
Объятый думой бытія,
Всегда съ единою мольбою,
Въ безсильи, преклоняюсь я:

«Ты—озаряющій лучами
Въ неизмѣримыхъ глубинахъ
Міры, невидимые нами
На ихъ невѣдомыхъ путяхъ!—

Сойди и въ мой мірокъ укромный
Всепросвѣтляющимъ лучемъ,
Чтобъ могъ служить мой разумъ темный
Тебѣ повсюду и во всемъ;

Чтобъ я во тьму загробной ночи
Ушелъ, лелѣемый мечтой,
Что на землѣ, въ людскія очи,
Свѣтильникъ свѣтится и мой!»

СВОБОДА.

Свобода— отличная штука,
Но если по правдѣ сказать,—
Впередъ тому будетъ наука,
Кто вздумалъ ее испытать...

У ней помѣщеніе прочно—
Глухой за замкомъ казематъ,
И къ двери приставленъ нарочно
Со штуцеромъ добрымъ солдатъ...

Свобода и кормитъ не худо:
Чтобъ мысли трезвѣе былъ ходъ,
Такое дадутъ тебѣ блюдо,
Что ты не возьмешь его въ ротъ...

И такъ-какъ во mракѣ сильнѣе
Работаетъ умъ у людей,—
Отъ солнца тебя поплотнѣе
Закупорятъ въ кельѣ твоей...

Чтобъ не было скучно немножко
Сидѣть въ совершенныхъ потьмахъ,—
Прорублено въ кельѣ окошко,
Точь-въ-точь какъ въ сырыхъ погребахъ...

Не бойся насчетъ искушенья—
Предвидѣно было оно:
Задѣлалъ хозяинъ строенья
Желѣзной рѣшоткой окно...

Чтобъ рваться не могъ безполезно
Ты къ прежнему рабству на свѣтъ,—
Впередъ тебѣ скажутъ любезно,
На сколько свободенъ ты лѣтъ...

Когда же съумѣешь степенно
Ты высидѣть сказанный срокъ,—
Позволятъ тебѣ непремѣнно
Взглянуть на родной уголокъ—

Похвастаться передъ рабами
Лицомъ изнуреннымъ борьбой,
Потухшими въ скорби очами,
Сѣдою, какъ лунь, бородой!

У ГРОБА.

Грустно, малютка? Не даромъ
Вѣщее сердце болитъ:
Это вѣдь труженикъ мысли,
Правды поборникъ лежитъ...

Молнія думы сверкала
Въ этихъ закрытыхъ глазахъ;
Праведный громъ раздавался
Въ сомкнутыхъ крѣпко устахъ...

Съ этимъ покойникомъ, рано
Жизни покинувшимъ пиръ,
Мы не одни сиротѣемъ,—
Съ нимъ сиротѣетъ весь міръ...

Еслибъ подобной не стало
Въ мірѣ души ни одной,
Жить бы не стоило больше
Въ этой пустынѣ людской...

Что ты вздрогнула? Боишься?
Думаешь—ожилъ мертвецъ?
Это ворвавшійся вѣтеръ
Савана тронулъ конецъ.

Нѣтъ, ты не бойся, малютка,
Въ жизни такихъ мертвецовъ:
Каждый ребенокъ сильнѣе
Трупа усопшихъ борцовъ...

Но между нами, живыми,
Сущими въ мірѣ людьми,
Часто встрѣчаются трупы—
Трупы живые, пойми!...

Имъ ненавистно движенье
Мысли и дѣла впередъ,—
Все, что въ сообществѣ съ ними
Заживо здѣсь не гніетъ...

Этихъ-то заживо мертвыхъ,
Міру ненужныхъ людей,
Больше... о, больше, какъ можно,
Бойся ты въ жизни своей!

---

* * *

Все на свѣтѣ трынь-трава:
Радости и муки,—
Лишь была бы голова,
Молодость, да руки...

Знай работай отъ зари
До зари упрямо,
Да въ глаза врагамъ смотри
Весело и прямо...

Лишь одинъ изъ нихъ тебѣ
Будетъ не подъ силу—
Это смерть, но ты въ борьбѣ
Забывай могилу!

МІРЪ ПРЕКРАСЕНЪ...

Міръ прекрасенъ, міръ чудесенъ...
О, не спорю я!
Только онъ немного тѣсенъ,
Только полонъ тайны весь онъ,
Только въ немъ не столько пѣсенъ,
Сколько слезъ, друзья!

Человѣкъ уменъ; онъ много
Дѣлаетъ добра...
Но у каждаго порога,—
Будь то храмъ—жилище Бога,
Замокъ, хижина, берлога,—
Нищіе съ утра!

Жизнь свѣтла, какъ солнце въ лѣто...
Да! но есть въ ней тѣнь:
Ядъ вчера, сегодня гдѣ-то
Смерть съ мостá, изъ пистолета
Кто-то бацнулъ въ лобъ,—и это
Каждый Божій день!

ЗЕМЛЯ И НЕБО.

Я видѣлъ дивныя картины:
Всходилъ на горныя вершины,
Гдѣ почиваютъ облака,
Откуда тонкими струями
Бѣжитъ, бурля между камнями,
Еще въ зародышѣ рѣка.

Я наблюдалъ, какъ на просторѣ
Катило бѣшеное море
Волну сѣдую за волной,
Какъ въ это море уходило
Земли роскошное свѣтило,
Окончивъ мирно путь дневной.

Я видѣлъ райскій блескъ лазури,
И адъ во тьмѣ ревущей бури
Не разъ слѣпилъ мои глаза,
Когда межъ тучами блестѣла
Въ зигзагахъ молній и гудѣла
Не умолкавшая гроза.

Я зналъ просторъ безбрежной степи
И горъ синѣющія цѣпи
Видалъ въ обманчивой дали.
Я видѣлъ рѣки-исполины
И тѣ цвѣтущія долины,
Гдѣ тихо воды ихъ текли.

Картины дивныя природы!
Но не онѣ, какъ зрѣли годы,
На міръ глаза открыли мнѣ:
Лишь тамъ, откуда свѣтятъ въ очи
Спокойнымъ блескомъ звѣзды ночи,
Прозрѣла мысль моя вполнѣ.

Тамъ нѣтъ для этой вольной птицы
Ни горизонта, ни границы;
Ни что не сдержитъ тамъ мечту,—
И небо темное съ звѣздами
Не промѣняю я, ночами,
На всю земную красоту!

ЛѢСНАЯ ГРЁЗА.

I.

Мы ѣдемъ лѣсомъ. Передъ нами
Садится солнце. Вся въ огнѣ,
Вся позлащенная лучами,
Къ моей щекѣ припавъ кудрями,
Подруга нѣжно шепчетъ мнѣ:

«Какъ міръ хорошъ! Но я не знала
До этихъ поръ его такимъ.
Ты восторгался имъ, бывало,
А я безумно ревновала
Тебя и къ звѣздочкамъ ночнымъ...»

Мы ѣдемъ лѣсомъ,—а надъ нами,
Въ недосягаемой дали,
Все небо искрится звѣздами.
Блестя холодными лучами,
Онѣ, я слышалъ, рѣчь вели:

«Завидно счастіе людское!
Но ревновать къ нему—не намъ:
Проходитъ быстро все земное;
Такихъ людей, какъ эти двое,
Нашъ блескъ чаруетъ по вѣкамъ.»

Мы ѣдемъ лѣсомъ. Ночь глухая;
Все ярче звѣзды. Тишь кругомъ;
Лишь хрустнетъ вѣтка гдѣ сухая,
Да вздохъ послышится...—Родная!
Ты не тоскуешь ли о чемъ?

«О, нѣтъ! отрадно мнѣ съ тобою;
Но звѣзды смотрятъ на меня
Съ такой любовью неземною,
Какъ будто съ грѣшною землею
Должна разстаться скоро я...»

II.

Я ѣду лѣсомъ. Тѣни ночи
Меня, какъ призраки, страшатъ;
Свинцомъ мнѣ слезы давятъ очи...
Хоть вы бы, звѣзды полуночи,
Послали ласковый мнѣ взглядъ!

А звѣзды шепчутъ: «Небо то же,
Таковъ же нашихъ блескъ лучей
И все на прежнее похоже;
Но только... только отчего же
Съ тобой подруги нѣтъ твоей?»

НЯНИНА КРУЧИНА.

«Что тебѣ, дитя, не спится?
Не головка ли болитъ?»
У кроватки суетится
Няня, дряхлая на видъ.

Глазки дѣтскіе блуждаютъ:
—«Гдѣ же мамы нѣтъ со мной?
Няня! что это читаютъ
Тамъ, въ той комнатѣ большой?»

«Спи, малютка, Богъ съ тобою!
Мама... мама тоже спитъ;
Папа занятъ... вслухъ съ собою
Онъ, должно быть, говоритъ.»

—«У тебя-то отчего же,
Няня, слезы на глазахъ?
Да и папа утромъ тоже
Цѣловалъ меня въ слезахъ.»

«Спи, дитя! Слезятся очи,
Знать, отъ свѣту... спать хочу.
Спи же, спи! покойной ночи!
Погашу-ка я свѣчу.»

—«Вонъ и мамина подушка...
Няня! гдѣ же мама спитъ?»
«Полно!...» молвила старушка—
И заплакала навзрыдъ.

СКАЗКА

ДЛЯ БѢДНЫХЪ И БОГАТЫХЪ.

Есть одинъ въ подлунномъ мірѣ
Всемогущій чародѣй,
Безпристрастный покровитель
Бѣдняковъ и богачей.

Кто хоть разъ въ житейской долѣ
Перевѣдается съ нимъ,
Тотъ ужь будетъ непремѣнно
Имъ обласканъ и любимъ.

Закаленный, посѣдѣвшій
Въ битвахъ съ вѣчною нуждой,
Онъ вездѣ заходитъ смѣло
И вездѣ какъ будто свой.

Ни убожество лачуги,
Ни роскошество палатъ
Не смущаютъ чародѣя
Неуклюжаго на взглядъ:

То сидитъ онъ терпѣливо
За рубанкомъ столяра,
Въ темной кузницѣ у мѣха,
То на тронѣ у царя...

Все на свѣтѣ противъ воли
Преклоняется предъ нимъ,—
Что захочетъ, то и можетъ
Онъ любимцамъ дать своимъ:

То воздвигнетъ храмъ на-диво
И любуется-стоитъ;
Надоѣло—храмъ волшебникъ
Въ богадѣльню превратитъ...

То, глядишь, избу курную
Чуть не въ замокъ возведетъ,
То роскошныя палаты
Въ груду щепокъ разобьетъ...

То возметъ да превратится
Въ чуть замѣтный глазу паръ
И людей изъ царства въ царство
Мчитъ какъ будто на пожаръ...

То онъ въ молнію вселится
И изъ-за моря домой
Мысль людскую переноситъ
Съ чародѣйской быстротой...

Съ виду сумрачный и грубый,
Но безгрѣшный, какъ дитя,
Чудеса свои онъ строитъ,
Распѣвая и шутя.

Ни почемъ ему богатство;
Равнодушный ко всему,
Онъ одно на свѣтѣ цѣнить:
Время дорого ему...

Безъ него—пропали люди,
Съ нимъ—спасеніе вездѣ;
Съ нимъ лишенья переносять,
Забывая о нуждѣ...

Но бѣда тому, кто съ дѣтства
Чародѣя не зоветъ!
Безъ него всегда на горе
Пусть разсчитываетъ тотъ.

Безъ него скоту подобенъ
Даже умный человѣкъ,
Какъ бы мирно онъ ни прожилъ
Свой веселый, праздный вѣкъ.

Чтобъ призвать его,—не надо
Къ заклинанью прибѣгать:
Онъ является мгновенно,
Только стоитъ пожелать...

Но, быть можетъ, любопытно
Знать вамъ, какъ его зовутъ?
О! назвать его не трудно:
Этотъ геній добрый—Трудъ...

НА ГОРОДСКОМЪ МОСТУ.

Монологъ на рождественскую ночь.

Прохожій! Спасите несчастную мать!
Я буду немногому рада:
Подайте отъ сердца что̀ можете дать...
«Работать,—сказали вы,—надо?»

Я рада работать, какъ лошадь, весь день,
Работать всю ночь до разсвѣта,—
Недаромъ смотрю я, какъ призракъ, какъ тѣнь,
Съ того убѣжавшая свѣта.

Но въ щепку моя исхудавшая грудь,
Повисшія руки, какъ плети,
Вамъ скажутъ, что надо и мнѣ отдохнуть
Въ холодной могилѣ... А дѣти?

Я такъ вотъ и слышу малютокъ моихъ,
Вникающихъ въ скорбную драму;
Я вижу, какъ ширятся глазки у нихъ,
Смотря на остывшую маму...

Но что же мнѣ дѣлать? вѣдь имъ не дадутъ
Питанья изсохшія груди;
А гдѣ же найду я по силамъ мнѣ трудъ?
Гдѣ сыщутся добрые люди?

Сегодня веселыя ёлки горятъ,
Всѣ окна сіяютъ огнями;
Мои же малютки голодныя спятъ,
Довольствуясь дѣтскими снами.

Я тоже какъ будто стою въ полуснѣ
И вижу блестящіе круги...
Прохожій!... Но гдѣ-жъ онъ? иль чудилось мнѣ?
Иль, можетъ, спѣшилъ онъ къ супругѣ?

А! вотъ онъ подходитъ... ужъ это другой...
«Пойдемъ за хорошую плату
Со мной»,—вы сказали? О, Боже ты мой,
Вѣдь я не способна къ разврату!

И я ни къ чему не способна теперь...
Мнѣ хочется только забыться,
Открыть заповѣдную къ вѣчности дверь;
Я даже не въ силахъ молиться.

Молиться!... Ужь много безсонныхъ ночей
Прошу я защиты у неба,
Но съ этого царства холодныхъ лучей
На землю не падаетъ хлѣба...

Все черныя мысли впиваются въ умъ
Мнѣ чудной какой-то отравой...
Какъ сладко до уха донесся бы шумъ
Теченья рѣки величавой!

Но холодъ, на зло мнѣ, сковалъ ее льдомъ,—
Для бѣдныхъ вездѣ неудача...
Когда бы могла я пробить его лбомъ—
Рѣшилась бы мигомъ задача.

Тамъ славно, тамъ ждетъ меня вѣчная ночь,
Тамъ нѣтъ ужъ житейской заботы...
А дѣти-малютки?!... Несчастная! прочь!
Работы мнѣ!... дайте работы!!

. . . .

МОЕЙ ПОДРУГѢ.

Есть у меня для тебя
Перлы, горящіе жаромъ:
То есть, ихъ можно ловить
Въ морѣ, мнѣ кажется, даромъ.

Есть у меня для тебя
Пѣсенъ волшебные звуки:
Мнѣ достаются они
Тоже безплатно—за мýки.

Есть у меня для тебя
Тайна презрѣнія къ жизни:
Я ее въ даръ получилъ
За неудачи въ отчизнѣ.

Нѣтъ у меня одного—
Именно денегъ, подруга:
Эта презрѣнная вещь
Какъ-то дается мнѣ туго.

Тайну нажить ихъ, увы!
Въ силахъ постичь я не буду;
Тайна же жизни меня
Учитъ ихъ тратить повсюду.

Въ ближнихъ карманы нырять
Много опаснѣй, чѣмъ въ море;
Въ бурной поэта душѣ
Нѣтъ ни гроша, какъ на горе.

Другъ мой! подъ пѣсни мои,
Жизни постигнувъ задачу,
Смѣло за перлами ты
Въ воду нырнешь наудачу...

———

* * *

Нѣтъ, не читай мнѣ наставленій,
Совѣтовъ мудрыхъ не давай,
Моихъ надеждъ, моихъ сомнѣній,
Ни даже грёзъ не разрушай!

Мы всѣ—наставники-невѣжды,
Мы всѣ совѣтъ даемъ слегка
И всѣ мы смотримъ свысока
Порой на лучшія надежды.

Сомнѣнья-тяжки, но онѣ
И облегчительны, какъ слезы;
А чѣмъ, скажи, замѣнишь мнѣ
Ты неизвѣданныя грезы?

Нѣтъ, не касаясь жгучихъ ранъ,
Не наставленьемъ, а любовью
Ты съ сердца облитаго кровью
Разсѣй убійственный туманъ!

---

* * *

Порой на небѣ голубомъ,
Блѣдна, какъ облачко млечное,
Луна свершаетъ яснымъ днемъ
Свое теченье кругземное.

И ты, поэтъ, подобенъ ей
Во дни людского ликованья:
Ты ярко свѣтишь для людей
Лишь въ ночь ихъ горя и страданья.

МОНОЛОГИ.

I.

О, молодость! заманчивы твои
Холоднымъ опытомъ не спугнутыя грезы,
Тепломъ и солнцемъ скрашенные дни,
И устъ, и щекъ твоихъ непокупныя розы,
Лишь начатой борьбы таинственная даль
И рѣдкая, безслѣдная печаль.

Но жизнь полна соблазновъ; у нея
Порой, какъ у змѣи, подъ яркой чешуею
Таится ядъ,—и счастіе твое,
Когда она тебѣ не отравитъ покою,
Не вызоветъ въ душѣ мученій длинный рядъ...
О, смерть не такъ страшна, какъ этотъ ядъ!

Ты коротка, тебѣ не дважды цвѣсть;
Лазурь твоихъ небесъ измѣнчива,—бери же

У жизни все, что честнаго въ ней есть,
Что къ подвигамъ ведетъ прямѣй и ближе,
Что мысли придаетъ увѣренность въ себѣ
И мощную энергію въ борьбѣ.

Трудись: ни что не прочно безъ труда;
Взгляни кругомъ, учись: источникъ твой—природа—
Безъ устали работаетъ всегда,
Чтобъ старости не знать, чтобъ яркій лучъ восхода
Ни блеска не терялъ, ни прежней чистоты,—
Такъ будь-же ей подобною и ты!

Иди впередъ, но знай, что до тебя
Такимъ же шли путемъ другія поколѣнья;
Что ихъ со тьмой упорная борьба
Дала тебѣ самой возможность просвѣтлѣнья;
Что могутъ указать ошибки ихъ пути—
Куда тебѣ не слѣдуетъ идти.

Иди впередъ, но каждый новый шагъ
Соразмѣряй съ потребностью народной,
Чтобъ на тебя открыто даже врагъ
Не смѣлъ смотрѣть съ насмѣшкою холодной,
Чтобъ онъ не наложилъ позорное пятно
На то, что совершить тебѣ дано.

Впередъ! впередъ! За далью вѣковой
Героямъ предстоитъ награда міровая:

Тамъ плоть и кровь отъ силы роковой
Восприметъ грезъ твоихъ блестящая плеяда —
И родъ людской сольется въ братскій поцѣлуй...
О, молодость! красуйся и ликуй!

II.

Прощай... прости, прекрасный міръ земной!
Съ глубокой страстью на тебѣ я снова
Покою нынѣ взглядъ угасшій мой—
Въ послѣдній разъ. Какъ грустно это слово!
Быть можетъ, свѣтъ занявшагося дня
Еще живымъ покойника застанетъ,
Привѣтливо въ лицо ему заглянетъ, —
И озаритъ торжественно меня
Своимъ лучемъ пурпуровымъ природа;
А, можетъ быть... и не дождусь восхода...

Да! ты мнѣ милъ, прекрасный міръ земной:
Въ тебѣ я зналъ единственнаго друга;
Любилъ ты больше матери родной
Меня, вѣрнѣе былъ мнѣ, чѣмъ подруга.
Ты далъ мнѣ все, что скрасило мой вѣкъ:
Живую душу, умъ живой и ясный,
Любовь къ добру, порывы мысли страстной—
Все, чѣмъ гордиться можетъ человѣкъ, —
И у меня не отнялъ ничего ты
Взамѣнъ такихъ даровъ, такой щедроты!

А люди?!... Тѣ безжалостно—за то,
Что я любилъ ихъ, плакалъ ихъ слезами—
Меня-жъ терзали пыткой,—и ничто,
Казалось мнѣ, подобными часами
Ихъ такъ не забавляло, какъ мое
Растерзанное, облитое кровью,
Но вѣчной къ нимъ согрѣтое любовью
Больное сердце!... Страшно за нее,
За эту пылкую любовь, порою
Платился я... едва не жизнью всею!

Но мало было этого для нихъ:
Чтобъ я не могъ раскинутыхъ весною
Топтать зеленыхъ бархатовъ твоихъ
И снѣжной ткани, постланной зимою;
Чтобъ не видалъ, тоскуя по веснѣ,
Я осени поблекшаго наряда;
Чтобъ въ лѣтній вечеръ чудная прохлада
Пылавшій лобъ не освѣжала мнѣ,—
Меня свели подъ сумрачные своды,
Лишили свѣта, воздуха, свободы...

Все-жъ и туда, хоть изрѣдка, твой лучъ
Завертывалъ бесѣдовать со мною;
Не то, такъ тѣнь отъ набѣжавшихъ тучъ
Грустить сходила къ узнику порою...
И съ ними мнѣ не такъ уже страшны
Казались эти каменныя стѣны:

«Авось и я дождуся перемѣны!»
Мечталось мнѣ сквозь золотые сны,—
И слышалъ сторожъ мой, какъ изъ-подъ свода
Я вскрикивалъ: «да здравствуетъ свобода!»

Людей смутилъ отважный этотъ крикъ;
Тогда они рѣшили межъ собою,
Чтобъ навсегда замолкнулъ мой языкъ—
Насъ разлучить безжалостно съ тобою...
Но ты предвидѣлъ злобы той исходъ
И на краю зіяющей могилы
Даруешь мнѣ—какъ даръ послѣдній—силы
Разрушить ихъ предательскій разсчетъ:
Вѣдь я, замученный ихъ пыткою ужасной,
Сойду въ твои объятья, міръ прекрасный!

ВЪ ПУТИ.

(На память уставшимъ).

Все кручи, да кручи,—
Нѣтъ силъ ужъ въ ногахъ...
Все тучи, да тучи,—
Рябитъ и въ глазахъ...

Все бури, да бури,—
Измучился слухъ...
Когда-жъ на лазури
Проглянешь ты вдругъ,

Желанное солнце
Безъ бурь и безъ тучь,
И въ наше оконце
Заронишь свой лучъ?—

Чтобъ дома, съ дороги,
Хоть высушивъ потъ,
Бодрѣе шли ноги...
Опять же впередъ!

БИТВА.

Онъ.

— Говорятъ, какъ уснулъ я вчера,
Подошла ты къ дверямъ кабинета,
Посмотрѣла въ замо̀къ и ушла...
Правда ли это?

Говорятъ, что сейчасъ же потомъ
Не нашли тебя до̀ма—и гдѣ-то
На прогулкѣ ты съ кѣмъ-то была...
Правда ли это?

Говорятъ, наконецъ, что и ночь
На сегодняшній день до разсвѣта
Провела ты не дома, не здѣсь...
Правда ли это?

Она.

— Говорятъ, что какъ сватались вы,
У меня не спросили отвѣта,
И насильно я вышла за васъ...
Правда ли это?

Говорятъ, что сейчасъ же потомъ
Вы меня удалили отъ свѣта
И вертѣли, какъ куклу въ рукахъ...
Правда ли это?

Говорятъ, наконецъ, что нельзя
У природы отнять ея лѣто,
Что должна же я жить, наконецъ!
Правда ли это?

НА ПРОЩАНЬЕ.

Не то, что межъ нами съ тобою
Воздвигнута нынѣ стѣна,
Что ты неразумной рукою
На вѣкъ оттолкнула меня,—

Не то мою душу тревожитъ:
Въ минуту тоскливой мечты
Поймешь ты невольно, быть можетъ,
Чтò, бѣдная, сдѣлала ты!

Гнететъ мою душу иное,
Иное сжимаетъ мнѣ грудь:
Забывъ понемногу былое,
Куда ты направишь свой путь?

Я знаю, что доброе сѣмя
Давало плоды у тебя
Въ минувшее, лучшее время;
Я вѣрю, что ты не раба,

Что есть въ тебѣ гордость и сила
Отстаивать мысли свои,
Что честно всегда ты любила,—
И нынѣ, въ тяжелые дни

Едва выносимаго горя,
Отнюдь я не брошу, какъ всѣ,
Съ холодной улыбкой, укора
Твоей наболѣвшей душѣ.

Но кто же, какими словами
Тебя на свободномъ пути
Поддержитъ, ужь если ты съ нами
Нашла не по силамъ идти?

А страшно одной, безъ опоры,
Пускаться въ туманную даль,
Гдѣ трудностей высятся горы,
Ростетъ на печали печаль;

Гдѣ опыта холодъ суровый
На каждомъ шагу леденитъ
Отважное сердце—и новой,
Невѣдомой пыткой грозитъ!

Быть можетъ, что въ дни роковые,
Внезапно объятая имъ,
Съ прямого пути на другіе
Свернешь ты... и думамъ былымъ

Пошлешь роковое проклятье...
О, чье же, скажи мнѣ, въ тѣ дни
Тебя отогрѣетъ объятье?
Кто думы направитъ твои,

И твердою братской рукою
Съ улыбкой тебя поведетъ—
Какъ шелъ я, бывало, съ тобою—
Опять безгранично впередъ?!

ДРУЗЬЯМЪ.

На свѣтѣ, честно отбывая
Урочный срокъ, среди заботъ
Живу я мирно, уповая,
Что буду честенъ и впередъ.

Дышу, работаю свободно,
Свободно думаю, грущу,
Не жажду почестей безплодно
И утѣшеній не ищу...

Когда же ветхая ливрея
Освободитъ мой духъ вполнѣ,
То, право, можешь, не краснѣя,
Ты, ближній, вспомнить обо мнѣ!

ТЕПЛЫЙ УГОЛЪ.

Не велика моя квартира:
Шагнулъ два раза—и стѣна;
Но здѣсь, за то, вопросамъ міра
Ширь необъятная дана.

Въ квартирѣ, правда, свѣжесть дачи
И дуетъ запросто сквознякъ,—
За то, какъ споръ пойдетъ горячій,
Потѣютъ всѣ, да еще какъ!

Положимъ, мебели немного—
Всего два стула, да кровать;
Но молодежь не судитъ строго
И ей къ тому не привыкать.

Притомъ, за рядъ такихъ стѣсненій,
Гостямъ совѣтую я всѣмъ
Отнюдь свободу жаркихъ преній
Не ограничивать ничѣмъ.

Подслушать нѣкому ихъ спора:
Слуга для всѣхъ—хозяинъ самъ,
А онъ ихъ юнаго задора
Не выдастъ мнительнымъ ушамъ.

Не спорю, могъ бы я прелестный
Себѣ устроить уголокъ,
Да вѣдь порывамъ мысли честной
Открытъ мой настежъ кошелекъ.

Мнѣ говорятъ: «Вы безъ разсчета
Живете, старый холостякъ.»
Но это—мнѣнье идіота,
А для меня оно—пустякъ.

Какъ! эти лица въ цвѣтѣ жизни,
Что жмутъ мнѣ руку, какъ друзья—
Надежда, будущность отчизны—
Неужли это не семья?

Мнѣ говорятъ: «Самихъ тревожитъ
Васъ часто волчій аппетитъ.»
Такъ чтожъ? Ко мнѣ являться можетъ
Обѣдать каждый, кто не сытъ.

Скудна обитель трудовая,
Но что поставлено на столъ,—
Ѣшь смѣло, юность золотая:
Хозяинъ—русскій хлѣбосолъ.

Одно неладно: для пирушки
Стакановъ, рюмокъ не найдешь,—
Такъ будемъ пить изъ общей кружки...
— За ваше счастье, молодежь!

ПОСЛѢДНЯЯ МЫСЛЬ.

Мысль моя вездѣ царица,
Для нея предѣловъ нѣтъ:
Захотѣла—и, какъ птица,
Облетитъ она весь свѣтъ.

Показались ей земныя
Разстоянія малы—
И она въ міры иные
Понеслась быстрѣй стрѣлы.

Никакіе въ мірѣ своды,
Никакой тамъ богатырь
Не лишатъ ее свободы,
Не удержатъ эту ширь.

Подчинивъ себѣ всѣ силы,
Какъ ни грозенъ былъ ихъ видъ,
Въ самый мракъ она могилы
Безбоязненно глядитъ.

Мысль моя всегда царица:
Я умру, но для нея
Безконечно будетъ длиться
Торжество и бытiе.

Этой мыслью величавой
И послѣдней на землѣ—
Осѣнюсь я, какъ державой,
Передъ сномъ въ гробовой мглѣ.

И скажу я, умирая,
Торжествующимъ врагамъ:
«Берегитесь! мысль живая
Будетъ мстительницей вамъ!»

---

* * *

Свѣтаетъ, товарищъ!...
Работать давай!
Работы усиленной
Требуетъ край...

Работай руками,
Работай умомъ,
Работай безъ устали
Ночью и днемъ!

Не думай, что трудъ нашъ
Безслѣдно пройдетъ;
Не бойся, что думъ твоихъ
Міръ не пойметъ...

Работай лишь съ пользой
На нивѣ людей,
Да сѣй только честныя
Мысли на ней;

А тамъ ужь что будетъ,
То будетъ пускай...
Такъ ну же работать мы
Дружно давай,—

Работать руками,
Работать умомъ,
Работать безъ устали
Ночью и днемъ!

ОДНОМУ ИЗЪ НЕМНОГИХЪ.

Хотѣлось бы тебѣ дознаться отъ поэта,
Зачѣмъ ты бѣденъ такъ и жалокъ среди свѣта,
Гдѣ сыплется на многихъ благодать?
Совѣтъ ты просишь дать.

Хоть даромъ не даютъ практическихъ совѣтовъ
И марки требуютъ для экстренныхъ отвѣтовъ,
Но я готовъ быть другомъ даровымъ...
Лишь не въ примѣръ другимъ.

Въ наивной простотѣ души своей невинной,
Ты въ наши времена живешь, какъ въ вѣкъ старинный,
Одной лишь вѣря совѣсти людской,—
Какой же ты смѣшной!

Обузой лишнею теперь считаютъ совѣсть;
Кишитъ обманами вся жизни нашей повѣсть,
И честность намъ открытая претитъ,
Какъ старомодный видъ.

Работай, хоть какъ волъ, а бѣдствуй непремѣнно;
Тебя, почтеннѣйшій, скажу я откровенно,
При честности, каковъ бы ни былъ трудъ—
Какъ липку, обдерутъ.

Одинъ даю совѣтъ: ложись скорѣй въ могилу,
Пока тебѣ еще купить ее подъ силу:
Становится все дорого у насъ,—
Будь практикомъ хоть разъ!

СОВѢТЪ.

«Покорись!» родная говорила:—
«Вѣдь враговъ тебѣ не превозмочь;
Велика ихъ сплоченная сила
И темны ихъ помыслы, какъ ночь.

«Развѣ ты не знаешь, что на муки
Велъ людей упорно-смѣлый путь?
Не такія опускались руки,
Не такая задыхалась грудь!

«Былъ еще ты, сынъ мой, въ колыбели,
Какъ борцовъ я знала: у иныхъ—
Въ двадцать лѣтъ ихъ кудри посѣдѣли
И улыбка съ устъ сбѣжала ихъ;

«У другихъ—подъ гнетомъ покаянья,
Свѣтлый умъ померкнулъ навсегда...
О, какъ много слышалось страданья
Въ ихъ словахъ, безумныхъ иногда!

«Молодъ ты, а дума молодая
Любитъ часто собственный обманъ;
Путникъ вѣритъ въ призраки, не зная,
Что предъ нимъ лишь стелется туманъ.

«Поздно, сынъ, приходитъ отрезвленье,
И когда въ измученную грудь
Западетъ тяжелое сомнѣнье,—
Силъ ужь нѣтъ идти въ обратный путь.

«Помертвѣвъ отъ ужаса и боли,
Безъ надежды въ сердцѣ на исходъ,
Гдѣ найдешь ты столько силы воли,
Чтобы снова кинуться впередъ?

«Не въ друзьяхъ ли—думаешь ты—сила,
Закалить способная твой духъ?
Много ихъ я, другъ, перемѣнила,—
Не продажныхъ не было и двухъ!

«А на крикъ души твоей отважной,
На призывъ къ отчаянной борьбѣ—
Даже другъ и лучшій, не продажный,
Не отвѣтитъ откликомъ тебѣ.

«Если-жъ ты знавалъ между друзьями
Удальцовъ незыблемой души,—
Тѣ друзья давно замолкли сами
Гдѣ нибудь въ невѣдомой глуши...

«Знаю, другъ, что въ нравственной опорѣ
Много значитъ добрая жена;
Что съ тобой и радости, и горе
Понесетъ безропотно она.

«Но бываютъ высшія страданья:
Колыбель, какъ призракъ роковой,
Вовстаетъ въ минуту колебанья—
И подруга жертвуетъ тобой...

«Покорись же, тронься хоть слезами,
О, мой милый, мой любимый сынъ!
Врагъ стоитъ несмѣтными рядами...
Покорись! Ты видишь—ты одинъ!...»

Ужь давно молчитъ моя родная,
Ужь на вѣкъ замолкъ ея совѣтъ,
Но я все борюсь, не уставая,
И во мнѣ раскаянія нѣтъ.

А враговъ несмѣтнѣе все сила,
Всѣ друзья ушли куда-то прочь...
Можетъ быть, сразитъ меня могила,
Но мой духъ врагамъ не превозмочь!

НЕВОЛЯ.

Долго въ золоченной клѣткѣ
Вольная пташка сидѣла,
Но и въ плѣну, какъ на вѣткѣ,
Пѣсни свободныя пѣла...

Все было птичкѣ готово,
Кушала лучшія зерна,
Но—поклевавши ихъ, снова
Билась о клѣтку проворно...

Разъ, эта плѣнница-крошка
Какъ-то совсѣмъ присмирѣла,
Что-то пропѣла немножко—
И ужъ не билась-сидѣла...

Такъ-что при спорѣ со мною
Объ отвлеченномъ предметѣ,
Общество цѣлой гурьбою,
Въ это же утро, въ отвѣтѣ:

«Вотъ вѣдь привыкла же!»—смѣло
Мнѣ на нее указало.
Но... еще солнце не сѣло—
Плѣнницы бѣдной не стало...

НЕВЕСЕЛАЯ НОЧЬ.

Хорошо этой ночью ненастной тому,
Кто, не вѣря случайности темной,
И пріятно, и мирно въ домашнемъ кругу
Озабоченъ бесѣдою скромной...

И тому хорошо, кто, не зная заботъ,
На подушкахъ кареты уютной,
Развалившись лѣниво, домой не спѣшитъ
Подъ вліяніемъ грезы минутной...

И тому хорошо, кто вдвоемъ эту ночь
Съ милой сердцу любовно проводитъ
И, на дождь не смотря, очарованныхъ губъ
Отъ пылающихъ устъ не отводитъ...

Но тебѣ каково-то, хотѣлось бы знать,
Въ эту ночь, безпріютный бѣдняга,
Размышлять, что у насъ для тебя
Нѣтъ и клички другой, какъ «бродяга»?

Каково-то тебѣ, съ кругу спившійся братъ,
Думать въ непогодь думу хмѣльную,
Что ужь нечего больше въ кабакъ заложить,
Развѣ горе да душу больную?

Да еще каково-то тебѣ, гражданинъ,
Безъисходною думой томиться,
Что въ отчизнѣ, быть можетъ, одинъ только ты
Не способенъ со зломъ помириться?...

ЛУЧШЕ РУССКОЙ—ЖЕНЩИНЪ НѢТЪ.

(Подражаніе Сырокомлѣ).

Посмотрите, ради Бога,
Какъ она, еще дитей,
Обѣщаетъ ужь такъ много
Для семьи своей родной:
И задумчивые глазки,
И привязанность, и ласки...
Обойдите цѣлый свѣтъ,
Лучше русской—женщинъ нѣтъ.

Миновавши дѣтства годы,
Темнорусая, она,
Какъ поля родной природы,
Миловидна и скромна—
И шестнадцатой весною
Любитъ всей уже душою...
Обойдите цѣлый свѣтъ,
Лучше русской—женщинъ нѣтъ.

Беззавѣтнѣе, сильнѣе
Нѣтъ любви ея,—и тотъ
Самъ становится честнѣе,
Кто съ ней объ-руку идетъ.
Рой красавицъ на чужбинѣ
Та́къ уже не любитъ нынѣ...
Обойдите цѣлый свѣтъ,
Лучше русской—женщинъ нѣтъ.

Вѣчно съ дѣломъ между шутокъ,
Все при домѣ, у дѣтей,
Кормитъ всѣхъ она малютокъ
Грудью собственной своей—
И на все пойдти готова
Изъ-за ласковаго слова...
Обойдите цѣлый свѣтъ,
Лучше русской—женщинъ нѣтъ.

Въ счастьи, въ горѣ ли при этомъ,
Съ каждымъ ласкова, мягка,
Гостя чтитъ она привѣтомъ,
Ломтемъ хлѣба—бѣдняка;
Свадьба, похороны чьи ли,—
Всѣмъ поможетъ, сколько въ силѣ...
Обойдите цѣлый свѣтъ,
Лучше русской—женщинъ нѣтъ.

Одряхлѣвшая съ лѣтами,
Бережетъ она внучатъ

И на все глядитъ глазами
Этихъ маленькихъ ребятъ;
Ей не надобно смиренья
Молодого поколенья...
　　Обойдите цѣлый свѣтъ,
　　Лучше русской—женщинъ нѣтъ.

ТАЙНА ИСКУССТВА.

Взгляни, какъ въ каждой каплѣ водъ
Свѣтило дня горитъ лучами,
Закатъ румянный и восходъ
Переливаются тѣнями.

И помни, какъ бы ни мала
Казалась капелька любая,
Она и бабочки крыла
Не портитъ красокъ, отражая.

Подобенъ каплѣ будь и ты,
Художникъ истинный! Въ народѣ
Ты—отразитель красоты,
Присущей людямъ и природѣ.

И помни, какъ бы ни былъ малъ
Талантъ, въ душѣ тобой носимый,
Ему доступенъ идеалъ,
Для темныхъ массъ недостижимый.

Ужъ если капелька, и та
Не искажаетъ красокъ міра,—
Тебѣ должна быть простота
Дороже всякаго кумира!

«РУССКАЯ».

Встань, пройдись со мной, родная,
Спляшемъ «русскую» вдвоемъ:
Значитъ—удаль молодая
Заходила ходуномъ.

Выходи, не унывай-ка;
Вишь, ужь скинулъ я зипунъ...
Жги, лихая балалайка!
Не жалѣй хозяйскихъ струнъ!

Ужь я выкину колѣнцо,—
Удавись, честной народъ,
(Вонъ, на стѣнкѣ, полотенце),
Коли зависть заберетъ!

Какъ махнула ты платочкомъ,
Раскрасавица моя,
Какъ пошла впередъ носочкомъ,—
Разуважила меня!

Еще то ли мы умѣемъ,
Еще то ли знаемъ мы!
Поцѣлуемъ—такъ согрѣемъ
Самый ледъ среди зимы...

Уберется мигомъ съ печи
Злое горюшко домой,
Какъ начнемъ вести мы рѣчи,
Обнимаючись съ тобой.

Прочь, мірскіе пересуды!
Провались ты, бабій смѣхъ!
Прежде насъ любились люди,
Такъ и намъ любить не грѣхъ.

У меня въ казнѣ сухотка,
За душою ни гроша,—
Эхъ! за то, моя красотка,
На распашку вся душа.

Съ работящими руками,
Да со смѣтливымъ умомъ—
Всю деревню вверхъ ногами
Мы съ тобой перевернемъ;

А какъ станемъ мы съ устатку
Вмѣстѣ ночки коротать,—
Жизнь сама пойдетъ въ присядку,
Припѣваючи, плясать!

ЗАБЫВЧИВЫ ЛЮДИ...

Забывчивы люди... не съ дѣтства ли мнѣ
Они постоянно твердили,
Что Богъ воплощенный училъ на землѣ,
Чтобъ люди другъ друга любили?
И я ихъ послушалъ, и заповѣдь ту
Храню я, какъ лучшую въ жизни мечту,
И вѣчно хранить ее буду...
Зачѣмъ же теперь упрекаютъ меня
За то, что я вѣрю въ пришествіе дня,
Когда это сбудется всюду?...

Забывчивы люди... не ихъ ли урокъ
Я вынесъ изъ практики школьной,
Что жизненной честности подвигъ высокъ?
Къ чему же съ улыбкой довольной
Они мнѣ насмѣшливо нынѣ твердятъ,
Что я непрактиченъ, что вреденъ мой взглядъ,
Когда благородно и смѣло,
Какъ рыцарь за даму въ минувшіе дни,
Стою я за честныя мысли свои,
За правое, честное дѣло?...

Забывчивы люди... не ихъ ли же рѣчь
Мнѣ, юношѣ, кровь кипятила,
Что родину надо любить и беречь,
Хотя-бы за это могила
И стерла, въ цвѣтущую пору, съ лица
Родимой твердыни ея храбреца?
Зачѣмъ же считають опасной
Теперь, какъ я выросъ, любовь къ ней мою,
Когда я дѣйствительно грудью стою
За счастье отчизны прекрасной?...

Забывчивы люди... не ты ли сама,
Подруга моя дорогая,
Едва не сходила, бывало, съ ума,
Надежды мои раздѣляя
На битву съ врагами отчизны моей?
А нынѣ, когда я напомню о ней
Въ плѣну, за рѣшеткой желѣзной,—
Зачѣмъ же ты никнешь на грудь головой,
И слышу я вопль раздирающій твой—
Твой вопль обо мнѣ безнадежный?!...

ЗАЧѢМЪ ТЫ БЬЕШЬСЯ, СЕРДЦЕ...

Зачѣмъ ты бьешься, сердце? Или мало
Кровавыхъ ранъ тебѣ нанесено?
Чего ты ждешь? Все лучшее давно
Тебя уже на вѣки миновало!

Разбитое безжалостно людьми,
Ты снова, снова просишь ихъ участья
И думаешь, что свѣтлый призракъ счастья
Прочнѣй кругомъ тебя царящей тьмы...

Не разъ, когда ты обливалось кровью
Подъ спрятаннымъ предательски ножемъ
Въ рукѣ протянутой къ тебѣ врагомъ
Съ невыразимой будто бы любовью,—

Ты обѣщало мнѣ не биться вновь—
И никогда обѣта не сдержало;
Ты въ грудь мою попрежнему стучало,
Не давъ отмыть запекшуюся кровь...

О, сжалься!... Посмотри, какъ похудѣло
Мое лицо, не старое еще...
А ты все такъ же бьешся горячо,
Все такъ же кровь расходуешь ты смѣло!

Кругомъ тебя такія-же сердца,
Ихъ бьются тысячи въ одно мгновенье;
Прислушайся: не слышно ихъ біенье,
Какъ не слыхать его у мертвеца.

А бились и они, какъ ты, тревожно,
Но опытъ жизни ихъ угомонилъ—
И, робкія, они остатокъ силъ
Расходуютъ съ разсчетомъ, осторожно...

Учись у нихъ. Но... нѣтъ! не слѣдуй имъ,—
Терзай меня, пока не онѣмѣло:
Тебѣ могу пожертвовать я тѣло,
Согрѣтое біеніемъ твоимъ...

Да! бейся вновь, какъ прежде, горячо,
Попрежнему захлебывайся кровью...
Съ твоей горячей къ ближнему любовью
Для насъ не все потеряно еще!

СЛѢПОЙ ХУДОЖНИКЪ.

Встрѣтился съ нимъ я въ цвѣтущей долинѣ,
    Въ майскій сіяющій день;
Онъ направлялся къ упавшей лѣсинѣ,
    Мрачный, какъ сумерекъ тѣнь.

Вѣрно, хотѣлъ отъ ходьбы торопливой
    Путникъ присѣсть-отдохнуть:
Было по взгляду и позѣ лѣнивой
    Видно, что дологъ былъ путь.

Ветхая шляпа съ большими полями,
    Плащъ съ лоскутками заплатъ,—
Все говорило, что жизни дарами
    Путникъ не очень богатъ.

Былъ незнакомецъ разсѣянъ не мало:
    Онъ не замѣтилъ, какъ я,
Что на изгнившей лѣсинѣ лежала,
    Грѣясь на солнцѣ, змѣя.

Крикнулъ объ этомъ ему я съ испугомъ,
    Онъ же спокойно присѣлъ;
Только промолвилъ, назвавъ меня «другомъ»:
    «Змѣи—житейскій удѣлъ.

«Много и въ жизни моей ихъ шипѣло,
Жалило много меня;
Нынѣ до нихъ не мое уже дѣло:
Жала не вижу ихъ я.

«Раньше я жилъ красотами природы,
Кистью работалъ за хлѣбъ;
Люди несли мнѣ за это невзгоды...
Ну, а когда я ослѣпъ,—

«Прежде шипѣвшая зависть людская
Смолкла на вѣкъ для слѣпца.
Что мнѣ отнынѣ змѣя роковая?
Жажду и такъ я конца!

«Или, по твоему, гадины жало
Смерти голодной страшнѣй?
Еслибъ для глазъ моихъ солнце сіяло—
Былъ бы мнѣ голодъ милѣй.

«Знаю я въ этой родимой долинѣ
Каждое дерево, кустъ,—
Вотъ и пришелъ передъ смертью я нынѣ
Вспомнить ее наизусть.»

Смолкъ онъ—и ярко слеза заблистала,
Вдоль по рѣсницѣ скользя;
А отъ него, не шипя, уползала
Въ нору гнилую змѣя...

---

* * *

Пускай живетъ въ моей груди
Подольше образъ твой прекрасный,
Но ты сама не приходи
Смущать меня тоской напрасной:

Когда смотрю я на тебя
И слышу гордое признанье,
Что не смутитъ твой духъ борьба
И не измучитъ ожиданье,—

Въ моемъ умѣ встаютъ—прости!—
Иныя сгинувшія силы,
Мой другъ... мечтавшія, какъ ты,
Не поддаваться до могилы.

Но подъ давленіемъ молвы
Ушла ихъ мысль отъ высшей цѣли—
И, подъ конецъ, о ней, увы!
Онѣ и слышать не хотѣли.

И я боюсь: въ подобный мигъ,
Холодной выходкой сомнѣнья
Не пошатнулъ бы мой языкъ
Въ тебѣ горячаго стремленья...

Такъ пусть же образъ твой живетъ
Въ моей душѣ, страдавшей много,
А ты безтрепетно впередъ
Иди одна своей дорогой.

КОНТРАСТЪ.

Какъ все прекрасно въ этомъ мірѣ,
Какъ вся природа хороша
И какъ на ихъ роскошномъ пирѣ
Должна бы праздновать душа!

А между тѣмъ, подъ небесами,
Гдѣ уготованъ этотъ пиръ,
Людскою скорбью и слезами
Могъ захлебнуться бы весь міръ...

И адскій смѣхъ, и стонъ, и голодъ,
И непосильный, вѣчный трудъ,
Гнетущій всѣхъ, какъ тяжкій молотъ,
Во всей красѣ ликуютъ тутъ.

И только изрѣдка, пугливо,
Подобно тѣни яснымъ днемъ,
Мелькаетъ счастье торопливо
На сонномъ личикѣ иномъ...

ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛЪ.

Посвящается моему первенцу.

Закончивши пестраго дня суету
И новости всѣ захвативъ на лету,
Спѣшу я съ великой отрадой домой,
Какъ узникъ, разставшійся съ душной тюрьмой.

Тамъ, въ сторону бросивъ парадный костюмъ,
Пускаю на волю я сердце и умъ;
А съ ними, ничьихъ не пугаясь уликъ,
Развязанъ и мой многогрѣшный языкъ.

Съ веселымъ лицомъ суетясь у огня,
Подруга моя угощаетъ меня;
А блюдъ у нея неудавшихся нѣтъ,—
Вѣдь шутки и смѣхъ приправляютъ обѣдъ.

Мы знаемъ съ ней цѣну хорошимъ вещамъ:
Мишурнаго блеска не надобно намъ;
Но каждый не дружески прожитый часъ
Считается вѣчной потерей для насъ.

И какъ же мнѣ любо, когда на меня
Посыплется градомъ ея воркотня—
Что много я трачу, что надо ее
Давно бы послушать... и прочее все!

Пускай и заглянетъ въ мой уголъ нужда,
Но это еще не большая бѣда:
На смѣну лишеній и всяческихъ золъ,
Тамъ ждетъ меня роскошь—мой письменный столъ.

За этимъ простымъ, заслуженнымъ столомъ
Съ чернильницей старой, съ грошевымъ перомъ,
Я властвую мыслью и такъ же могучъ,
Какъ все проникающій солнечный лучъ.

На полкахъ стоятъ легіоны мои,
Видавшіе славу и черные дни,—
И эта отважная книжная рать
Готова всегда за меня постоять.

Не разъ совершали мы трудный походъ,
Не разъ былъ сомнителенъ битвы исходъ,
Но утро всегда освѣщало враговъ,
Во тьму отступавшихъ отъ нашихъ рядовъ.

И здѣсь же, за этимъ уютнымъ столомъ,
Мы чествуемъ скромно, съ подругой вдвоемъ,
Счастливыя числа отчизны родной—
Побѣды державнаго свѣта надъ тьмой.

Рѣзвящійся тутъ же ребенокъ у ногъ,
Еще не извѣдавшій нашихъ тревогъ,
Какъ будто ужъ празднуетъ съ нами успѣхъ,—
Таковъ его звонкій, чарующій смѣхъ.

Бываетъ и то, что за этимъ столомъ
Уснешь иногда, изнуренный трудомъ...
О, много мы съ нимъ проводили ночей
За скучной работой для жадныхъ людей!

Но зналъ онъ не мало и бѣлыхъ листовъ,
Расписанныхъ къ утру узорами строфъ,
Когда удавался особенно стихъ,
Такъ часто упрямый въ капризахъ своихъ.

Какъ другъ неизмѣнный, мой письменный столъ
И счастье, и горе со мною прошелъ;
Какъ добрый товарищъ, всѣ тайны храня,
Ни разу онъ съ ними не выдалъ меня...

Мой первенецъ милый! На счастье въ борьбѣ,
Его подарю я въ наслѣдство тебѣ,—
Пускай разовьетъ онъ съ годами твой умъ
Во всей чистотѣ незапятнанныхъ думъ!

---

* * *

Люблю я порою
Заглядывать въ душу людскую,
Краснѣть за ея безобразье,
Гордиться ея красотою...

Какъ черви въ могилѣ,
Кишатъ въ ней пороки и страсти,
И съ ними же рядомъ гнѣздится
Добро въ поразительной силѣ...

И было бы больно
Ее осуждать за ошибки—
За все, что она совершаетъ
Иной разъ невольно и вольно...

И что бы ни стало
Съ душой помраченной страстями,—
На всемъ отразится въ ней ярко
Добра и порока начало...

КАРТИНКА.

Слыхала-ль ты, какъ бѣдняки
На этомъ свѣтѣ умираютъ?
Навѣрно ужъ подобныхъ драмъ
Вамъ въ институтахъ не читаютъ...

Но я, пожалуй, передамъ
Тебѣ не многими словами,
Какъ умираетъ человѣкъ
Въ борьбѣ съ житейскими нуждами:

Въ каморкѣ сырость; за окномъ
Уныло снѣгъ стекаетъ съ крыши;
Давно обгрызанную кость
Въ углу догрызываютъ мыши;

Въ лохмотьяхъ грязныхъ потолокъ
Виситъ надъ низкими стѣнами;
Окно безмысленно глядитъ
Своими тусклыми глазами...

Темно, какъ въ сумерки, вокругъ;
Повсюду пыль и паутина;
Курносый чайникъ на столѣ
Какъ будто дразнитъ господина...

Передъ окномъ стоитъ кровать,
На ней—больной, ему не спится;
Кровать болѣзненно скрипитъ,
Когда больной пошевелится.

Вотъ, повернулся онъ къ дверямъ,
На лбу означились морщины,
Глаза такъ выпукло глядятъ,
Какъ будто давятъ въ нихъ пружины:

Ему хотѣлось бы теперь
Сказать кому нибудь хоть слово,
Но не нашлося никого
Послушать исповѣдь больного...

Вотъ, повернулся онъ опять,
Рука чего-то поискала
И не нашла—и тяжело
На мѣсто прежнее упала.

«Воды... воды!» хрипитъ больной—
И кость покинута мышами:
Бѣдняжки думаютъ, что онъ
Интересуется костями!

И, вотъ, еще въ послѣдній разъ
Тревожитъ слухъ ихъ скрипъ кровати:
Больной глядитъ на потолокъ
И ждетъ... ждетъ свыше благодати.

Но съ потолка одинъ паукъ
Ползетъ къ нему по нити важно,
Да гдѣ-то котъ на чердакѣ
Мяукнулъ раза два протяжно...

. . . .

Послушай! въ этой драмѣ злой
Еще есть актъ... но, ради Бога,
Не любопытствуй: для тебя
И этого ужь слишкомъ много!

ОБРАЗЫ.

Есть образы, носимые, какъ кладъ,
Людьми въ душѣ до сумрака могилы,—
Пускай они на днѣ ея лежатъ,
Намъ дѣла нѣтъ до ихъ подспудной силы.

Есть образы, что̀ въ краскахъ иль словахъ
Переживутъ художника кончину,—
Пускай они, какъ свѣточи въ потьмахъ,
Не канутъ вѣкъ въ забвенія пучину!

* * *

Не въ подаяніи грошовомъ,
Не въ утѣшеньи брата словомъ,
Хотя и теплымъ, но пустымъ,
Не въ измышленьи пытокъ лучшихъ
Для исправленія заблудшихъ,
Не въ снисходительности къ нимъ
Таится духъ любви гуманной...
Но онъ скрывается во всемъ,
Что гордо борется со зломъ,
Что носитъ признакъ неустанной
Работы къ счастію другихъ;
Онъ въ тѣхъ умахъ передовыхъ,
Чтò одиноко среди міра,
Не сотворивъ себѣ кумира,
Съ глубокой вѣрою глядятъ
И на тебя, погибшій братъ...
Крѣпись же, мученикъ идеи,
На благо общее людей,

Забывъ, что врагъ твоихъ идей
Тебя физически сильнѣе...

«Земля и небеса прейдутъ»,
Но если міромъ ты помянутъ
И за такой не будешь трудъ,
То камни въ нѣдрахъ горъ воспрянутъ
И о тебѣ возопіютъ!

---

* * *

Все ближе клонятся къ закату
Мои нерадостные дни,
Все глубже чувствую утрату
Я золотой моей весны.

Какъ тѣни, образы былые
Проходятъ смутно предо мной,
И звуки слышу я родные
Какъ будто издали порой.

Но эти образы и звуки
Уже не радуютъ меня,
Безцѣльно умножая муки
Тоскливо прожитаго дня.

Былыхъ небесъ мнѣ рая мало;
Меня не манитъ ихъ лазурь,—
Я жду, чтобъ жизнь забушевала
Во мнѣ приливомъ новыхъ бурь.

Подъ ихъ спасительной грозою
Переживу я сердцемъ вновь
И юность прожитую мною,
И погребенную любовь!

ПЕРЛЫ ТАЛАНТА.

Глубоко въ пучинѣ морской
Роскошные перлы лежатъ;
Но глубже въ натурѣ людской
Талантовъ скрывается кладъ.

Не всякій отважный ловецъ
Выходитъ съ добычей изъ водъ;
Но каждый художникъ, пѣвецъ—
Сокровища міру несетъ.

Громадная сила морей
Скаламъ уступаетъ въ борьбѣ;
Но мощь вдохновенныхъ людей
Не знаетъ преграды себѣ.

И ты, мой художникъ родной!
И ты, мой пѣвецъ о родномъ!
Житейскаго моря прибой
Встрѣчайте съ отважнымъ челомъ:

Пускай за волною волна
Мѣшаетъ вамъ выполнить трудъ,—
Души вашей перлы, со дна,
И въ бурю наружу всплывутъ!

ВЪ ГОРОДѢ МЕРТВЫХЪ.

Весенняя элегія.

Сегодня согрѣта природа
Весны животворнымъ лучомъ;
Зима миновавшаго года
Была только временнымъ зломъ.
На кладбище, дѣти, пойдемъ!
Тамъ тихо, просторъ и свобода...
Не бойтесь, малютки, что тутъ
Вокругъ васъ пестрѣютъ могилы:
Въ нихъ тоже для жизни есть силы—
Цвѣты на могилахъ ростутъ.

Въ природѣ, подъ утренникъ мая,
Цвѣты погибали не разъ,—
Быть можетъ, что злоба людская
Подкоситъ въ разцвѣтѣ и васъ;
Но свѣта и жизни запасъ
Внесете вы въ міръ, умирая...
Не бойтесь, малютки, что тутъ
Вокругъ васъ пестрѣютъ могилы:
Въ нихъ тоже для жизни есть силы—
Цвѣты на могилахъ ростутъ.

Давно ли покрыта снѣгами,
Какъ саваномъ, почва была?
Исчезнетъ отъ свѣта, съ годами,
И тьма ликовавшаго зла.
Стремитесь, чтобъ жизнь разцвѣла
Въ красѣ, неизвѣданной нами...
Не бойтесь, малютки, что тутъ
Вокругъ васъ пестрѣютъ могилы:
Въ нихъ тоже для жизни есть силы—
Цвѣты на могилахъ ростутъ.

Ихъ крестъ осѣнившій уныло
Вамъ горько повѣдать бы могъ,
Что въ точно такую могилу
Былъ ввергнутъ и распятый Богъ;
Но смертью Онъ жизни помогъ
Войдти въ надлежащую силу...
Не бойтесь, малютки, что тутъ
Вокругъ васъ пестрѣютъ могилы:
Въ нихъ тоже для жизни есть силы—
Цвѣты на могилахъ ростутъ.

О, дѣти! рѣзвитесь безпечно,
Играйте, нарвите цвѣтовъ.
Вашъ смѣхъ не пробудитъ, конечно,
Глубокаго сна мертвецовъ;
Но счастье грядущихъ вѣковъ
Зависитъ отъ юности вѣчно...

Не бойтесь, малютки, что тутъ
Вокругъ васъ пестрѣютъ могилы:
Въ нихъ тоже для жизни есть силы—
Цвѣты на могилахъ ростутъ.

Вы также цвѣты между нами...
Увянувъ подъ бурей страстей,
Мы почвой послужимъ вамъ сами
Въ холодной могилѣ своей,—
Цвѣтите же ярче надъ ней
Весенними теплыми днями!
Не бойтесь, малютки, что тутъ
Вокругъ васъ пестрѣютъ могилы:
Въ нихъ тоже для жизни есть силы—
Цвѣты на могилахъ ростутъ.

ОБѢТЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ людей,
Обѣтъ, мной данный, не нарушу
До самой смерти я своей—
Не открывать имъ больше душу.

Затѣмъ, что долженъ я беречь
Для нихъ же сердце молодое;
А то, отъ частыхъ съ ними встрѣчъ,
Оно состарится, больное.

Да! мнѣ не надо ничего—
Ни злобы ихъ, ни ихъ участья:
Съ меня довольно и того,
Что я тружусь для ихъ же счастья...

* * *

Забудемъ тѣ фразы, какими насъ съ дѣтства
Друзья и враги обольстили;
Забудемъ тотъ лживый языкъ, на которомъ
Такъ бойко они говорили!

Какое намъ дѣло, что прежде насъ люди,
Условясь въ житейскомъ уставѣ,
Смотрѣли вотъ именно такъ-то на вещи...
Мы думать по своему вправѣ!

Положимъ, умы ихъ намъ дали законы,
И мудрые даже, положимъ...
Но развѣ нашъ собственный умъ не такой же?
И мы развѣ дать ихъ не можемъ?

У нихъ было счастье, у насъ есть другое,
Печали ихъ—тоже не наши:
На пирѣ великомъ мѣняются вина,
А льютъ ихъ въ однѣ же вѣдь чаши...

Кто видитъ глазами, кто уши имѣетъ,
Кто разуму вѣдаетъ мѣру,—
Обязанъ усвоить идею, что стыдно
Принять все отъ предковъ—на вѣру!

Пускай, коли ложь переполнила чашу,
Порвется былая основа:
Вѣдь если начнетъ человѣчество падать—
Оно укрѣпитъ ее снова...

Чего-жъ мы боимся? Иль это не трусость,
А жаль намъ сойдти съ пьедестала,
Откуда на небо, земли не извѣдавъ,
Людская природа взирала?

Но если жалѣть, то ужь лучше о силахъ,
Безплодно потраченныхъ нами
На памятникъ этотъ, который не сдѣлалъ
Нашъ родъ ни людьми, ни богами...

Забудемъ же фразы, какими насъ съ дѣтства
Друзья и враги обольстили;
Забудемъ тотъ лживый языкъ, на которомъ
Такъ бойко они говорили!...

* * *

Къ твоему склонившись тихо изголовью,
Не нашептывалъ ли я тебѣ съ любовью
Слово правды, мира, проповѣдь свободы?
Не дрожала-ль ты отъ новыхъ впечатлѣній,
И на сонъ грядущій, полная сомнѣній,
Не кляла ли горько прожитые годы?

И когда, проснувшись, ты меня встрѣчала
И тревожно сны свои мнѣ толковала
Подъ невольнымъ гнетомъ суевѣрной грезы,—
Не была ли лучше, не смотрѣла-ль шире
Ты на все, что только въ этомъ бѣдномъ мірѣ
Вызываетъ радость, холодъ либо слезы?

Не тебя-ль я видѣлъ, разъ, порой ночною,
Въ домѣ падшихъ женщинъ, надъ одной больною—
Беззащитной жертвой дикаго насилья?
Не твоя ли рѣчь съ ней чудо сотворила,
Что она воскресла и заговорила,
Распустила снова молодыя крылья?

Или это сонъ былъ—этотъ день тяжелый,
Какъ къ тебѣ пришелъ я, блѣдный, невеселый,
Требуя свиданья именемъ разлуки?
Или это бредъ былъ, какъ прощаясь, снова
Ты мнѣ повторила явственно два слова—
Два завѣтныхъ слова: «истина» и «муки»?

Вѣрить ли глазамъ мнѣ? Ты, мечта поэта—
Кукла модной залы, жрица этикета!
Ты—рабыня денегъ... мученица пляски!
За тобою вьются куклы-кавалеры;
Внемлешь ты ихъ лести, безъ любви, безъ вѣры,
И при словѣ «муки»— дѣлаешь имъ глазки?!...

МОИ БОГАТСТВА.

Посвящ. Петру Никол. Афанасьеву.

Когда, межъ праздничной толпою,
Нарядъ мой скудный свысока
Улыбкой провожая злою,
Меня, поникшаго главою,
Считаютъ всѣ за бѣдняка,—
Имъ не понять, какой ошибкой
Умы ихъ нищіе грѣшатъ,
Какъ я смѣюсь надъ ихъ улыбкой,
Какъ я заманчиво богатъ!

Не всѣ-ль сокровища природы
Открыты настежъ для меня?
Имъ незнакомы дни невзгоды,
И пусть ихъ черпаю я годы—
Не истощится ихъ казна.
Слѣдя порой, какъ годъ несчастный
Уноситъ состояній рядъ,
Я говорю съ улыбкой ясной:
Какъ я заманчиво богатъ!

Но я еще владѣю кладомъ:
Спокойна совѣсть у меня;
Ее не мучатъ сдѣлки съ адомъ,

И передъ чистымъ дѣтскимъ взглядомъ
Чужда смущенія она.
Когда иной, въ безсонной ночи,
Напрасно ищетъ этотъ кладъ,
Я говорю, смежая очи:
Какъ я заманчиво богатъ!

И то не все: скорбятъ другіе
По близкимъ сердцу, по друзьямъ,
Когда покойники родные
Мечты, надежды ихъ живыя
Умчатъ къ нездѣшнимъ берегамъ.
Я не скорблю надъ мертвецами:
Мнѣ каждый другъ, мнѣ каждый братъ,
И уцѣлѣвшими людями
Какъ я заманчиво богатъ!

О, не подумайте лукаво,
Что я сокровища коплю,
Какъ скряга, мыслящій нездраво!
Мое на нихъ святое право
Со всѣми мирно я дѣлю.
Я нахожу, что чѣмъ щедрѣе
Дѣлиться съ ближними я радъ,
Тѣмъ мнѣ становится яснѣе,
Какъ я заманчиво богатъ!

* * *

Дѣло святое за правду стоять,
Весело биться со зломъ;
Любо врага на борьбу вызывать
Съ яснымъ, открытымъ челомъ...

Въ этой упорной, неравной борьбѣ
Лучше побѣды не жди, —
Знай, что пожать не придется тебѣ
Думъ твоихъ свѣтлыхъ плоды...

Но, закаляясь все больше борьбой,
Не отступай ни на шагъ,
Чтобы и трупъ опозоренный твой
Встрѣтилъ съ почтеніемъ врагъ!

ИДЕАЛЫ.

Юность, къ желанному близясь разцвѣту,
Ласки возводитъ въ кумиръ;
Видится въ пору волшебную эту
Въ радужныхъ краскахъ весь міръ.
Холодъ житейскій извѣдавъ впервые,
Ласки все жарче ростутъ;
Тѣни, вліяя на краски живыя,
Новый имъ блескъ придаютъ.

Дико бушуя на вольномъ просторѣ,
Прыгая тигромъ у скалъ,
Въ бурю не тужатъ ни волны, ни море,
Если пловецъ оплошалъ.
Движетъ порывомъ ихъ высшая сила,
Съ цѣлью невѣдомой имъ:
Людямъ—гдѣ явно зіяетъ могила—
Надо беречься самимъ.

Путникъ, поднявшись съ трудомъ на вершины
Обѣтованной земли,
Дивныя, близкія сердцу картины
Видитъ вблизи и вдали.
Чтò ему подвигъ его дерзновенный!
Чтò ему пройденный путь!
Ждетъ впереди его кровъ вожделѣнный,
Можетъ онъ тамъ отдохнуть.

* * *

Племя людское влекутъ идеалы,
Въ нихъ его вѣчный кумиръ,—
И обновляется ими усталый,
Зломъ переполненный міръ;
Ихъ не поборютъ ни ложь, ни гоненья,
Вѣчно сіяютъ они—
Даже и въ годы людского затмѣнья—
Солнышкомъ въ майскіе дни.

Моремъ безбрежнымъ разлившись, искусство
Ихъ воплощаетъ собой;
Бурю несетъ оно мыслей и чувства.
Въ лоно природы людской.
Тотъ лишь, кто бурѣ сопутствуетъ этой—
Смѣлый и стойкій въ борьбѣ—
Выйдетъ съ побѣдой, любовью согрѣтый...
Горе, оплошный, тебѣ!

Путь къ идеаламъ покрытъ не цвѣтами,—
Камни и терніи тамъ;
Шествовать надо босыми ногами
По заповѣднымъ стезямъ.
Подвигъ великій—достичь идеала,
Но лишь съ его высоты
Окомъ артиста душа созерцала
Міръ неземной красоты!

РАЗЛАДЪ.

Въ душѣ темно, какъ ночью въ бурномъ морѣ,
И тамъ, во тьмѣ, какъ за волной волна,
Безъ устали идетъ за горемъ горе,
Вновь поднимая прошлое со дна.

Вокругъ меня сіяющія лица,
Я слышу смѣхъ ликующихъ людей;
А издали проходитъ вереница
Угрюмыхъ лицъ, страдальческихъ тѣней...

Давно мой умъ опутать, какъ сѣтями,
Стремится тотъ чудовищный разладъ;
Но онъ могучъ надъ слабыми умами,—
Я знать хочу: кто правъ, кто виноватъ?

Мнѣ дѣла нѣтъ до этихъ ликованій,
Пока они доходятъ до меня
Въ сопутствіи подавленныхъ рыданій:
Я свѣта жду—не призрачнаго дня!

Вѣдь слабый блескъ мерцающей зарницы
Не озаритъ широкаго пути;
А солнца лучъ и въ глубину темницы
Способенъ узнику отраду занести.

Въ душѣ темно, какъ ночью въ бурномъ морѣ,
Находитъ скорбь волною за волной...
Но, можетъ быть, ты смоешь это горе,
Девятый валъ, когда нибудь собой!

ВСТРѢЧА.

Мнѣ его очень хвалили:
«Честный», да «умный такой»...
—Ну, говорю,—приведите
Какъ нибудь вмѣстѣ съ собой.
Вотъ и пришелъ онъ. Медвѣжьей
Лапой мнѣ руку пожалъ,
Сѣлъ неуклюже, и что же?—
Тотчасъ мнѣ грубость сказалъ:
«Вамъ, говоритъ,—извините
За откровенность меня,—
Женщинамъ, надо учиться...»
—Съ азбуки?, срѣзала я.
«Именно съ азбуки,—брякнулъ
Онъ, не моргнувши ни разъ:—
Въ куклы васъ прочилъ наставникъ,
Куклы и вышли изъ васъ...»
—Но, возразилъ ему кто-то,—
Женщину много учить
Вовсе не надо: довольно

Матерью честной ей быть.
«Честною матерью... шутка!
Полноте мухъ-то смѣшить...
Это не въ томъ ли ужъ смыслѣ:
Дѣтокъ побольше родить?»
Тутъ оглянула невольно
Я съ головы и до ногъ
Многохваленаго гостя:
Стыдно мнѣ стало, что могъ
Этотъ смѣшной полунищій,
Полупомѣшанный гость
Принятъ быть мною въ гостиной...
Просто взяла меня злость.
Я никогда не забуду
Тѣхъ впечатлѣній вполнѣ;
Старый сюртукъ его послѣ
Даже мнѣ снился во снѣ...
Въ ту же минуту крѣпилась
Долго и я, но потомъ
Не удержалась—безумно
Расхохоталась при немъ...
Онъ не смутился, однакожъ,
Выждалъ и, кончивши рѣчь,
Вымолвилъ ѣдко, прощаясь:
«Надобно время беречь...»
Странно онъ какъ-то въ то время
Эти слова произнесъ,
Такъ-что и стыдно мнѣ было,

Вмѣстѣ и больно до слезъ...
—Что? разсмѣялися гости:—
Какъ показался онъ вамъ?
—Такъ, господа, что впередъ ужь
Съ нимъ вы не жалуйте къ намъ!
Такъ почему-то, не знаю,
Я отвѣчала тогда;
Но... я желала бы нынѣ
Видѣть его иногда...

ПОСЛѢДНЯЯ ВОЛЯ.

Въ душѣ моей настала тишина,
Какъ въ комнатѣ опаснаго больного,
И мнѣ порой сдается, что она
Предчувствуетъ покойника родного...

Но и въ ту ночь, когда во цвѣтѣ силъ
Мой лучшій другъ унесся въ міръ незримый,—
Въ душѣ, убитой горемъ, не носилъ
Я тишины такой невыразимой.

Незваная—откуда же она?
Что знаменуетъ гнетъ ея свинцовый
Въ тѣ дни, когда ожившая страна
Волнуется надеждой жизни новой?

Быть можетъ, мнѣ назначилъ жребій мой
Свести къ концу нелегкій счетъ съ землею?
О, если такъ—я не хочу съ тобой
Проститься, міръ, душевной тишиною!

Но прежде, чѣмъ застынетъ мой языкъ,
Пускай съ его послѣдними словами
Во мнѣ опять, хоть на единый мигъ,
Воскреснетъ человѣкъ съ его страстями;

И пусть еще, еще въ послѣдній разъ
Придутъ ко мнѣ извѣданныя муки,
Чтобъ я съ негодованіемъ угасъ,
А не сложа крестомъ спокойно руки!

ДЕРЕВЕНСКІЯ ПѢСНИ

I.

На печи лежишь—хоть обухомъ бей,
Ничего въ башку не идетъ ей-ей;
Съ бабой гуторишь—только брань, да крикъ.
На міру стоишь—проглотилъ языкъ...

Въ поле выѣдешь—не пахалъ бы вѣкъ,
На дѣтей глядишь—все бы билъ, да сѣкъ;
Заберешься въ лѣсъ—озираешься:
Съ лѣшимъ, думаешь, повстрѣчаешься...

А въ кабакъ зайдешь—человѣкъ другой:
Полилася рѣчь, какъ рѣка весной,
Ума-разума—хоть ведромъ черпнуть,
Чорта за поясъ нипочемъ заткнуть!

II.

Не на то гляди, что дугою бровь:
Не въ бровяхъ кипитъ молодая кровь;
Не на то гляди, что коса до пятъ:
Не косой тебѣ одѣвать ребятъ...

А на то гляди, чтобъ твоя жена
Молода была, да была сильна;
Чтобъ въ рукахъ у ней дѣло спорилось,
Чтобъ во вѣкъ тебѣ съ ней не ссорилось;

Чтобы гость у васъ не съ вина хмѣлѣлъ,
А отъ радости веселѣлъ-сидѣлъ;
Чтобъ честной народъ толковалъ про васъ:
«Вотъ такъ парочка—умереть сейчасъ!»

III.

Не замай меня, господинъ честной!
Не меня сманить золотой казной,
Не меня споить дорогимъ виномъ,
Не меня тебѣ запугать трудомъ!...

Не умѣю я безъ работы жить,
Изъ угла въ другой вдоль избы ходить;
Не привыкла я до полудня спать,
До румяныхъ зорь по ночамъ плясать...

Кабы мнѣ такъ жить довелось всю жизнь,
Померла бы я отъ стыда, кажись:
Ночь бы выбрала, что ни есть темнѣй,
Вышла-бъ изъ дому—да въ рѣку скорѣй!...

IV.

Что-жъ, что родомъ я не боярскій сынъ,
Не великъ на мнѣ христіанскій чинъ,
Не полна мошна золотой казной?
Потому, какъ есть, я мужикъ простой...

Не великъ еще таковой почетъ,
Что боярскій сынъ слаще ѣстъ, да пьетъ;
Не велика честь и въ тебѣ, мошна,
Коль чужимъ трудомъ добытá казна...

А ужь вотъ такъ честь, что мужикъ простой
И себя вскормилъ, и народъ честной;
Да и мнѣ она по плечу, та честь,
Потому простой я мужикъ, какъ есть...

V.

Коли холодъ-гость заберется въ домъ,
Еще можно съ нимъ воевать путемъ,
Безъ большой семьи, безъ жены больной,
Чтобъ въ отвѣтѣ быть головой одной...

А какъ голодъ-гость заберется въ домъ,
Такъ и знай-ложись передъ нимъ ничкомъ:
Хоть семейный будь, хоть лихой бобыль,—
Передъ нимъ-то ты, что трава-ковыль...

Какъ хозяинъ онъ распорядится,
Слышь, во все твое принарядится—
И погонитъ васъ изъ избы, съ сумой,
Погулять босыхъ по землѣ родной...

VI.

Думу-ль горькую я задумаю
Про мою судьбу, про угрюмую;
Загадаю ли про суровую,
Про красавицу чернобровую;

Аль на улицѣ пьянъ-препьянъ лежу,
Да прищуря глазъ, на людей гляжу,—
Не замай меня, ясна сокола,
Обходи, смотри, кругомъ-около!

На ту пору я богатырь-себѣ:
Хоть красавицѣ, хоть лихой судьбѣ—
Всѣмъ отмѣряю русской мѣркою...
Не замай меня—исковеркаю!

VII.

Мнѣ не въ первый разъ, не въ послѣдній разъ
Бить жену свою во похмѣльный часъ;
А и то сказать, бью не съ радости—
Пріученъ къ тому, значитъ, съ малости...

На моей спинѣ самъ родитель мой
Горе-горькое вымѣщалъ хмѣльной,
Да и матушка не скупа была—
Чуть не каждый день молодца драла...

У меня жена—баба знатная,
Не гулящая, не развратная;
А придешь хмѣльной—руки чешутся:
Подвернись она—распотѣшутся!

ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

ПОЭМА-ЛЕГЕНДА.

Посвящается Юліѣ Николаевнѣ Липской.

I.

Въ безбрежномъ морѣ одинокій
Блуждалъ корабль. Его застигъ
Внезапный штиль. Туманъ глубокій
Стоялъ вокругъ, и лишь на мигъ
Виднѣлся сквозь него порою
Край неба, слившійся съ водою.

II.

Корабль имѣлъ ужасный видъ:
Въ его бортахъ зіяли щели,
И руль былъ въ дребезги разбитъ;
На мачтахъ сломанныхъ висѣли—
Ихъ прежде гордость и краса—
Клочками тряпокъ паруса.

III.

И здѣсь, и тамъ виднѣлись группы
Людей на палубѣ. У всѣхъ
Печально лица были тупы;
То раздавался ѣдкій смѣхъ,
То стонъ, то тихое рыданье...
Но всюду слышалось страданье.

IV.

И даже грозный капитанъ,
Не разъ встрѣчавшій смерть съ улыбкой,
Теперь, забывъ свой важный санъ,
Потупилъ голову: ошибкой
Онъ недоволенъ былъ своей...
А сколько выходилъ морей!

V

И вспомнилъ онъ теперь невольно,
Какъ въ день безоблачный они
Пустились въ путь, самодовольно
Капризамъ вѣтра и волны
Надежды смутныя ввѣряя
На счетъ невѣдомаго края,

VI.

Гдѣ солнце свѣтитъ круглый годъ,
Гдѣ, безъ труда, сама природа
Плоды роскошные даетъ,
И безграничная свобода
Царитъ повсюду, какъ законъ,
Надъ массой дѣвственныхъ племенъ.

VII.

Онъ вспомнилъ радостные крики,
Когда усталый экипажъ
Вдали замѣтилъ берегъ дикій;
Но это былъ одинъ миражъ,
Увы! разсѣявшійся вскорѣ,—
И было видно только море.

VIII.

А ночью съ ревомъ налетѣлъ
Ужасный шквалъ, гроза гремѣла,
И цѣлой тучей яркихъ стрѣлъ
По небу молнія блестѣла;
Стонали мачты, адскій свистъ
Гудѣлъ въ снастяхъ и, словно листъ,

IX.

Дрожалъ корабль. Въ ту ночь глухую
Его волненьемъ отнесло
Въ страну, Богъ вѣдаетъ, какую...
Когда-жъ немного разсвѣло,
Наткнулся онъ на рифъ опасный
И былъ готовъ уже, несчастный,

X.

Идти ко дну... какъ новый шквалъ,
Накрывъ его сѣдой волною,
Унесъ отъ этихъ грозныхъ скалъ
Внезапно въ море за собою.
Но то былъ остовъ корабля—
Безъ мачтъ, безъ шлюпокъ, безъ руля!

XI.

И долго вѣтеръ на просторѣ,
Качая, несъ его впередъ,
Пока утихнувшее море
Не улеглось равниной водъ,
Лаская жертвы видъ печальный
Своей поверхностью зеркальной.

XII.

И вотъ теперь уже три дня
Стоитъ затишье роковое;
Густой туманъ, какъ пелена,
Кругомъ окуталъ все живое,—
Настанетъ день, а солнца нѣтъ:
Впередъ и взадъ потерянъ слѣдъ...

XIII.

А между тѣмъ, запасы пищи
Скудѣютъ быстро съ каждымъ днемъ:
Уже питается, какъ нищій,
И онъ—глава надъ кораблемъ;
Не даромъ сталъ онъ даже воду
По чаркамъ выдавать народу.

XIV.

Такъ думалъ старый капитанъ,
Своей команды слыша ропотъ...
Но вдругъ разсѣялся туманъ,—
Въ толпѣ глухой пронесся шопотъ,
И крикъ раздался съ корабля:
«Земля! желанная земля!»

XV.

И передъ жадными глазами,
Теряясь въ чудной вышинѣ,
Вставали горы надъ горами,
И, какъ порой въ волшебномъ снѣ,
На ихъ заоблачныхъ вершинахъ
Играло солнце, какъ въ рубинахъ

XVI.

Но это былъ уже не сонъ:
Прелестнымъ пурпуромъ заката
Горѣлъ далекій небосклонъ,
И той же роскошью объята
Была, вблизи отъ корабля
Теперь лежавшая, земля.

XVII.

И вотъ работа закипѣла
На сонной палубѣ; всю ночь
Никто не прятался отъ дѣла,
Чтобъ горю общему помочь,—
И за восходомъ солнца вскорѣ
Тяжелый плотъ былъ спущенъ въ море.

XVIII.

На немъ отважный капитанъ
Отправилъ опытныхъ матросовъ
Развѣдать берегъ этихъ странъ
И крутизны его утесовъ,
Гдѣ, можетъ быть, отъ частыхъ тучъ,
Дожди скопились въ чистый ключъ.

XIX.

Весь день гребли неутомимо
Къ землѣ невѣдомой пловцы,
А берегъ былъ необозримо
Еще далекъ; лишь скалъ зубцы
Мрачнѣй и рѣзче выступали
Теперь на фонѣ синей дали.

XX.

Но смѣлый плотъ и ночью плылъ,
Пока уступъ скалы отвѣсной
Ему пути не заградилъ...
Быть можетъ, берегъ неизвѣстный
Лежалъ за ней? Да ночь была
Чернѣй вороньяго крыла!

XXI.

И ждали свѣта... Разсвѣтало.
Теперь желанная страна
У самыхъ ногъ пловцовъ лежала...
Величья мрачнаго полна
И тучей грозною накрыта,
Она, казалось, изъ гранита

XXII.

Была гигантомъ отлитá.
И шло на умъ съ тревогой тайной,
Что въ эти дикія мѣста
Никто по прихоти случайной
Не смѣлъ вступать еще; что къ нимъ,
Быть можетъ, избраннымъ однимъ

XXIII.

Доступенъ путь. Когда-жь свѣтило
Дневное, вынырнувъ изъ водъ,
Гранитный міръ позолотило,—
Еще мрачнѣй казался сводъ
Надъ нимъ свинцомъ нависшей тучи...
И грянулъ громъ. Ударъ могучій,

XXIV.

Казалось, даже и небесъ
Съ вѣковъ незыблемыя силы
Поколебалъ,—и день изчезъ
На мигъ во тьмѣ... И отступили
Въ невольномъ ужасѣ назадъ
Пловцы отъ каменныхъ громадъ.

XXV.

И съ быстротой, невѣроятной
Для утомившихся гребцовъ,
Понесся съ ними въ путь обратный
Тяжелый плотъ,—съ береговъ,
Теперь покрытыхъ яркимъ свѣтомъ,
Ужь снова вѣяло привѣтомъ!

XXVI.

На безпомощномъ кораблѣ
Всю ночь шелъ говоръ оживленный
О заколдованной землѣ;
И только въ буряхъ закаленный,
Упрямый старый капитанъ,
Видавшій много разныхъ странъ,

XXVII.

Не захотѣлъ повѣрить сразу
Ни смыслу здравому пловцовъ,
Ни ихъ чудесному разсказу.
Изъ всѣхъ наличныхъ храбрецовъ
Онъ вызвалъ утромъ, по охотѣ,
Двоихъ такихъ, что въ цѣломъ флотѣ

XXVIII.

Никто не могъ бы отыскать
Подобной имъ, отважной пары.
И вотъ пустился плотъ опять
Къ землѣ таинственной, чтобъ чары
Ея извѣдать и принесть
О нихъ желаемую вѣсть.

XXIX.

Весь день, тревогою томимый,
Ихъ ждалъ корабль; лишь въ ночь отъ скалъ
Вернулся плотъ неустрашимый.
На лицахъ посланныхъ лежалъ
Какъ будто слѣдъ испуга свѣжій—
И снова вѣсти были тѣ же...

XXX.

И овладѣло кораблемъ
Теперь отчаянье нѣмое,
И слово «голодъ» ужь на немъ
Звучало часто роковое.
А дни за днями шли, да шли
Въ виду таинственной земли...

XXXI

На кораблѣ, забытый въ трюмѣ,
Невольникъ, скованный въ цѣпяхъ,
Лежалъ безмолвный и угрюмый,
Съ отвагой гордою въ глазахъ.
Его, казалось, слишкомъ мало
Несчастье общее смущало

XXXII.

До этихъ поръ. Но вотъ и онъ,
Теперь, съ послѣдними вѣстями,
Невольно издалъ громкій стонъ
И звякнулъ тяжкими цѣпями.
И этотъ звукъ дошелъ до всѣхъ:
Онъ жутокъ былъ, какъ злобный смѣхъ

XXXIII.

Надъ голодающей свободой
Полуголоднаго раба!
«Знакомъ я съ здѣшнею природой
И, можетъ, выручу тебя;
Награды требовать не стану»,—
Промолвилъ узникъ капитану,

XXXIV.

Когда, на звукъ глухой цѣпей,
Сошелъ онъ къ плѣннику сурово.—
«Я росъ въ борьбѣ—и, съ юныхъ дней,
Бороться для меня не ново:
Раскуй меня и отошли
Искать спасительной земли!»

XXXV.

И узникъ тотчасъ былъ раскованъ.
Онъ долго на берегъ крутой
Смотрѣлъ, какъ будто очарованъ
Его суровой красотой,—
И простиралъ въ слезахъ онъ руки
Къ нему, забывъ былыя муки.

XXXVI.

Воды и пищи, про запасъ,
Дня на три узникъ взялъ съ собою,
Да старый маленькій компасъ,
Чтобъ не разъѣхаться съ землею,
На случай, если бы опять
Туманъ сталъ нá морѣ стоять.

XXXVII.

И, благо, на морѣ свѣжѣло,
То сшилъ онъ парусъ изъ клочковъ—
Казалось всѣмъ, негодныхъ въ дѣло—
Снесенныхъ бурей парусовъ;
А вмѣсто мачты онъ поставилъ
Весло,—и смѣло путь направилъ

XXXVIII.

По разыгравшимся волнамъ.
На счастье, вѣтеръ дулъ попутный
И прямо къ чуднымъ берегамъ
Понесъ онъ быстро неприютный,
Въ хаосѣ пѣнившихся водъ
Теперь едва замѣтный плотъ.

XXXIX

И вслѣдъ за нимъ несло волненьемъ
Корабль къ утесамъ роковымъ...
Съ какимъ горячимъ нетерпѣньемъ
И, вмѣстѣ, съ ужасомъ какимъ
Бросали всѣ нѣмые взгляды
На выроставшія громады

XL.

Гранитныхъ горъ! Уже земля
Была близка, и глазъ усталый
Могъ ясно видѣть съ корабля,
Какъ волны билися о скалы,
И какъ на нихъ же, наконецъ,
Былъ смѣлый выброшенъ пловецъ.

XLI.

И притаили всѣ дыханье. .
Но ошеломленный на мигъ
Волной, онъ вынесъ испытанье—
И, какъ въ борьбѣ побѣдный крикъ,
«Свобода!» съ устъ его слетѣло,—
И сталъ онъ вверхъ взбираться смѣло

XLII.

По недоступнымъ крутизнамъ.
А эхо крикъ перехватило
И, раскатившись по горамъ,
«О, да!» протяжно повторило,
Какъ будто тысячами устъ
Сказать хотѣло: берегъ пустъ.

XLIII.

Но узникъ все неустрашимо
То ползъ, какъ гибкая змѣя,
На скользкихъ выступахъ, помимо
Зіявшихъ пропастей, вися
Порой отчаянно надъ бездной—
Чернѣе полночи беззвѣздной.

XLIV.

То шелъ онъ вдоль громадныхъ плитъ,
Какъ призракъ, мѣрными шагами
По тѣмъ ложбинамъ, гдѣ гранитъ
Лежалъ пологими пластами;
То съ быстротою горныхъ козъ
Съ утеса прыгалъ на утесъ.

XLV.

То на краю скалы отвѣсной
Сидя недвижно, какъ кумиръ,
Онъ измѣрялъ глазами тѣсный,
Внизу покинутый имъ міръ,
Гдѣ за отвагу пылкой груди
Его въ цѣпяхъ держали люди...

XLVI.

А тамъ, на жалкомъ кораблѣ,
Прибитомъ бурными волнами
Къ подводной маленькой скалѣ,
Слѣдили жадными глазами
За смѣлымъ узникомъ, какъ онъ,
Незримой силой окрыленъ,

XLVII.

Взбирался выше все и выше.
Но вотъ глубокой ночи мгла,
Покрывъ таинственныя ниши
Гигантскихъ выступовъ, легла
Непроницаемымъ покровомъ
Уже и на морѣ суровомъ.

XLVIII.

Оно утихло въ этой мглѣ,
И лишь далеко за кормою
Теперь на сонномъ кораблѣ
Былъ слышенъ плескъ воды порою,
Да гдѣ-то изрѣдка звучалъ,
Должно быть, падавшій со скалъ

XLIX.

Обломокъ камня близъ утесовъ.
И вдругъ средь этой тишины
До слуха чуткаго матросовъ,
Прогнавъ зловѣщіе ихъ сны,
Донесся явственно и строго
Напѣвъ, знакомый имъ немного.

L.

Незримый голосъ гдѣ-то пѣлъ:
«Настанетъ день—и тѣни ночи
Сбѣгутъ,—таковъ земли удѣлъ;
Зачѣмъ же люди ваши очи
На вѣчный мракъ осуждены?
Пройдетъ зима—и лучъ весны

LI.

Расторгнетъ узы ледяныя
Озеръ и рѣкъ, и потекутъ
Свободно въ даль ручьи живые,—
Таковъ земли удѣлъ и тутъ;
Зачѣмъ же вы носить готовы,
О, люди! вѣчныя оковы?»

LII.

И этотъ голосъ нисходилъ,
Казалось, съ выси безконечной.
То былъ ли хоръ небесныхъ силъ,
Иль падшій ангелъ, въ скорби вѣчной,
Стоналъ надъ грѣшною землей—
Осталось тайной роковой...

LIII.

По утру, съ первыми лучами
Едва занявшагося дня,
Нетерпѣливыми глазами
Съ различныхъ пунктовъ корабля
Искали узника матросы.
Но были видны лишь утесы.

LIV.

И только въ полдень, наконецъ,
Какъ бликъ ничтожный на картинѣ,
Замѣченъ ими былъ храбрецъ
На выдающейся вершинѣ
Одной изъ горъ. Но острый глазъ
Былъ слишкомъ слабъ на этотъ разъ,

LV.

Чтобъ убѣдиться несомнѣнно
Въ своемъ открытіи. Тогда
Труба подзорная мгновенно
Наведена была туда,—
И шопотъ ужаса живого
По кораблю пронесся снова:

LVI.

На неприступной вышинѣ,
Гдѣ, ночью, съ вѣчными снѣгами
Способны звѣзды лишь однѣ
Играть холодными лучами;
Куда, въ пути издалека,
На отдыхъ сходятъ облака,—

LVII.

Да, тамъ, на дѣвственной вершинѣ
Горы, былъ узникъ! Онъ стоялъ,
Какъ жрецъ въ таинственной святынѣ,
Между покрытыхъ льдами скалъ
И въ даль присматривался смѣло.
Клочками жалкими висѣла

LVIII.

Одежда грубая на немъ,
И вѣковѣчное свѣтило
Своимъ полуденнымъ лучемъ
Теперь капризно золотило
Ихъ нищету; изъ голыхъ рукъ,
Какъ свѣжій слѣдъ недавнихъ мукъ,

LIX.

Сочилась кровь. Но эти руки
Простерлись радостно впередъ,
Какъ будто тамъ кончались муки,
Какъ будто видѣлся исходъ
За этой страшною стѣною
Всему, что выносилъ порою

LX.

Онъ—бывшій узникъ корабля;
Какъ будто—словомъ—тамъ лежала
Обѣтованная земля...
И вдругъ стремительно сбѣжалъ онъ
Съ горы въ ту сторону, куда,
Казалось, не было слѣда

LXI.

Помимо неба голубого.
И ждалъ корабль въ нѣмой тоскѣ...
Но вотъ явился узникъ снова:
Съ зеленой вѣткою въ рукѣ
Теперь стоялъ онъ на вершинѣ,
Какъ Гавріилъ, когда въ святинѣ

LXII.

Тотъ храма древняго предсталъ
Для благовѣстія Маріѣ...
Кто думать могъ, что этихъ скалъ
Безплодныхъ выступы нагіе,
Еще съ глубокой старины,
Стоятъ на стражѣ у страны,

LXIII.

Быть можетъ, дивно-плодородной?
И, обернувшись къ ней лицомъ,
Заплакалъ узникъ—и, свободный
Теперь на вѣкъ, своимъ челомъ
Къ землѣ, снѣгами убѣленной,
Припалъ колѣнопреклоненный.

LXIV.

Взглянулъ онъ на море потомъ,
И долго скорбными глазами
Смотрѣлъ, какъ вмѣстѣ съ кораблемъ
Горѣлъ румяными лучами
Далекій край родныхъ небесъ;
Смотрѣлъ, смотрѣлъ—и вдругъ исчезъ...

LXV.

Съ тѣхъ поръ надъ мрачною страною,
Въ волшебныхъ краскахъ, ужь не разъ
Заря смѣнялася зарею
И день за днемъ безслѣдно гасъ,—
А все вѣстей не приходило
Съ земли: ревниво, какъ могила

LXVI.

Скрывала узника она
За неприступною горою.
Кругомъ стояла тишина,
И только слышался порою
На кораблѣ ужасный стонъ;
Со многихъ устъ, казалось, онъ

LXVII.

Въ одинъ моментъ срывался дружно
Подъ пыткой голода. И вотъ
Теперь рѣшили тамъ, что нужно
Собрать большихъ размѣровъ плотъ,
Чтобъ всѣ могли, безъ исключенья,
На берегу искать спасенья.

LXVIII.

Но... какъ обманчивый миражъ
Недолго глазъ лелѣетъ въ морѣ,
Такъ съ этой думой экипажъ
Проститься вынужденъ былъ вскорѣ:
Теперь, прикованный къ скаламъ,
Увы! миражъ онъ былъ и самъ...

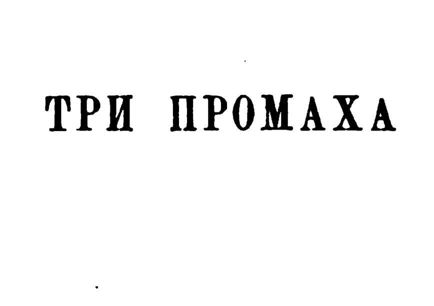
LXIX.

Еще смѣнилась ночь разсвѣтомъ,
Но ужь его на кораблѣ
Толпа не встрѣтила привѣтомъ:
Оборотясь лицомъ къ землѣ
И на заоблачныя горы
Вперивъ недвижимые взоры

LXX.

Въ какомъ-то ужасѣ тупомъ,
Какъ изваяніе застыла
Она въ молчаньи гробовомъ,—
И смерть голодная царила,
При блескѣ утреннихъ лучей,
Во всемъ величіи надъ ней!...

ТРИ ПРОМАХА

ТРИ ПРОМАХА.

Татарская легенда.

I.

Какъ блѣденъ и худъ онъ, бѣдняга!
Какъ мраченъ, какъ духомъ убитъ!
За то ужь какое и горе
Въ душѣ его камнемъ лежитъ!...

Сегодня онъ съ ней разсчитался:
Онъ далъ ей покрѣпче уснуть;
Когда она сномъ позабылась,
Открылъ онъ ей бѣлую грудь...

Когда-бъ она пала на вѣтку,
То вѣрно бы вѣтку сожгла;
Но пули свинцовой тѣмъ жаромъ
Она растопить не могла...

И медленно, нѣмъ, какъ могила,
Онъ въ черное дуло вкатилъ
Кусокъ рокового металла,—
И разъ еще долго слѣдилъ,

Какъ бѣлая грудь подымалась,
Какъ рѣзвилась кровь на щекахъ,
Какъ разъ еще имя чужое
Мелькнуло у ней на устахъ...

Тогда онъ съ улыбкой то мѣсто,
Гдѣ билося сердце, открылъ,
И сдѣлалъ на немъ онъ замѣтку,
И ухо къ нему приложилъ.

Хотѣлъ ли онъ вывѣдать тайну,
Хотѣлъ ли подслушать, любя,
Чѣмъ выскажетъ милое сердце
Въ послѣднихъ минутахъ себя,—

Должно быть, что смыслъ былъ ужасенъ
Подслушанныхъ звуковъ въ тотъ разъ:
Онъ блѣдный, какъ смерть, приподнялся
И цѣлиться сталъ, торопясь...

И громко ее онъ окликнулъ
Однимъ изъ любимыхъ именъ...
Но прежде, чѣмъ губы раскрылись
Отвѣтить на вызовъ сквозь сонъ,—

Онъ вспомнилъ, что имя чужое
Разслышать въ отвѣтѣ онъ могъ,
И скорчилъ отчаянно руку...
На полкѣ мелькнулъ огонекъ,—,

И разъ еще въ выстрѣла звукѣ
Онъ имя чужое узналъ,
И самъ полумертвый, шатаясь,
На мертвое тѣло упалъ...

II.

Какъ блѣденъ и худъ онъ, бѣдняга!
Какъ мраченъ, какъ духомъ убитъ!
За то ужъ какое и горе
Въ душѣ его камнемъ лежитъ!...

Сегодня прошла ея рана,
Хотя и была глубока:
Не въ сердце ударила пуля—
Ему измѣнила рука...

И эту глубокую рану
Тотъ самый красавецъ лечилъ,
Чье имя отъ ней онъ услышалъ,
Когда пистолетъ зарядилъ!

Она разцвѣла еще краше;
Сегодня ее онъ узналъ,
Когда они ѣхали вмѣстѣ
По скользкой окраинѣ скалъ.

Лицо ея было, какъ небо,
Глаза—какъ морская волна,
И вся, какъ природа весною,
Была она солнца полна.

И много блистало на платьѣ
У ней драгоцѣнныхъ камней,
Какихъ никогда онъ не въ силахъ
Дарить былъ подругѣ своей...

И что̀ былъ за конь подъ невѣрной!
И ка́къ этотъ конь выступалъ!
Такихъ, какъ родился, онъ даже
Во снѣ никогда не видалъ...

И думалъ онъ: сколько бы дали
За цѣну такого коня
Свинцу самой высшей доброты
На пули для чернаго дня?

И думалъ онъ: сколько, примѣрно,
Онъ могъ бы свинцомъ этимъ ранъ
Смертельно-глубокихъ нанесть ей
За промахъ, за кровный обманъ?

И былъ онъ доволенъ разсчетомъ;
А ночью укралъ бѣгунца
И продалъ купцу изъ Бухары
За пудъ дорогого свинца.

На завтра же ночью, какъ только
Мулла съ минаретовъ провылъ,
Заперся онъ въ старую саклю
И до-свѣту пули тамъ лилъ...

III.

Какъ блѣденъ и худъ онъ, бѣдняга!
Какъ мраченъ, какъ духомъ убитъ!
За то ужъ какое и горе
Въ душѣ его камнемъ лежитъ!...

Сегодня узналъ онъ съ разсвѣтомъ,
Что въ ночь, какъ сидѣлъ онъ и лилъ
На мщенье тяжелыя пули,—
Красавецъ ее увозилъ...

Сказалъ ему старый татаринъ,
Что въ Персію путь ихъ лежалъ;
Онъ слышалъ своими ушами,
Какъ тотъ ей, сбираясь, шепталъ:

«Поѣдемъ... Къ востоку есть городъ,
Есть городъ большой—Тегеранъ;
Тамъ приметъ насъ другъ мой съ почетомъ,—
А другъ мой—персидскій султанъ!

«Поѣдемъ... во славу пророка...
Пускай себѣ ищетъ онъ тамъ
Въ подруги такой же татарки
Оборванной, нищей, какъ самъ!

«Поѣдемъ... Всмотрись въ эту саклю:
Сидитъ онъ и пули тамъ льетъ;
Ужъ я его знаю, собаку!—
Онъ даромъ коня не возьметъ...

«Поѣдемъ... Вѣдь нѣтъ ни абаза
Въ карманѣ его на свинецъ,—
А самъ съ пистолетомъ турецкимъ
За поясомъ, ходитъ, подлецъ!

«Поѣдемъ... Коня-то онъ продалъ,—
Другого украсть не дадутъ...
Пускай его пули, собаку,
Въ погоню за нами ведутъ!»

«И сѣли, прибавилъ татаринъ,—
И обнялъ ее онъ рукой...
И мимо указанной сакли
Промчались, какъ вѣтеръ степной.»

IV.

Какъ блѣденъ и худъ онъ, бѣдняга!
Какъ мраченъ, какъ духомъ убитъ!
За то ужь какое и горе
Въ душѣ его камнемъ лежитъ!...

Сегодня онъ въ доброе дуло
Три добрыя пули вкатилъ,
И каждую пулю отдѣльно
Въ горячей слезѣ онъ топилъ..

Онъ воротъ у красной рубахи
Разрѣзалъ бухарскимъ ножемъ,
И мѣсто, гдѣ билося сердце,
Опять обозначилъ кружкомъ...

И дуло къ кружку роковому
Приставилъ... Мелькнулъ огонекъ,—
И всѣ три несчастныя пули
Скользнули по рёбрамъ не въ прокъ!

Не кровь, что струилась изъ раны,
Не боль перерѣзанныхъ жилъ,
Не кости нытье раздробленной,—
А промахъ лишилъ его силъ...

V.

Какъ блѣденъ и худъ онъ, бѣдняга!
Какъ мраченъ, какъ духомъ убитъ!
За то ужь какое и горе
Въ душѣ его камнемъ лежитъ!...

Сегодня прошла его рана,
Хотя и была глубока:
Не въ сердце ударила пуля—
Опять измѣнила рука!

Онъ всталъ и прошелся по саклѣ,
Сердито схватилъ пистолетъ...
Но въ ящикѣ кованномъ мѣдью
Ни пули, ни пороха нѣтъ...

Сказалъ ему старый татаринъ,
Что разъ, какъ онъ въ саклѣ лежалъ,
Какой-то киргизскій наѣздникъ
И пули, и порохъ укралъ...

Заплакалъ бѣдняга... Ни друга,
Ни мести, ни смерти къ лицу!—
И нѣтъ ни абаза въ карманѣ,
На что́ бы купилъ онъ свинцу!...

САМОРОДОКЪ

САМОРОДОКЪ.

Поэма изъ сельскаго быта.

I.

Какъ къ невѣстѣ, къ землѣ
Клонитъ солнце чело,
Тонутъ въ розовой мглѣ
Ближній лѣсъ и село;
А вдали, подъ грядой
Облаковъ огневыхъ,
Брызнулъ лучъ золотой
Изъ-за пурпура ихъ.
Паренекъ на крыльцѣ
Засмотрѣлся на свѣтъ;
У него на лицѣ
Тоже розовый цвѣтъ.

Нѣмъ и глухъ для всего,
Онъ не смѣетъ дышать,
И напрасно его
Кличетъ ужинать мать:
При роскошной игрѣ
Чародѣйскихъ лучей,
Въ этотъ мигъ, на зарѣ,
Пареньку не до щей!
Онъ ребенокъ лицомъ;
Но небесъ и земли
Краски дивныя—въ немъ
Дарованье зажгли.
Сколько разъ онъ видалъ
Блескъ пурпуровыхъ тучь,
Но теперь лишь запалъ
Въ душу каждый ихъ лучъ,—
И въ потемкахъ, въ избѣ,
Онъ, какъ все тамъ заснетъ,
Представлять ихъ себѣ
Будетъ ночь напролетъ.

II.

Странная случилась
Съ Ваней перемѣна:
Круто измѣнилась
Игръ его арена.

Прежде онъ, бывало,
Рыщетъ безтолково,
Слушается мало
Окрика родного;
То горшокъ уронитъ,
То залѣзетъ въ кадку,
То пойдетъ-хорòнитъ
Таракана въ грядку,
Вырывъ втихомолку
Ямку подъ укропомъ;
То накроетъ тёлку
«Мамкинымъ» салопомъ,
Иль сѣнца охапку
Сброситъ съ сѣновала
И набьетъ имъ шапку
«Тятькину» бывало.
Все бы онъ проказы
Велъ такого сорта,
Вѣчно слышишь фразу:
«Ванька! я те, чорта!»

А теперь буяна
Словно и не слышно:
Встанетъ рано-рано,
Чуть лишь зорька пышно
Заалѣетъ въ небѣ,
И бѣжитъ онъ въ поле,
Позабывъ о хлѣбѣ

На привольной волѣ.
Все ребенку проще
Кажется въ природѣ:
На̀ полѣ и въ рощѣ,
Даже въ огородѣ—
Что̀ къ его услугамъ
И зимой, и лѣтомъ—
Онъ какъ будто другомъ
Съ каждымъ сталъ предметомъ.
Вонъ бѣгутъ овечки
Бодро такъ и плавно:
«Ихъ на бѣлой печкѣ
Срисовать бы славно?»
Ваня разсуждаетъ.
Промелькнуло стадо—
И ужь онъ рѣшаетъ:
«Безпремѣнно надо!
Только... главно дѣло...
Чѣмъ бы это сробить?
Э! да можно смѣло
Уголь приспособить.»

И охватитъ Ваню
Жажда смутной цѣли:
«Вонъ и нашу баню
Сдѣлаю, и ели»,—
Шепчетъ онъ, задами
Пробираясь къ дому;

Подкрѣпится щами,
Влѣзетъ на солому,
Полежитъ немного—
И, открывши очи,
Тою же дорогой
Пропадетъ до ночи.

III.

Такъ прошло много дней
Безъ проказъ, безъ брани,—
И дивила людей
Эта скромность Вани;
Но ни мать, ни отецъ
Не смекнули разомъ,
Почему сей конецъ
Наступилъ проказамъ.
Разъ, семья на покосъ
Собралась съ разсвѣтомъ,—
Всѣ ушли, даже пёсъ
Убѣжалъ при этомъ;
Только Ваня съ тѣхъ поръ
Домовничалъ въ хаткѣ:
«Я, молъ, тятька, натеръ,
Слышъ, мозоль на пяткѣ.»
Тамъ натеръ, не натеръ,
А держись приказа:

«Ты не смѣй, молъ, на дворъ
Выбѣгать, зараза!»
И хоть мой паренекъ
Промолчалъ на это,—
Онъ соблюлъ, сколько могъ,
Словеса завѣта:
Только разъ въ этотъ день
Дворъ и видѣлъ Ваню,
Какъ, взмостясь на плетень,
Онъ залѣзъ на баню.
Тамъ кирпичъ-великанъ
Отыскавши хрупкій,
Ваня къ бабкѣ въ чуланъ
Прошмыгнулъ за ступкой.
Съ часъ стучалъ онъ пестомъ,
Хорошо ли, худо,—
И все стихло потомъ:
Совершалось чудо...

IV.

Вотъ телѣга скрипитъ,—
Всѣ вернулись съ покосу:
«Ванька, надо быть, спитъ,
Что не кажетъ и носу?—
Тишина, какъ въ гробу.»
Былъ закатъ ужь—и солнце

Посылало въ избу
Алый свѣтъ сквозь оконце.
Входятъ въ хату отецъ,
Мать и бабушка тоже...
«Милосердный Творецъ!
Ахъ ты, Господи Боже!»
Разомъ крикнули всѣ
И всплеснули руками:
Съ печи, въ адской красѣ,
Смотритъ злыми глазами
Рядъ причудливыхъ рожъ,
Все кирпичнаго цвѣта,
Чернобровыхъ. Похожъ,
Какъ двѣ капли, на это
Былъ и авторъ такой
Неожиданной встрѣчи,
Весь въ окраскѣ смѣшной
Возсѣдавшій у печи,
Ковыряя въ носу.
А кругомъ все чернѣли,
По стѣнамъ, какъ въ лѣсу,
Ели, ели и ели...

Въ тотъ же памятный день,
Надъ корчагой съ углями,
Ваню «тятькинъ» ремень
Познакомилъ съ шипами
Артистическихъ грёзъ;

Да и бабушки «взбучка»
Наградила до слёзъ,
За экспрессію, внучка.

V.

Черезъ три-четыре года,
Проѣзжая тѣмъ селомъ,
Я справлялся у народа
О проказникѣ моемъ:
Все ли такъ же вдохновенно
Ходитъ кисть его руки?
Гладя бороды степенно,
Мнѣ сказали мужики:
«Э! ужъ нынѣ Ваньки нѣту!
Опозорилъ онъ семью
Черезъ самую вотъ эту,
Значитъ, пакостность свою.
Много съ мѣсяцъ будетъ, что ли,
По приказу старшины,
Ваньку шибко отпороли
Изъ-за вотъ какой вины:
На воротахъ, слышь, въ ту пору,
У Ѳедюхина купца
Онъ, похоже до умору,
Снялъ патретъ съ его лица...»
Мужики захохотали,

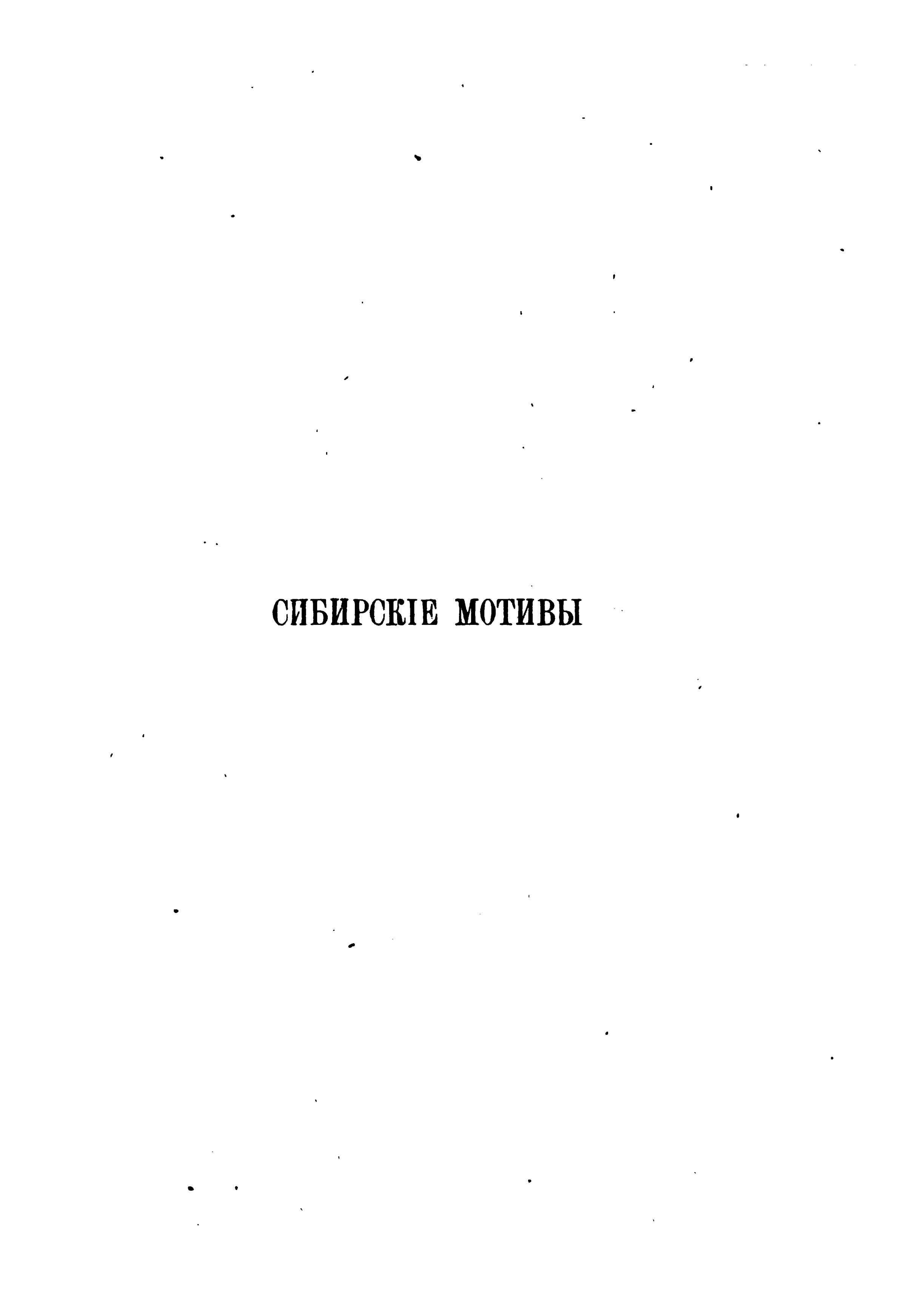
А одинъ изъ нихъ сказалъ:
«Съ этой са́мой вотъ печали
Ванька бе́зъ-вѣсти пропалъ.»
—Не нашли? спросилъ я только,
Вспомнивъ Ванину мозоль.
—«Да! ищи его! изволь-ко!
Быстронога эта голь!»

VI.

Длинный свитокъ годовъ
Канулъ въ вѣчность съ тѣхъ поръ.
Гдѣ-то Ваня? каковъ
Далъ судьбѣ онъ отпоръ?
Спитъ ли, всѣми забытъ,
Онъ въ холодной землѣ?
Лучъ ли славы горитъ
У него на челѣ?
Или жизнь, изломавъ
Дарованіе въ немъ,
Не дала ему правъ
Проявиться ни въ чемъ,
И темнѣй, чѣмъ въ гробу,
По стезѣ роковой,
Онъ проходитъ судьбу—
Хуже смерти самой?
Я не знаю,—и вамъ

Лишь покаюсь въ одномъ,
Что надѣюсь я самъ
Вновь услышать о немъ:
Вѣдь какихъ бы обидъ
Ни извѣдалъ талантъ,
Онъ вездѣ заблеститъ,
Какъ чистѣйшій брильянтъ...

— — —

СИБИРСКІЕ МОТИВЫ

* * *

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,
То посѣти между прочимъ
    Край мой далекій...

Тамъ сквозь снѣга̀ и морозы
Носятся мощные звуки;
Встрѣтишь людей тамъ, что̀ терпятъ
    Муки за муки...

Нѣтъ тамъ пустыхъ истукановъ,
Вздоховъ изнѣженной груди...
Тамъ только люди да цѣпи,
    Цѣпи да люди!

———

БЛИЗЪ ГРАНИЦЪ МОНГОЛІИ.

Дорожный набросокъ.

Ѣду я... Саянскіе хребты
Тѣшатъ глазъ мой вѣчными снѣгами.
Я дремлю. О родинѣ мечты
Золотыми кажутся мнѣ снами.

Чу!... монголъ... Луна глядитъ съ небесъ,
Какъ онъ палъ предъ чѣмъ-то на колѣни...
А къ нему чудесный темный лѣсъ
Протянулъ причудливыя тѣни.

Сонъ пропалъ. Но грезы все ростутъ,
Словно тѣ сѣдые великаны,
Что стоятъ на стражѣ вѣчной тутъ,
Въ голубые кутаясь туманы.

Мнѣ сдается: родина моя
Черезъ нихъ гигантскими шагами
Перешла и смотритъ на меня
Ожиданья полными очами,—

И, качая грустно головой,
Будто шлетъ мнѣ молча укоризну,
Что не разъ я тамъ, въ странѣ чужой,
Забывалъ далекую отчизну...

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Сибирскій тостъ.

За движеніемъ стрѣлки часовъ
Я слѣжу и о прошломъ тоскую:
Такъ и рвется душа изъ оковъ
Чуждой жизни въ среду ей родную.
Погоди же, мой край дорогой!
Пусть бьетъ полночь,—и мыслью съ тобой
Я въ кругу земляковъ запирую.

Земляки! Новый годъ ужъ насталъ...
Я его на чужбинѣ встрѣчаю;
Но тѣмъ выше за васъ мой бокалъ
И за родину я поднимаю.
Пусть, какъ пѣнится это вино,
Жизнь кипитъ въ ней, не павши на дно...
Честь и слава родимому краю!

Тамъ, за сотнями верстъ, какъ и здѣсь,
Новый годъ народился пригожій
И, какъ юноша, полонъ онъ весь
Упованій, вступая въ міръ Божій.

Пусть же вѣруетъ въ силу свою
Молодежь и въ далекомъ краю...
Честь и слава родной молодежи!

Но помянемъ съ любовью и тѣхъ,
Кто теперь и подъ старческимъ видомъ
Носитъ юную душу для всѣхъ
Нашихъ братьевъ, причастныхъ обидамъ,—
Кто стезею родимыхъ намъ мѣстъ
Несъ за насъ же страдальчески крестъ...
Честь и слава роднымъ инвалидамъ!

И до насъ выступали борцы,
Край родной защищая по силамъ,—
Тѣхъ ужь нѣтъ, тѣ давно мертвецы;
Но въ томъ прахѣ когда-то по жиламъ
Протекала горячая кровь,
Билась къ родинѣ жарко любовь...
Честь и слава родимымъ могиламъ!

Наполняю бокалъ мой опять.
Край прекрасный, единственный въ мірѣ!
Я хотѣлъ бы тебѣ пожелать—
Чтобъ, подобно простору и шири
Нашихъ рѣкъ исполинскихъ, развилъ
Ты всю мощь своихъ дремлющихъ силъ...
Честь и слава далекой Сибири!

НА БЕРЕГАХЪ ЕНИСЕЯ.

Посвящ. моимъ землякамъ.

Стою—и льются градомъ слёзы...
Чрезъ столько лѣтъ... и то не грёзы,
Не сонъ, что снова вижу я,
Какъ видѣлъ въ молодость былую,
Тебя, кормилицу родную?...
О, здравствуй, родина моя!

Румянно-свѣжая, какъ роза,
Въ вѣнкѣ брильянтовомъ мороза,
Въ блестящей туникѣ снѣговъ,—
Ни на кого ты непохожей
Стоишь невѣстою пригожей,
Готовой встрѣтить жениховъ...

Внутри хоромъ твоихъ привѣтныхъ
Весь полъ—изъ камней самоцвѣтныхъ.
Тамъ груды всякаго добра;

Медвѣди, соболи, куницы
И чернобурыя лисицы
Лежать у ногъ—взамѣнъ ковра.

Безъ чванства, чуждая кокетства,
Ты всѣмъ, кого ты знала съ дѣтства,
При встрѣчѣ душу отдаешь,—
И твой порогъ переступая
На склонѣ лѣтъ, я вновь, родная,
Сталъ юнъ, какъ наша молодежь.

Пришелецъ чуждый издалека
Лишь на одно мгновенье ока
Тебя суровою найдетъ;
Но кто рѣчей твоихъ послушалъ,
Кто у тебя гостилъ и кушалъ—
Твой образъ въ сердцѣ унесетъ.

На всѣхъ концахъ земной планеты
Разскажетъ онъ твои примѣты:
Сильна—какъ въ сказкахъ богатырь,
Ума и разума—палата,
Какъ рудникъ золотой—богата,
Привольна—какъ степная ширь.

И часто гость, на мѣстѣ новомъ,
Тебя помянетъ добрымъ словомъ...
А тѣ страдальцы, чья судьба

Тебѣ ввѣрялась по приказу,
Безъ ласки искренней ни разу
Не выходили отъ тебя!

Отвергнувъ мести ложной право,
Ты имъ не ставила лукаво
Въ укоръ содѣяннаго зла—
И, братскимъ движима участьемъ,
Ихъ преступленія лишь «несчастьемъ»
По-человѣчески звала...

О, много тамъ ихъ, на чужбинѣ,
Я зналъ, уже свободныхъ нынѣ!—
И всѣ, съ кѣмъ ты разлученà,
Сказать велѣли, грусть скрывая,
Большой поклонъ тебѣ, родная
Моя красавица-страна!

АНГАРСКАЯ ГРЕЗА.

Дорожный набросокъ.

Вонъ виднѣются горы Байкала
Въ чуть замѣтной дали Ангары...
И душѣ моей живо предстала
Ты, избранница юной поры!

Мнѣ мерещится смуглый румянецъ,
Смоль густыхъ, непокорныхъ волосъ,
И отъ солнца блестящій ихъ глянецъ,
Оттѣненный бутонами розъ.

Я узналъ васъ, сибирскія розы!
Разскажите вы, милыя мнѣ:
Иль не губятъ снѣга и морозы
Васъ и въ нашей суровой странѣ?

И, какъ тихій младенческій лепетъ,
Мнѣ послышался ясно отвѣтъ:
«Мы цвѣтемъ, подавляя свой трепетъ,
Ради родины, милый поэтъ!»

СЧАСТЛИВЫЙ СОНЪ.

Я видѣлъ сонъ: мнѣ снился чудный край,
Манившій глазъ богатствомъ и просторомъ.
Страна цвѣла, какъ первобытный рай;
Предъ очарованнымъ кипѣла взоромъ
Повсюду жизнь. Казалось, что враждѣ
Здѣсь мѣста нѣтъ: встрѣчались мнѣ вездѣ
Радушныя улыбки, и при этомъ
Уста звучали искреннимъ привѣтомъ.

Громады горъ тѣснилися вдали;
Ихъ снѣжныя, причудливыя цѣпи
Шли въ облака; съ хребтовъ, шумя, текли
Потоки водъ на бархатныя степи.
Вершинами дремучіе лѣса
Тянулись тоже гордо въ небеса.
Долины рѣкъ, покрытыя цвѣтами,
Легли ковромъ узорчатымъ мѣстами.

И тутъ, и тамъ пестрѣли города;
Ихъ фабрики, заводы и строенья

Разили глазъ энергіей труда.
Межъ городовъ ютилися селенья,
И пашенъ ихъ роскошный черноземъ
Распространялъ душистый паръ кругомъ;
Бродилъ вездѣ огромными стадами
Домашній скотъ, упитанный кормами.

Я обомлѣлъ... Но лучше во сто кратъ
И этихъ мѣстъ, и этой всей природы
Былъ самъ народъ. Казалось, весь объятъ
Могучимъ онъ сознаніемъ свободы;
Казалось, въ немъ, чрезъ многіе года
Тяжелыхъ мукъ, упорнаго труда,
Созрѣла мысль, что высшее богатство
Свободныхъ душъ—ихъ равенство и братство.

Да! братство здѣсь и равенство цвѣли:
Здѣсь юноша внималъ великодушно
Сѣдымъ мужамъ, а старцы эти шли
За молодымъ движеніемъ послушно.
Такихъ, какъ здѣсь, цвѣтущихъ матерей
Я не встрѣчалъ нигдѣ; забавы ихъ дѣтей
Невольно слухъ весельемъ чаровали.
Красавицъ рой не вѣдалъ здѣсь печали.

И, наконецъ, спросить рѣшился я,
Войдя въ толпу радушнаго народа:
—Скажите мнѣ, какая здѣсь земля?
И почему такая здѣсь свобода?

—«У насъ Сибирь», отвѣтилъ мнѣ одинъ.
Другой сказалъ:—«Народъ нашъ—ссылки сынъ,
Онъ долго несъ изгнанья иго злое,
Чтобъ не цѣнить страданіе людское,

«И далъ обѣтъ несчастіе любить;
Не шелъ къ нему онъ съ холодомъ презрѣнья,
Но въ тьмѣ души погибшей заронить
Старался лучъ отрадный примиренья,—
И тайна вся свободы нашей въ томъ,
Что видимъ мы родного и въ чужомъ.
Живи у насъ, коль край нашъ приглянулся...»
Я задрожалъ отъ счастья—и проснулся.

* * *

На дальней родинѣ моей
Обычный звукъ былъ звукъ цѣпей,
Онъ рано въ душу мнѣ проникъ
И съ дѣтства въ ней будить привыкъ
Тоску по участи людей.

Не помню я такого дня,
Чтобъ не звучалъ онъ для меня;
Не зналъ ночей такихъ, чтобъ мнѣ
Онъ не пригрезился во снѣ,
Все также явственно звеня.

Я ощущаю и поднесь
Въ ушахъ болѣзненную рѣзь,
Когда доходитъ звукъ такой
До нихъ, хоть издали, порой,—
И часто вздрагиваю весь.

И я молю, чтобъ этотъ звукъ,
Глухой, какъ въ крышку гроба стукъ,
Безслѣдно замеръ поскорѣй
Для бѣдной родины моей—
Страны изгнанія и мукъ...

ПОДРАСТАЮЩИМЪ ЗЕМЛЯЧКАМЪ.

Тамъ, у себя, въ родной глуши,
Роскошнымъ цвѣтомъ разцвѣтая,
Вы чувства лучшія души
Должны беречь на пользу края.

Отъ васъ, грядущихъ матерей,
Зависитъ подвигъ многотрудный —
Дарить землѣ богатырей,
Достойныхъ родины ихъ чудной.

Пускай же въ юномъ ихъ краю,
Питаясь вашими грудями,
Къ нему всосутъ любовь свою
Они съ младенческими днями.

Пускай преданья старины
Надъ колыбелью ихъ витаютъ
И пѣсни пусть родной страны
Почаще ухо имъ ласкаютъ.

Да! тамъ, на родинѣ моей,
Дарами всякими богатой,
Недостаетъ живыхъ людей—
Нѣтъ жизни, мыслію объятой.

За то и чести нѣтъ иной,
И права нѣтъ на свѣтѣ краше—
Сказать предъ цѣлою страной:
«Вотъ это поколѣнье—наше!

«Краснѣть намъ не за что предъ нимъ;
Родимой вскормленное кровью,
Къ своей землѣ, къ полямъ своимъ
Оно проникнуто любовью.

«Мы горько плакали не разъ
У изголовья колыбели,
Но духъ корысти чуждъ былъ насъ,
Какъ чисты были наши цѣли.

«Не намъ судить свои дѣла
И мы не ждемъ иной награды
Помимо той, чтобъ ты цвѣла,
Земля родная, безъ преграды!»

И вѣрьте мнѣ, когда падутъ
И на Сибирь потоки свѣта,—
Помянутъ съ гордостью вашъ трудъ
Стихи грядущаго поэта.

И возвеличитъ васъ народъ,
И долго, долго будутъ милы
Ему—принесшія свой плодъ,
Давно забытыя могилы...

БАРАБИНСКАЯ СТЕПЬ.

Дорожный набросокъ.

I.

Не забыть мнѣ, какъ ранней весною,
Чуть растаютъ снѣга на поляхъ,
Я, бывало, родной Барабою
Проѣзжалъ, по зарямъ, на дружкахъ*).

При волшебномъ румянцѣ природы,
Путь въ степи чародѣйски хорошъ!
Какъ съ просонокъ, зардѣются воды
Озерковъ. Точно бодрая дрожь

Пробѣжитъ по сухому бурьяну
Отъ весенняго вѣтра,—а тамъ
И уйму нѣтъ степному буяну;
Онъ, какъ вихорь, несется къ холмамъ,

---

*) «Ѣхать на дружкахъ» — выраженіе чисто-сибирское. «Дружками» зовутъ вольныхъ ямщиковъ на Барабѣ, гдѣ у каждаго изъ нихъ имѣется на ближайшей станціи свой «дружокъ» (пріятель), который обязательно и везетъ сѣдока дальше за впередъ условленную дешевую плату. На остановкахъ, за продовольствіе и услугу не берутъ ничего, — такъ, по крайней мѣрѣ, было на нашей памяти.

Гдѣ задвигались странныя тѣни:
Это вѣтреныхъ мельницъ ряды,
Пробудясь отъ его нападеній,
Начинаютъ дневные труды.

Такъ и ждешь, что сейчасъ Донъ-Кихота
Привидѣнье мелькнетъ на холмахъ...
И дремать припадаетъ охота,
Созерцая лишь крыльевъ размахъ.

Но картины мгновенно не стало,
Унеслась и дремота за ней.
—«Жги, малютки!» кричитъ разудало
На проворныхъ дружокъ лошадей.

Онъ къ бичу не даетъ имъ повадки:
Не для краснаго молвить стишка,—
Барабинскія знаютъ лошадки
Рукавицу, да голосъ дружка.

Подъ дугой колокольчикъ обычный
Такъ и замеръ, не трогая слухъ,—
И во мнѣ, отъ ѣзды непривычной,
Замираетъ томительно духъ.

Изъ-подъ ногъ лошадей, безъ оглядки,
Въ бѣлыхъ брючкахъ мохнатыхъ, гурьбой
Удираютъ въ ковыль куропатки,
Точно школьницы рѣзво домой.

II.

И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше картины...
Впереди—перелѣсокъ пошелъ.
На верхушкѣ громадной лѣсины
Возсѣдаетъ, топорщась, орелъ.

А вдали, посрединѣ дороги,
Какъ хозяева полные тутъ,
Косачи безъ малѣйшей тревоги
Совѣщанье о чемъ-то ведутъ.

—«Глуповатая птица весною»,—
Замѣчаетъ дружокъ про себя:—
«Ужь была бы винтовка со мною,
Не видать бы тетерькамъ тебя!»

И, прикрикнувъ:—«Держись, молъ, лѣвѣе!»
Разгоняетъ онъ птицъ. А заря
Такъ и пышетъ все ярче, алѣе.
Вдругъ—ея же лучами горя—

Развернулося озеро. Слышенъ
Гдѣ-то издали крикъ лебедей.
Вонъ плывутъ онѣ пáрами! Пышенъ,
Розоватый теперь отъ лучей,

Ихъ нарядъ бѣлоснѣжный. И глухо,
Точно исповѣдь, слышится мнѣ:
—«Тоже бьютъ ихъ не мало... для пуху..
Вотъ ужь это, такъ птица вполнѣ!»

И дружокъ, покраснѣвъ, какъ дѣвица,
Продолжаетъ, сдержавши коней:
—«Королевна прямая!—не птица!
Ишь, у насъ полюбилося ей.

«Здѣсь мѣста́—благодатное дѣло,
Не другимъ, не Рассеи чета...
Аль тебѣ ужь трястись надоѣло?
Погоди!—остается верста.

«Не верста хоть—побольше немного,
Да вѣдь кто ихъ здѣсь мѣрялъ? Допрежь
Тутъ была столбовая дорога,
А теперече волкъ ее ѣшь!

«Попадаются, значитъ, гнилые
Верстовые столбы посейчасъ,—
Старики и толкуютъ сѣдые:
Семисотныя версты у насъ!

«Ну, малютки! вздохнули съ натуги?»
Рѣчь заводитъ онъ съ тройкой лихой,—
И, прикрикнувъ:—«Работайте, други!»
Ужь несется, какъ вихорь степной.

III.

Вотъ и станція. Снова рядами
Возвышаются мельницъ холмы.
Подъѣзжаемъ къ пристанищу мы
Въ три окошка съ рѣзными ставнями.

Вся семья высыпаетъ впередъ
Къ растворившимся настежъ воротамъ.
—«Сѣдока, молъ, Господь вамъ даетъ,
Такъ примайте-ка гостя съ почетомъ»,—

Говоритъ, поклонившись, дружокъ.
И пойдутъ, по сибирски, привѣты,
Да поклоны, да съ солью отвѣты,—
Точно здѣсь—твой родной уголокъ.

Но хоть онъ и чужой, а съ охотой
За порогъ переступишь его:
Тамъ все дышетъ хозяйствомъ, заботой,
Чистоплотностью прежде всего.

Входишь въ горницу. Пахнетъ пріятно
Лиственничнаго лѣса смолой;
Полъ лоснящійся вымытъ съ дресвой,
И особенно какъ-то опрятно

Смотрятъ голыя стѣны кругомъ.
А къ стѣнамъ прислонились рядами,
Подъ накрышкой тюменскимъ ковромъ,
Сундуки съ дорогими вещами.

Тутъ же, съ грудой подушекъ кровать
Манитъ путника пышной периной
За цвѣтистый свой пологъ старинный—
На лебяжьемъ пуху полежать.

И мигнуть не успѣешь, раздѣвшись,
Какъ накроется въ горницѣ столъ;
А хозяйская дочка, зардѣвшись,
Съ устремленными взорами въ полъ,

Разстановитъ на скатерти чистой
Угощеній обильный запасъ,—
И невольно разлакомятъ васъ
Самый видъ ихъ и паръ ихъ душистый.

И чего-то, чего-то здѣсь нѣтъ!
За обиліемъ яствъ и соленій,
Какъ сибирскаго кушанья цвѣтъ—
Подаются ржаные пельмени.

Но когда изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ
Любопытныя выглянутъ очи
Съ глубиною и сумракомъ ночи,
Какъ у зоркихъ встревоженныхъ птицъ,

И послышится звукъ мелодичный:
«На здоровье покушай-ка всласть»,—
Такъ и дрогнетъ душа необычной
Симпатіей, похожей на страсть.

О, степныя красавицы наши!
На разцвѣтѣ житейской весны
Навѣвали чудесные сны
Мнѣ глаза темнокаріе ваши...

Но довольно. Мечты о быломъ
Заковали въ незримыя цѣпи
Расходившійся стихъ мой—и въ немъ
Не осталось простора для степи.

Не порвать мнѣ волшебную цѣпь,
Я не въ силахъ разрушить былого...
Ты простишь мнѣ безсиліе слова,
Барабинская чудная степь!

---

* * *

Я снамъ не вѣрю, но порой,
Въ тиши ночей, неотразимо
Передо мной проходитъ мимо
Въ чудесныхъ грёзахъ край родной.

И то уже не край изгнанья,
А край свободнаго труда,
Гдѣ благодѣнствія года
Давно изгладили страданья.

Я снамъ не вѣрю, но пускай
Мнѣ чаще снятся грёзы эти,—
Пускай, какъ въ матерь вѣрятъ дѣти,
Я тоже вѣрую въ мой край.

МЕЖДУ ТОМСКОМЪ И ИРКУТСКОМЪ.

Дорожный набросокъ.

Посвящается Н. М. Ядринцеву.

Притомленная полднемъ и солнечнымъ днемъ,
Подвигаясь лѣниво впередъ,
По Сибирскому тракту съ подругой вдвоемъ
Насъ почтовая тройка везетъ.

Неотвязно за нею летя, пауты *)
Перламутромъ на солнцѣ блестятъ.
И налѣво цвѣты, и направо цвѣты...
Точно въѣхалъ въ запущенный садъ.

Отъ безчисленныхъ лилій, піоновъ и розъ,
Отъ повсюду разсыпанныхъ массъ
Колокольчиковъ синихъ, кукушкиныхъ слезъ,
Непривычный теряется глазъ.

И въ восторгѣ мнѣ шепчетъ подруга моя:
«Удивителенъ край твой, поэтъ!»
Очарованный тоже, не вытерпѣлъ я
И въ минуту нарвалъ ей букетъ.

---

*) Паутъ—сибирское названіе овода.

—«Да! сказалъ я подругѣ, съ сіявшимъ лицомъ,—
Хорошо на моей сторонѣ:
Ты полюбишь ее еще больше потомъ,
Какъ узнаешь народъ нашъ вполнѣ.

«Еще краше, чѣмъ эти живые цвѣты,
Что ростутъ на долинахъ родныхъ,
Затаилъ онъ ума и души красоты
Въ неизвѣданныхъ думахъ своихъ.

«И какъ тѣ вонъ, подруга, кругомъ насъ лѣса,
Что̀ вершинами лиственницъ тамъ
Горделиво ушли, уперлись въ небеса,—
Онъ старается выросто самъ...»

Я умолкъ и смотрѣлъ, какъ грядами вокругъ
Шампиньоны бѣлѣлись въ травѣ.
«Удивителенъ край твой!» нечаянно вдругъ
Промелькнуло въ моей головѣ.

Я смотрѣлъ, какъ мѣнялись виды, и вдыхалъ
Благовоніе пихтъ молодыхъ;
Какъ въ чарующемъ снѣ, я кобылкамъ внималъ,
Трескотней подзадоренный ихъ.

А надъ тройкой усталой вились пауты,
Проносясь то впередъ, то назадъ.
И направо цвѣты, и налѣво цвѣты...
Совершенно запущенный садъ!

———

БИРЮСИНСКІЙ ЛѢСЪ.

Дорожный набросокъ.

Чтò пристально взглянулъ, ямщикъ, ты на меня?
Дивитъ тебя, небось, съ какимъ восторгомъ я
На жесткомъ облучкѣ присѣлъ съ тобою рядомъ?
Ты думаешь: «Зачѣмъ онъ жаднымъ ловитъ взглядомъ,
По обѣ стороны дороги, темный лѣсъ?
Вѣдь въ Питерѣ, поди, какихъ ужъ нѣтъ чудесъ!»

Пожалуй, ты и правъ... Но знай, землякъ любимый,
Мнѣ всяческихъ чудесъ милѣе край родимый,
Мнѣ любо оттого, что ѣдемъ мы тайгой:
Не снится и во снѣ столицѣ лѣсъ такой!
Какъ всѣ сибиряки, люблю я боръ дремучій,
Гдѣ бродитъ нашъ землякъ косматый и могучій—
Медвѣдь; его у насъ «хозяиномъ» зовутъ,—
И, точно, онъ вполнѣ хозяйничаетъ тутъ.
Мнѣ Мишка тоже любъ: сибирскія трущобы
Представить не могу я безъ его особы.
Дàвно, когда еще я отрокомъ былъ самъ
И шлялся, какъ иной звѣренокъ, по лѣсамъ,
Запасъ поэзіи безпечно накопляя,—
Ужъ зналъ я этого причудника-лѣнтяя:

Встрѣчался ли мнѣ кедръ, обросшій снизу мхомъ,
Бруснику ли я бралъ горстями, какъ черпкомъ,
Искалъ ли дикихъ пчелъ въ лѣсинѣ лиственничной,—
Мнѣ такъ и думалось, что лакомка привычный
Такихъ лѣсныхъ даровъ, такихъ отборныхъ блюдъ—
Косматый мой землякъ—ужъ гдѣ нибудь да тутъ.
Случилось даже намъ и лакомиться вмѣстѣ,
Хотя и не вблизи, но такъ... шаговъ за двѣсти.
Замѣтивши меня—гроза сибирскихъ бабъ,—
Рябины спѣлой кустъ онъ выпустилъ изъ лапъ
И вѣжливо привсталъ, какъ будто приглашая,
Чтобъ я ему прочелъ стихи, не унывая;
Но я скорѣй удралъ: «лукавъ, молъ, ты, землякъ,
Да только вѣдь и я... природный сибирякъ.»

Такъ вотъ какъ, мой ямщикъ! Сибирскою тайгою
Потѣшилъ ты меня; а тамъ, за Бирюсою,
Пойдетъ ужъ лѣсъ другой, и я соснуть могу.
Но знаешь ли, за что люблю я такъ тайгу?
Она являетъ мнѣ живое воплощенье
Страны моей родной: въ ней то же запустѣнье,
Такой же въ ней хаосъ, безлюдье, тишина,
И такъ же благомъ правъ обижена она;
Въ ней столько же богатствъ, нетронутыхъ отъ вѣка,
На пользу общую, рукою человѣка,
И тѣ же, наконецъ, медвѣди, за людей,
На полной волюшкѣ хозяйничаютъ въ ней...

СИБИРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Посвящается моему сыну.

Спи, дитя! Въ странѣ изгнанья,
Ты—ей сынъ родной;
Всѣ ея мечты, желанья
Пусть ростутъ съ тобой.

Закалитъ твой духъ въ отчизнѣ
Сѣверный морозъ,
Чтобъ не могъ извѣдать въ жизни
Ты безсильныхъ слезъ.

Разовьется умъ твой бойко
Подъ родной просторъ,
Чтобъ въ борьбѣ стоялъ ты стойко,
Какъ вершины горъ.

Помни твердо, что народу
Призванъ ты слугой,
Что беречь его свободу—
Слава за тобой.

Спи, дитя! Въ странѣ изгнанья,
Ты—ей сынъ родной;
Свѣтлый ангелъ упованья
Дремлетъ надъ тобой:

Какъ цвѣтетъ Сибирь родная
Вся цвѣтами сплошь,
Пусть и ты на радость края
Пышно разцвѣтешь!

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ЗЕМНОЙ РАЙ.

Юмористическая фантазія.

I.

—Что̀ будетъ, спрашиваешь ты,—
Въ дали вѣковъ обѣтованной,
Когда исполнятся мечты
Людей теоріи гуманной?

О, милый другъ! въ тѣ времена,
Глаза и разумъ ослѣпляя,
Явиться смертному должна
Картина жизни вотъ какая:

Всѣ рѣки медомъ потекутъ—
Конечно, въ берегахъ кисельныхъ,
А сверху меда поплывутъ
Большія крынки сливокъ цѣльныхъ.

На деревахъ начнутъ рости,
Въ роскошныхъ рощахъ для прогулки,
Всегда горячія почти,
Московскаго печенья булки.

Повсюду будетъ дичь летать
Французской кухни, съ трюфелями:
Ловите птицу, такъ сказать,
Въ готовомъ видѣ, прямо ртами.

Шампани рѣзвою струей
Забьютъ, гдѣ надобно, фонтаны;
А рядомъ—зельтерской водой,
Чтобъ были пьяные не пьяны.

Моря наполнятся ухой—
Ужъ, разумѣется, стерляжьей:
Труда не будетъ той порой,
Такъ для чего же супъ говяжій?

Въ извѣстный часъ, польютъ дождемъ
Горячій чай и кофей рядомъ,
Съ густымъ, конечно, молокомъ,
И будетъ сахаръ падать градомъ.

Безъ нѣмцевъ—скука на Руси:
Для нихъ въ озерахъ будетъ пиво,
А берега—изъ колбасы,—
Практично, просто и красиво.

Въ тѣ дни не будутъ прилагать
Къ младенцамъ нашего ухода:
Замѣнитъ няньку имъ и мать
Благословенная природа.

Кто хилъ—немедленно умретъ,
Кто крѣпокъ—выростетъ на волѣ...
Какая дивная пойдетъ
Людей порода въ этой школѣ!

Встрѣчая всюду благодать
Чуть въ ротъ не падающей пищи,
Они не будутъ понимать,
Чтó значитъ «воръ», «голодный», «нищій».

И скептикъ самый записной,
О человѣчествѣ радѣя,
Въ тѣ времена, хоть волкомъ вой,
Не встрѣтитъ гнуснаго злодѣя.

Всѣ станутъ братьями смотрѣть,
Ходить въ-обнимку, улыбаться,
И каждый будетъ «честь имѣть»
О здравьи ближняго справляться.

Тогда не будетъ докторовъ,
Не будетъ даже медицины:
Ужъ если смертный не здоровъ
Безъ всякой видимой причины,

Такъ лучше прямо умирай,
Другимъ не порти аппетита,—
А то какой же это рай,
Гдѣ люди морщатся открыто?

Да! запретятъ въ тѣ времена,
Подъ страхомъ смерти, видъ угрюмый,
Мечты, лишающія сна,
И умъ тревожащія думы.

Чтобъ жить въ раю—и размышлять!
Да это слыхано ли въ мірѣ?
Вѣдь это школьнику не знать
Грѣшно, какъ дважды два—четыре!

Вотъ потому-то, въ свой чередъ,
Я долженъ здѣсь оговориться:
Все это будетъ... для господъ,
А для народа не годится...

II.

Для мужиковъ вездѣ пойдутъ
Изъ каши гречневой болота;
Ихъ кочки лукомъ поростутъ,—
Закусывай, кому охота.

Вдали воздвигнется хребетъ
Изъ мягкихъ массъ ржаного хлѣба;
Его вершину, словно ледъ,
Покроетъ масло вплоть до неба.

Съ хребта прелестный будетъ видъ,—
Глазамъ представятся два моря:
Въ одномъ—сивуха забурлитъ,
Ужь, разумѣется, не съ горя;

Въ другомъ—отличный кислый квасъ
(Ликуйте Ваньки, Васьки, Ѳедьки!)
У скалъ запѣнится, крутясь;
А скалы будутъ всѣ изъ рѣдьки.

Для бабъ, а пуще въ тѣхъ видахъ,
Чтобъ не орали ребятишки,
Во всѣхъ появятся борахъ
Грибы изъ вяземской коврижки.

Вездѣ такая благодать,
Тепло, какъ послѣ доброй порки,
И самый воздухъ, такъ сказать,
Пронзится запахомъ махорки!

Но мужики вѣдь никогда
Довольны жизнью не бывали;
Они, пожалуй, и тогда
Безъ жалобъ проживутъ едва ли.

«На молочкѣ ужь не взыщи:
Держать коровъ—карманы пусты,
А съ неба валятъ только щи—
И тѣ, кажись, не изъ капусты.

«Вотъ тоже баньки нѣту здѣсь,
Въ квасу купаться—Бога стыдно,—
И ходишь-чешешься день весь...
Ужь это очень намъ обидно!

«Опять же соли не найдемъ:
Сказать въ часъ добрый, мѣсто свято—
И вздуло брюхо колесомъ,
А все какъ будто пустовато»...

Въ такомъ-то родѣ, напримѣръ,
Они нытье свое поднимутъ.
Но противъ нихъ суровыхъ мѣръ
За мину кислую не примутъ:

Вѣдь на мужицкій грубый взглядъ
И рай не сладокъ по приказу,—
Имъ просто-на-просто велятъ
Не объѣдаться хлѣбомъ сразу,

Не трогать пищи у господъ,
Какъ неудобной для сваренья,
А пуще—въ первый райскій годъ
Не напиваться до забвенья.

Да! въ это времячко... но тутъ,
О, милый другъ! я ставлю точки:
Боюсь, что слюнки потекутъ
На недописанныя строчки.

ОПЫТЪ БОРЬБЫ.

Разъ, себя закалить
Я рѣшился борьбой
Съ ненавистнымъ мнѣ зломъ
И неправдой людской...

Слово честное я
Далъ при этомъ себѣ,
Что ни въ чемъ уступать
Я не буду судьбѣ...

Какъ-то вскорѣ случись
Мнѣ, вечерней порой,
Переулкомъ идти
Мимо будки одной...

Тутъ ужасное зло
Мнѣ предстало на видъ,—
Вижу: стражъ городской
Преспокойно храпитъ!

Побудилъ я его,—
Онъ вставать не хотѣлъ;
Но, борясь съ этимъ зломъ,
Я будилъ и шумѣлъ...

Вдругъ очнулся мой стражъ,
Какъ-то зло зарычалъ—
И отправилъ меня
Онъ съ подчаскомъ въ кварталъ.

Здѣсь всю ночь до утра
Я боролся со зломъ,
Но физическихъ силъ
Недостало потомъ;—

И хоть бодрствовалъ духъ
Среди этихъ невзгодъ—
Я поклялся въ ту ночь
Не бороться впередъ...

ПОМОЩЬ.

На роду тебѣ написано
Жизнь промыкать пошлякомъ,
И закончишь эту лямку ты
Непремѣнно кабакомъ...

Думъ не мало было думано
На вѣку своемъ тобой,
И пытался тоже силами
Ты помѣряться съ судьбой...

Толковали люди добрые
Про твою лихую прыть,
Что, молъ, супротивъ теченія
Забралъ въ голову ты плыть...

Толковали, какъ бы вò время
Отъ бѣды спасти тебя,—
И на шеѣ съ камнемъ кинули
Въ лужу Божія раба...

Средство вышло безподобное:
Ты спасенъ теперь на вѣкъ
Отъ всего, чѣмъ отличается
Отъ животныхъ человѣкъ!

СХОДСТВО.

Всѣ, кого считала въ жизни
Ты заклятыми врагами,
На твоихъ поминкахъ пышныхъ
Объѣдалися блинами...

Тѣ-жъ немногіе, къ которымъ
Чувство дружбы ты питала,
Или вовсе не явились,
Или ѣли очень мало...

И подумалъ я, что такъ же
При тебѣ самой водилось:
Ты свиней кормила многихъ,
А людей кормить—стыдилась...

ПРИЗНАНІЕ.

Весело я побѣжалъ
Юношей въ жизненный путь,
Грудью за правду стоялъ—
И... надсадилъ себѣ грудь.

Честно служить я хотѣлъ,
Къ цѣли стремяся благой,
Сутки, согнувшись, сидѣлъ—
И... насидѣлъ геморой.

Спину не въ силахъ сгибать
Передъ сановнымъ лицомъ,
Прямо любилъ я стоять—
И... оказался съ горбомъ.

Зная, что самъ я хорошъ,
Пошло топтать я не могъ
Пышныхъ пороговъ вельможъ—
И... щеголялъ безъ сапогъ.

Мудрствуя дѣтскимъ умомъ,
Въ смыслѣ, что стыдно молчать,
Я разсуждалъ обо всемъ— .
И... приказали прогнать.

Чуя свою правоту,
Я, при отставкѣ, до дна
Выказалъ всю чистоту—
И... замарали меня.

Но и поруганный, я
Дѣло свое продолжалъ,
Словно въ степи вопія—
И... голодать начиналъ.

Тутъ ужь понявши, что лобъ
Стѣну собой не пробьетъ,
Думалъ я кинуться въ гробъ—
И... поступилъ на заводъ.

Весь превратившися въ лесть,
Нынѣ ползу я ужомъ—
И... въ результатѣ ужь есть
Деньги и каменный домъ.

———

СЛУЧАЙ.

Разъ, собрался кружокъ молодой
Къ одному изъ своихъ на пирушку.
Все шумѣло, какъ моря прибой,
Рѣчи гнали, какъ волны, другъ-дружку.

—За свободу! воскликнулъ брюнетъ
Изъ евреевъ, наполнивъ стаканы.
—По домамъ бы!... давали совѣтъ
Люди опыта:— многіе пьяны.

—Господа, разсмѣялся одинъ
Исключенный студентъ,— не рискую
Я судить о причинѣ причинъ,
Но всегда и во всемъ протестую.

Идеалы! кричалъ новичекъ,
Больше всѣхъ презентабельный малый,—
Вотъ въ чемъ сила! Ужь лучше скачекъ
Неразумный, чѣмъ шагъ запоздалый.

—А по мнѣ, раздалось изъ угла
Чье-то мрачное, трезвое слово,—
Лишь въ рукахъ бы синица была,
Журавля я поймаю любого.

Вдругъ послышался рѣзкій звонокъ—
И впорхнула нежданная птица...
Догадайтесь,—узнать я не могъ:
Былъ журавль это, или синица?

ТАЙНА КАРЬЕРЫ.

Если хочешь скоро
Сдѣлать ты карьеру,
Позайми, мой милый,
У звѣрей манеру,—

То есть, сообразно
Съ мѣстомъ или фактомъ,
Лѣзь изъ шкуры въ шкуру
Съ ловкостью и тактомъ.

Тамъ крадися кошкой,
Гдѣ въ виду добыча,
Глубже спрятавъ когти,
Ласково мурлыча.

Тамъ же, гдѣ опасно
Хапнуть произвольно.
Курочку припомни:
Зернышкомъ довольна.

Такъ-какъ цѣли жизни
Всѣ въ пріобрѣтеніи,
То рекомендую
Быть осломъ въ терпѣньи.

Гдѣ привыкли люди
Жить чужой подачкой,
Ты на заднихъ лапкахъ
Послужи собачкой.

У людей практичныхъ
Подбираясь къ кушу,
Гибкою змѣею
Заползай имъ въ душу.

Предъ лицомъ сановнымъ
Бѣгая рысцою,
Быть старайся всюду
Смирною овцою.

Между бѣдняками,
Давъ понять имъ толкомъ,
Что ты есть за птица,—
Рыскай сѣрымъ волкомъ;

Если же увидишь,
Что межь нихъ есть лица
Тонкія, съ понятьемъ,—
Бѣгай, какъ лисица.

Въ набожномъ семействѣ,
Съ набожной матроной,
Каркай безпрестанно
О грѣхахъ вороной;

Съ барышней же свѣтской
Ты не корчь пророка,
А болтай, напротивъ,
Бойко, какъ сорока.

На гуляньяхъ модныхъ
Моднымъ господиномъ
Выступай солидно,
Такъ сказать, павлиномъ.

Гдѣ сойдутся люди
Разныхъ свойствъ и сана,
Будь въ лицѣ подвиженъ
Ты, какъ обезьяна;

Но еще вѣрнѣе
Въ положеньиономъ,
Если ты съумѣешь,
Быть хамелеономъ.

Въ обществѣ камелій
Высшаго разбора
Изловчись представить
Воробья ты вора,—

То есть, распустивши
Крылья, будто млѣя,
Наблюдай, гдѣ можно
Свить гнѣздо теплѣе.

Ласковымъ теленкомъ
Будь ты повсемѣстно:
Онъ сосетъ двухъ матокъ,
Какъ тебѣ извѣстно.

Въ уголовномъ дѣлѣ
Зайцемъ будь съ судьями,
Съ толку ихъ сбивая
Ложными слѣдами;

Если-жъ доберутся
До того-другого,—
Въ образѣ предстань имъ...
Ну... тельца златого.

Такъ-какъ ужь недолго
Тьмѣ царить надъ міромъ,
То и успѣвай ты
Сдѣлаться вампиромъ.

Если-жъ царство свѣта
Верхъ возметъ надъ мракомъ,—
Ничего не бойся,
Пяться только ракомъ.

---

* * *

Когда я тружусь, попивая лафитъ,
Въ тиши моего кабинета,
А рядомъ со мною подруга сидитъ,
Прилично и мило одѣта,—

Съ особеннымъ чувствомъ бесѣдовать съ ней
Внушаетъ мнѣ эта минута—
О томъ, что на свѣтѣ такъ много людей,
Не знающихъ вовсе пріюта...

Когда мы обѣдаемъ дома, втроемъ,
И ростбивъ я вкусный глотаю,—
Съ неменьшимъ я жаромъ толкую о томъ,
Какъ много голодныхъ я знаю...

Поздравивши дочь въ имянины ея
Подаркомъ нарядкаго платья,
Нѣжнѣе дитя дорогое мое
Въ отцовскія жму я объятья...

И въ эти минуты, съ сіяньемъ лица,
Я въ умъ ея сѣю ребячій,
Что многія дѣти не знаютъ отца
И матери ласки горячей...

Но вечеромъ, слыша, какъ мать говоритъ,
На дѣтскій вопросъ отвѣчая:
«Твой пáпа теперь за работой сидитъ,—
Ложись, моя прелесть родная»;

И слыша, какъ въ новомъ отвѣтѣ потомъ
Звучитъ горделивая нота:
«О бѣдномъ народѣ и ночью, и днемъ
У добраго папы забота»,—

Я чувствую въ бьющемся сердцѣ тогда
И рану, и крови потоки,
И жгучаго яркая краска стыда
Румянитъ мнѣ блѣдныя щеки...

И въ голову молніей падаетъ мысль,
Склоняя чело надъ газетой,
Что я не услышу во всю мою жизнь
Насмѣшки, язвительнѣй этой!

Ну, что, если завтра же, мамѣ въ отвѣтъ,
Потребуетъ дѣвочка наша:
«Отдай ты сегодня нашъ вкусный обѣдъ
Голоднымъ, мой добрый папаша?!»...

СУПРУЖЕСКАЯ ШКОЛА.

Когда я грамматику въ дѣтствѣ зубрилъ
И лѣнь на меня находила,
Отецъ безпрестанно мнѣ въ уши твердилъ,
Что въ этой наукѣ—вся сила;

Что съ нею я въ жизни далеко уйду
(Отецъ меня просто дурачилъ),—
И вотъ, какъ я выросъ, себѣ на бѣду
Я жить по грамматикѣ началъ...

Въ невѣдѣньи дѣтскомъ я долго считалъ
Жену существительнымъ,—право!
И нынче, женившись, я только узналъ,
Какъ мыслилъ въ то время нездраво...

Въ ея прилагательномъ (земли и лѣсъ)
Чего я, чего не предвидѣлъ!
Но скоро фантазіей созданный Крезъ
Лишь мѣсто имѣнья увидѣлъ...

Не мало потратилъ я нѣжныхъ рѣчей
Въ началѣ супружеской школы,
Но нынче веду я съ женою своей
Суровые только глаголы...

Она по французски все колетъ меня,
Что я говорить не умѣю;
За это ее и дѣйствительно я
Мужицкимъ нарѣчіемъ брѣю...

Теперь между нами едва ли кто могъ
Найти бы хоть признакъ союза,
И я ужь сыскалъ превосходный предлогъ
Расторгнуть нелѣпыя узы...

Въ грамматикѣ мнѣ, какъ по книжкѣ давно,
И въ жизни ничто не давалось:
Теперь у меня отъ нея лишь одно
«Увы!» междометье осталось...

САМОДУРЪ.

Рыщетъ онъ повсюду,
Гдѣ прикажетъ мода,
Поражая смертныхъ
Древностію рода...

И границъ не знаетъ
Эта родовая
Спѣсь его, надменно
Почести встрѣчая...

«Удивляться надо,
Видя, какъ хранило
Время родъ сей древній» —
Общество рѣшило...

Общество рѣшило—
Стало быть, такъ должно,
Стало быть, и спорить
Съ этимъ невозможно...

Будучи не въ силахъ
Плыть противъ теченья,
Мы не чужды, право,
Сами удивленья

Къ этому, по праву,
Идолу салоновъ
И творцу салонныхъ,
Такъ сказать, законовъ...

Съ обществомъ мы скажемъ:
Надо удивляться,
Какъ въ немъ долго рода
Признаки хранятся:

Протекли столѣтья
Отъ начала рода,
Измѣнились нравы,
Самый духъ народа,—

Въ немъ же узнаемъ мы
Сразу самодура,
Какъ ни европейски
Смотритъ вся фигура,—

Самодура школы
Древняго покроя,
Отъ которой вѣетъ
Плеткой «Домостроя»...

ВЗАИМНАЯ ЛЮБОВЬ.

Дуэтъ съ натуры.

ОНА.

Пусть надъ «любовью до гроба»
Старость смѣется, но мы
Такъ еще молоды оба...
Милый мой! дай мнѣ взаймы...

ОНЪ.

Старость неправа,—еще бы!
Но, ты сама посуди,
Много ли вѣрныхъ до гроба?
Милая! завтра приди...

РАЗДУМЬЕ.

Въ ожиданіи мадеры,
За которой я послалъ,
Я исполненъ теплой вѣры
Въ человѣка, ибо далъ
Кровный рубль свой я на это;—
Предсказать могу впередъ,
Что прикащикъ не убьетъ
Ожиданія поэта...

Но спустя немного дней,
Посылая за мадерой,
Я не буду ужь въ людей
Этой теплой вѣрить вѣрой,
Ибо я пошлю тогда
Въ погребокъ одну записку—
И прикащикъ, какъ всегда,
Не повѣритъ мнѣ на книжку...

КАНЦЕЛЯРСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Изъ альбома отставного чиновника.

Стоитъ только шире
Развести мозгами,
Все поставить можно
Въ мірѣ вверхъ-ногами...

Бредней философскихъ
Школы и системы,—
Все это ребячьи,
Государь мой, темы...

Очень часто въ сутки
Я перемѣняю
Трижды направленье,
Такъ ужь это знаю...

Если я о мѣстѣ,
Напримѣръ, мечтаю,
То идеалистомъ
Въ этомъ поступаю;

Если-жъ я успѣю
Дѣло сдѣлать чисто,—
Въ роль вхожу невольно
Матеріалиста...

Если сунетъ деньги
Въ руку мнѣ проситель,
Я исполненъ вѣры,
Словно небожитель...

Если-жъ обѣщаетъ:
«Молъ, на дняхъ отмѣрю»,—
Тутъ ужь атеистъ я,
Тутъ ужь я не вѣрю...

Словомъ, государь мой,
Всѣ системы шатки—
И, повѣрьте, прочны
Въ мірѣ только взятки!

ЗАДУШЕВНАЯ БЕСѢДА.

ОНЪ.

Богатъ я трудомъ моихъ рукъ,
Талантомъ, служеньемъ народу...

ОНА.

А сколько ты въ годъ, милый другъ,
Имѣешь прямого доходу?

ОНЪ.

Идей моихъ быстрый полетъ
Смутилъ бы и вольную птицу...

ОНА.

А можешь ли каждый ты годъ
Меня увозить за границу?

ОНЪ.

Работая вѣчно умомъ,
Введу тебя въ храмъ я науки...

ОНА.

А если бы нажилъ ты домъ,—
Отдашь ли ты мнѣ его въ руки?

ОНЪ.

Мы цѣли достигнемъ не вдругъ,
Но твердо пойдемъ мы все дальше...

ОНА.

А буду ли, милый мой другъ,
Современемъ я генеральшей?

ОНЪ.

И будетъ тебя украшать
Гражданки высокое званье...

ОНА.

А можно ли съ нимъ выѣзжать
Въ дворянское будетъ собранье?

ОНЪ.

Для мощнаго духа—борьба
Есть то же, что хлѣбъ для желудка...

ОНА.

А поваръ каковъ у тебя?
Иль это, по твоему, шутка?

ОНЪ.

О, еслибъ ты знала впередъ,
Какъ сладко вдвоемъ это бремя!...

ОНА.

А какъ ты считаешь расходъ,
Примѣрно, на первое время?

ОНЪ.

Ручаюсь я съ этого дня,
Что нужду мы вынесемъ смѣло...

ОНА.

Ахъ, другъ мой, прощай! у меня
Сегодня есть спѣшное дѣло...

ПЕРЕДЪ ТРУПОМЪ.

Посвящается памяти отца.

—Умеръ? молвилъ я тихо кому-то,
И, не ждавши отвѣта, вошелъ.
Безотрадную въ жизни минуту
Пережилъ я, взглянувши на столъ...

На столѣ, озаренный свѣчами,
Почивалъ мой пріятель. Безъ слезъ,
Но съ гнетущимъ вопросомъ глазами
Я къ знакомому лику приросъ:

Или этотъ покойникъ собою
Представлялъ только трупъ цѣлый вѣкъ,
Или трупъ, созерцаемый мною,
Былъ, какъ прежде, живой человѣкъ?

До того поразительно было
Совершенное сходство во всемъ;
Лишь псалтырщикъ, читавшій уныло,
Могъ о смерти напомнить при немъ...

Какъ при жизни ходилъ ты не бритый,
Такъ не бритымъ и легъ ты на столъ,
Титулярный совѣтникъ! Ужли ты
Даже бритвы себѣ не завелъ?

Въ неизмѣнномъ своемъ вицмундирѣ,
Въ чемъ ты спалъ и на службу ходилъ,
Ты предстанешь и въ будущемъ мірѣ,
Хоть бы пряжку нарочно забылъ...

Какъ ярлыкъ многолѣтней и тяжкой
Безпорочности въ битвахъ съ нуждой,
И она—эта старая пряжка—
Неразлучно идетъ за тобой...

Не извѣдавъ пристанища въ мірѣ,
Въ обстановкѣ жены и дѣтей,
Ты и умеръ-то даже въ квартирѣ
У почти незнакомыхъ людей:

Пріютившись дня на три—не дольше,
Въ этотъ жалкій чужой уголокъ,
Одинокъ ты въ немъ, право, не больше,
Чѣмъ всю жизнь свою былъ одинокъ...

И все такъ же молчишь ты упорно,
Какъ при жизни—безъ стона, безъ слезъ,
И псалтырщика чтенье покорно
Переносишь, какъ все перенесъ...

Та же робость печально-смѣшная
Разлилась по остывшимъ чертамъ;
Даже руки сложилъ, остывая,
Не на грудь ты, какъ всѣ, а по швамъ...

И мерещится нѣчто такое,
Будто видишь ты этой порой
Выраженье начальника злое,
Слышишь: «чей это почеркъ дурной?»

Перепиской ты началъ карьеру,
Перепиской и кончилъ ее;—
Поддержала лишь смерть твою вѣру
За воловье терпѣнье твое:

«Кабы столъ мнѣ!...» твоя золотая,
Заповѣдная дума была...
—Вотъ, Ѳома Алексѣичъ,—не чая,
Дослужился и ты до стола!...

НАХАЛЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ...
А. Пушкинъ.

Пока столичнаго нахала
Не вздуетъ трость на мостовой,
Готовъ онъ, не боясь скандала,
Бѣжать за дѣвушкой любой;
Его задоритъ, какъ въ балетѣ,
Не знаетъ грязь его препонъ,
И межъ нахальныхъ франтовъ въ свѣтѣ,
Быть можетъ, всѣхъ нахальнѣй онъ.
Но лишь внушительный камышъ
До тѣла пылкаго коснется, —
Нахалъ пугливо встрепенется,
Какъ въ лужу брошенная мышь.
Краснѣетъ онъ, потомъ блѣднѣетъ,
Не знаетъ, какъ ему взглянуть,
Къ прохожимъ женщинамъ не смѣетъ
Онъ даже носа повернуть;
Бѣжитъ скорѣе онъ въ смятеньи,
Чтобъ не послѣдовалъ арестъ,
Въ родномъ укрыться заведеньи—
Къ Борелю милому въ подъѣздъ...

КРЕЩЕНСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Пусть миновали для насъ
Святокъ тревожные дни,
Но не ропщи на покой:
Скоро наступятъ блины...

А за блинами придутъ
Красныя яица, сыръ,
И ветчина съ куличемъ
Снова обрадуютъ міръ...

Ну, а затѣмъ и опять
Явится къ намъ Рождество;
Чуть маскарады пройдутъ,
Глядь—и опять торжество:

Снова наступятъ блины,
Красныя яица, сыръ...
Ну, не отлично ли жить?
Ну, не прекрасенъ ли міръ?

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ВОПЛИ.

I.

Міръ я люблю безконечно:
Боже мой! въ жизни своей
Пò міру сколько пустилъ я
Разнаго рода людей!...

Но несравненно сильнѣе
Къ людямъ питаю я страсть:
Боже мой! какъ ихъ легко-то,
Какъ ихъ легко обокрасть!...

Все-таки выше всего я
Родину ставить готовъ:
Боже мой! врядъ ли гдѣ столько
Можно сыскать простяковъ!...

II.

Если бы собралъ прогрессъ
Розги минувшихъ годовъ,—
Выросъ навѣрно бы лѣсъ
Муромскихъ гуще лѣсовъ...

Если бы слезы потомъ
Жертвъ этихъ розогъ собрать,—
Можно бы, словно дождемъ,
Ими тотъ лѣсъ поливать...

Если бы слить въ одинъ крикъ
Этихъ людей голоса,—
Звѣри покинули-бъ въ мигъ
Всѣ по сосѣдству лѣса...

Еслибъ средь этихъ лѣсовъ
Трупы несчастныхъ зарыть,—
Съ краю бы свѣта волковъ
Можно туда заманить...

Но еслибъ лѣсу сказать,
Сколько невинныхъ онъ сѣкъ,—
Сталъ бы онъ стономъ-стонать:
«О, какъ жестокъ человѣкъ!»

ПЕРЕВОДЫ

СЧАСТЬЕ.

Изъ Виктора Гюго.

Когда, какъ дитя въ колыбели,
Покоясь въ объятьяхъ моихъ,
Поешь ты, и мысленно вторю
Я звукамъ напѣвовъ твоихъ,—
Мнѣ грезится, вновь оживая,
Все лучшее жизни былой...
О, пой, моя прелесть родная,
Неумолкаемо пой!

Когда ты смѣешься,—на губкахъ
Твоихъ разцвѣтаетъ любовь,
И нѣтъ даже тѣни сомнѣнья
Къ тебѣ на душѣ моей вновь:
Тотъ смѣхъ мнѣ порука живая,
Что сердцу измѣна чужда...
О, смѣйся же, прелесть родная,
Смѣйся тѣмъ смѣхомъ всегда!

Когда на глазахъ моихъ спишь ты
Въ тѣни, и чиста и ясна,—
Волшебные звуки мнѣ шепчетъ
Дыханье твое, и со сна
Ты тѣло порой обнажаешь
Въ невѣдѣньи дѣтскомъ стыда...
О, спи, моя прелесть родная,
Спи такъ невинно всегда!

Когда я изъ устъ твоихъ нѣжныхъ
«Люблю тебя» слышу подчасъ,—
Мнѣ кажется... кажется, небо
Открылося настежъ для насъ;
Слѣпитъ меня, ярко сверкая
Изъ глазъ твоихъ, лучъ той любви...
Люби, моя прелесть родная,
Неудержимо люби!

Послушай! вся жизнь человѣка
И все, къ чему рвется душа,
Всѣ прелести міра, чѣмъ эта
Короткая жизнь хороша,—
Вся тайна завѣтнаго рая
Лишь въ томъ и дана, можетъ быть,
Что можемъ мы пѣть и смѣяться,
Грезить и пылко любить!

ВДОВА.

Изъ скандинавской поэзіи.

Луна восходитъ робко надъ землей,
А ночь, глубокимъ трауромъ одѣта,
Идетъ со вздохами межъ чащею лѣсной
И видитъ спутницу—какъ та въ сіяньи свѣта,
Рабыней трепетной, оглядывая лѣсъ,
Стоитъ на голубомъ коврѣ небесъ.

Утративъ все былое достоянье,
Едва ночлегъ сберегшая вдова
Всю ночь глядитъ на это блѣдное сіянье;
Теперь на скорбь одну остались ей права,
И будь она въ толпѣ—ее бы принимали
За восковую статую Печали.

Къ ней подошелъ ребенокъ поискать
Въ ея колѣняхъ мягкой колыбели;
Ему, какъ солнышку, обрадовалась мать—
И въ мигъ ея глаза блаженствомъ просвѣтлѣли.
Уставъ, она сама приляжетъ отдохнуть
Хоть на́ доски, лишь онъ бы могъ заснуть.

Его отецъ спитъ крѣпко подъ землею,
Но каждый день онъ дома по ночамъ:
Ей видится, какъ онъ по ветхому покою
Идетъ, и рѣчь его звучитъ по всѣмъ угламъ,—
И дышетъ на вдову, до полнаго обмана,
Онъ холодомъ осенняго тумана.

Ночь осушаетъ слезы вдовьихъ глазъ
Лишь изрѣдка: у скорби есть мгновенья,
Когда надъ свѣжею могилой, въ тихій часъ,
Глотая рѣки слезъ, она, безъ утоленья,
Воспоминаньями и тысячами думъ
Бередитъ, молча, воспаленный умъ.

Но вотъ, какъ херувимъ, заглянетъ скоро
И солнце лучезарное въ окно;
Покинутой вдовѣ, послѣднею опорой,
Укажетъ библію священную оно,—
Ту книгу, что̀ блеститъ застежками своими
Такъ чудно подъ лучами золотыми.

Вдова ее раскроетъ и прочтетъ,
Увѣровавъ безхитростной душою,
Что Богъ всегда стоитъ на стражѣ у сиротъ,—
И если люди къ ней заглянутъ той порою,
Они ее найдутъ за книгою святой
Ужь безъ мольбы о помощи земной!...

ИЗЪ АДАМА МИЦКЕВИЧА

БАРИНЪ и КРЕСТЬЯНКА.

I.

По лѣсу дѣвица
Ягоды сбираетъ;
Къ ней верхомъ пригожій
Баринъ подъѣзжаетъ.
    Соскочилъ съ коня онъ,
    Кланялся учтиво;
    Дѣвушка, потупясь,
    Вспыхнула стыдливо.
«Милая дѣвица!
Я сюда съ друзьями
Прибылъ на охоту
Съ первыми лучами;
    «Ѣздилъ и съ пути я
    Сбился понемногу:
    Покажи, красотка,
    Въ городъ мнѣ дорогу.

«Скоро-ль та тропинка
Выведетъ къ простору?»
—«Будете вы, баринъ,
Дома еще въ пору.
   «Тутъ сейчасъ лѣсина
   На полѣ большая,—
   Надо взять налѣво,
   Избы объѣзжая.
«Какъ минуешь гору
Съ зарослью надъ рѣчкой,
Мельницу и мостикъ,—
Тамъ ужь недалечко.»
   Баринъ ей за это
   Крѣпко ручку стиснулъ,
   Приложился къ губкамъ,
   На коня присвиснулъ,
Сѣлъ, пришпорилъ лошадь—
Былъ таковъ дѣтина.
Дѣвушка вздохнула:
Что бы за причина?

II.

По лѣсу дѣвица
Ягоды сбираетъ;
Къ ней верхомъ пригожій
Баринъ подъѣзжаетъ.
Издали кричитъ онъ:
«Красная дѣвица!
За деревней рѣчка.
А въ рѣкѣ водица;
«Не могу найти я
Ни моста, ни броду,—
Аль тебѣ не жалко
Бросить парня въ воду?»
—«Поѣзжайте вправо,
Тамъ дорожка логомъ.»
—«Богъ тебѣ заплатитъ.»
—«Благодарствуй, съ Богомъ!»
Въ лѣсъ пошла дорожка—
Былъ таковъ дѣтина.
Дѣвушка вздохнула:
Ой! ясна причина.

III.

По лѣсу дѣвица
Ягоды сбираетъ;
Къ ней верхомъ пригожій
Баринъ подъѣзжаетъ.
И кричитъ онъ снова:
«Слушай, ради Бога!
Затесался въ ровъ я:
Гдѣ-жъ твоя дорога?
«Тамъ никто не ѣздилъ
Цѣлыми годами,
Развѣ-что крестьянинъ
Только за дровами.
«Я весь день охочусь,
Конь забылъ о сѣнѣ,—
И ѣздокъ измученъ,
И лошадка въ пѣнѣ.
«Сяду и изъ сумки
Подкрѣплю я силы,
Да травы пощиплетъ
Пусть и конь мой милый.»

Соскочилъ съ коня онъ,
Кланялся учтиво;
Дѣвушка, потупясь,
Вспыхнула стыдливо.
Тотъ молчитъ, та млѣетъ;
Лишь прошла минута—
Тотъ смѣлѣй, та робче
Счетъ вели чему-то.
Но какъ вѣтеръ дунулъ
Въ сторону другую,
То и не разслышалъ
Рѣчь я молодую;
Понялъ лишь, всмотрѣвшись
Въ очи ихъ и мину,
Что ужь о дорогѣ
Не было помину.

ВЪ АЛЬБОМЪ ЛУИЗЫ МАЦКЕВИЧЪ.

Чужой, незнакомой, безвѣстный, чужой,
Когда угрожаетъ разлука намъ снова,
Я шлю вамъ короткій привѣтъ роковой:
«Прощайте и здравствуйте!»— только два слова.
Такъ путникъ, блуждая въ альпійской странѣ,
Поетъ, чтобъ развлечься, и если подруга
Ему ужь не можетъ внимать на землѣ,—
Онъ пѣснь обращаетъ къ наперсницѣ друга;
Но прежде, чѣмъ къ ней эта пѣсня дойдетъ,—
Быть можетъ, ужь путника снѣгъ занесетъ.

ЛИЛІИ.

Баллада.

Неслыханное дѣло:
Убила пани пана;
Убивъ его, зарыла
Подъ рощей, гдѣ поляна,
И лиліей сверхъ тѣла
Засѣявъ землю, пѣла:
«Рости, цвѣтокъ, высоко,
Какъ панъ лежитъ глубоко;
Какъ панъ лежитъ глубоко,
Такъ ты рости высоко.»

Потомъ, не смывши крови,
Разбойница стрѣлою
Бѣжать пустилась лугомъ,
Оврагами, горою.

Дулъ вѣтеръ, и на землю
Спускался мракъ все гуще,
То каркала ворона,
То филинъ гукалъ въ пущѣ.

Она ручья достигла,
Гдѣ росъ столѣтній букъ
И жилъ отшельникъ въ хатѣ:
Стукъ-стукъ, стукъ-стукъ.

«Кто тамъ?»—запоръ подался,
Глядитъ ей старецъ въ очи;
Она вбѣгаетъ съ крикомъ,
Какъ привидѣнье ночи.
Уста убійцы сини
И взоръ недвижно тупъ,
Сама блѣднѣе смерти:
«А! мужъ—онъ трупъ!»

«Какими ты судьбами,
Жена, Господь съ тобою?!
Что дѣлаешь въ лѣсу ты
Одна ночной порою?»

—«Вонъ тамъ, гдѣ прудъ, за лѣсомъ,
Нашъ замокъ видѣнъ справа;
Мой мужъ пошелъ на Кіевъ
Съ войсками Болеслава.

Уходитъ годъ за годомъ—
Не шлетъ женѣ онъ вѣсти,
А кровь во мнѣ кипѣла...
Скользка дорога чести!
Бѣда мнѣ! измѣнила
Я мужу и святынѣ:
Король суровъ къ измѣнѣ...
Мужья вернулись нынѣ...

«А! мужъ вдовѣ не страшенъ!
Вотъ ножъ! вотъ крови слѣдъ!
Покаялась тебѣ я:
Его ужь нѣтъ, ужь нѣтъ!
Твое святое мнѣнье
Хочу я знать: что дѣлать,
Чтобъ вымолить прощенье?
Хоть въ адъ пойду, готова
На всякое мученье,
Лишь скрыть бы мнѣ отъ міра
На вѣки преступленье.»

«Жена! промолвилъ старецъ,—
Тебя не злое дѣло
Страшитъ, а только кара?
Иди же въ замокъ смѣло
И знай, что тайной вѣчной
Покрытъ твой грѣхъ сердечный.

Таковъ ужь Промыслъ Божій,
Что мужъ одинъ лишь въ силѣ
Жены измѣну выдать,—
А мужъ твой спитъ въ могилѣ.»

Обрадовалась пани,
Бѣжать пустилась снова,—
Въ потьмахъ достигла дому,
Ни съ кѣмъ не молвя слова.
Стоятъ у замка дѣти,
Кричатъ они: «Мамаша!
А гдѣ же дѣлся папа?»
—«Покойникъ? вашъ папаша?...»
Она молчитъ и жмется:
«Онъ тамъ, гдѣ роща наша,
Онъ вечеромъ вернется.»

Весь вечеръ ждали дѣти,
Потомъ другой и третій;
Недѣлю ждали, ныли—
И, наконецъ, забыли.

А ей забыться трудно,
Нельзя прогнать кручину:
Всегда на сердцѣ тяжесть,
Улыбки нѣтъ помину,
Не знаютъ сна зѣницы!
Ночной порою часто

То въ дверь стучится кто-то,
То ходитъ вдоль свѣтлицы.
«О дѣти!» слышно гдѣ-то:
«Отецъ вашъ—я вѣдь это!»

Минула ночь, не спится,
Нельзя прогнать кручину:
Всегда на сердцѣ тяжесть,
Улыбки нѣтъ помину!

«Бѣги скорѣе, Ганка,
Узнай ты, ради Бога,
Не къ намъ ли ѣдутъ гости?
Столбомъ пылитъ дорога
И топотъ все слышнѣе,—
Бѣги, узнай скорѣе.»

«Да, ѣдутъ, ѣдутъ къ замку,
Отъ пыли небу жарко,
Ржутъ кони вороные,
Блистаютъ сабли ярко.
Да, ѣдутъ, ѣдутъ, гости—
Покойника родные!»

«А! здравствуй! здравствуй снова,
Невѣстка! все-ль здорова?
Гдѣ братъ?»—«Его ужъ нѣтъ,
Покинулъ онъ нашъ свѣтъ!»

—«Когда?»—«Вотъ годъ ужь минулъ!
Онъ умеръ... въ битвѣ сгинулъ.»
—«Не вѣрь ты въ сказку эту,
Войны ужь больше нѣту;
Своими ты глазами
Его увидишь съ нами.»

А пани, какъ стояла,
Такъ тутъ же и упала,—
Сталъ взоръ недвижно тупъ,
Забила грудь тревогу:
«Гдѣ онъ? гдѣ мужъ? гдѣ трупъ?»
Очнулась понемногу
И будто въ упоеньи
Спросила черезъ силу:
«Когда же онъ вернется,
Мой ненаглядный, милый?»

«Мы ѣхали всѣ вмѣстѣ,
Но братъ умчался вскорѣ:
Хотѣлъ дружину встрѣтить,
Тебя утѣшить въ горѣ;
Онъ завтра-жъ будетъ съ нами.
Должно быть, онъ дорогой
Съ пути прямого сбился.
Пообождемъ немного,
Пошлемъ людей верхами,—
Онъ завтра-жъ будетъ съ нами!»

Послали слугъ и точно,
Ждутъ день, другой нарочно;
Но такъ-какъ тщетно ждали—
Рѣшились ѣхать далѣй.

Невѣстка встрепенулась,
«Родные!» молвитъ живо:
«Осенній путь не сладокъ—
И вѣтеръ, и дождливо;
Вы брата ждали больше,
Такъ ждите ужъ и дольше.»

И ждутъ. Зима минула,
Но брата не вернула.
Все ждутъ; толкуютъ: можетъ,
Вернется онъ весною?
А братъ лежитъ въ могилѣ,
И надъ могилой тою
Цвѣты ростутъ высоко,
Какъ онъ лежитъ глубоко.
Всю вѐсну братья ждали—
И ужъ не ѣдутъ далѣй.

Имъ любо промедленье:
Хозяйка—заглядѣнье;
Сберутся будто ѣхать,
А сами ждутъ возрата,—

Прождали такъ до лѣта
И позабыли брата.

Имъ любо промедленье:
Хозяйка—заглядѣнье:
Какъ оба загостились,
Такъ оба и влюбились.
Надежда у обоихъ,
И кровь играетъ въ жилахъ,
Не могутъ жить съ ней оба,
А безъ нея—не въ силахъ.
И вотъ они, по чести,
Идутъ къ ней оба вмѣстѣ.

—«Невѣстка! не прими ты
Въ обиду нашей рѣчи:
Сидимъ мы здѣсь напрасно—
Не будетъ съ братомъ встрѣчи.
Теперь ты въ полномъ цвѣтѣ,
А молодость на свѣтѣ
Проходитъ безъ возврата:
Возьми за брата—брата.»

Сказали это братья—
И смотрятъ такъ сурово;
То тотъ, то этотъ гнѣвно
Свое промолвитъ слово;

Рука дрожитъ и саблю
Ужь обнажить готова.

Примѣтя гнѣвъ ихъ, пани
Замялась и смутилась,
Отсрочки попросила
И въ лѣсъ бѣжать пустилась.
Она ручья достигла,
Гдѣ росъ столѣтній букъ
И жилъ отшельникъ въ хатѣ:
Стукъ-стукъ, стукъ-стукъ.
Теперь ей нуженъ снова
Совѣтъ отца святого.

«Ахъ, что мнѣ дѣлать?! Братья
Въ меня влюбились оба,
И я люблю обоихъ, —
Такъ чьей мнѣ быть до гроба?
Богатою вдовою
Осталась я съ дѣтями,
И мнѣ одной, безъ мужа,
Не справиться съ дѣлами.
Но я любви не стою,
Не быть ужь мнѣ женою!
Меня, за преступленье,
Ужасное видѣнье
Преслѣдуетъ ночами;
Стучитъ оно дверями

И ходитъ по покою.
Я часто надъ собою
Дыханье слышу трупа
И озираюсь тупо!
Онъ ножъ, покрытый кровью,
Подноситъ къ изголовью,
Устами искры сыплетъ,
Влечетъ меня и щиплетъ.
Довольно я терпѣла:
До замка нѣтъ мнѣ дѣла...
Но я любви не стою,
Не быть ужъ мнѣ женою!»

«Безъ мзды, промолвилъ старецъ, —
Злодѣйства не бываетъ;
Но если грѣхъ оплаканъ, —
Богъ грѣшникамъ внимаетъ.
Свершить могу я чудо,
Дана мнѣ власть Господня:
Хоть годъ, какъ сгинулъ мужъ твой, —
Воскреснетъ онъ сегодня.»

«Воскреснетъ? что ты, отче!
Вѣдь онъ ужъ мнѣ не милъ!
Убійцы ножъ на вѣки
Насъ съ мужемъ разлучилъ!
За грѣхъ мой тяжкій, снова
Я все снести готова,

Чтобъ отогнать видѣнье:
Пускай лишусь я крова,
Приму хоть постриженье,
Пойду хоть въ тьму могилъ...
Но, нѣтъ! не дѣлай чуда!
Вѣдь онъ ужь мнѣ не милъ!
Убійцы ножъ на вѣки
Насъ съ мужемъ разлучилъ!»

Вздохнулъ глубоко старецъ,
Закрылъ лицо руками,
Потомъ воздѣлъ ихъ къ небу
И залился слезами.
—«Иди скорѣе замужъ,
Не бойся привидѣнья:
Усопшимъ нѣтъ возврата,
Ихъ сонъ безъ пробужденья,—
И мужъ твой не возстанетъ
Безъ твоего велѣнья.»

«Но братья любятъ оба,
Такъ чьей мнѣ быть до гроба?»
—«Всего вѣрнѣй предаться
Судьбѣ и Божьей волѣ.
Предъ утренней росою
Пусть оба выйдутъ въ поле,
И каждый тамъ, на мѣстѣ,
Сплететъ вѣнокъ невѣстѣ.

Пускай вѣнки означать
Примѣтою любою
И въ храмѣ ихъ, на выборъ,
Положать предъ тобою:
Чей выберешь ты первый,
Того и будь женою.»

Довольная совѣтомъ,
Теперь-ужь привидѣнья
Убійца не боится:
Оно къ ней, безъ сомнѣнья,
Не явится безъ зова,
А ужь она—ни слова.
Обрадовалась пани
Рѣшенію такому
И вновь пустилась, молча,
Бѣжать обратно къ дому.
Бѣжитъ она то лугомъ,
То лѣсомъ, то горою,
И слышитъ чью-то поступь
Какъ будто за собою.
Темно кругомъ, ненастно;
А чей-то шопотъ ясно
Ночную будитъ глушь:
«Вѣдь это я—твой мужъ!»

Но вотъ насталъ день свадьбы.
Соперники, съ вѣнками,

Пришли съ зарей изъ поля
И въ храмъ снесли ихъ сами.
Невѣста, вслѣдъ за ними,
Съ подругами своими
Вступаетъ въ глубь костёла
И, взявъ вѣнокъ съ престола,
Подходитъ къ братьямъ ближе:
«Тутъ лиліи съ травою...
Такъ чьи же это, чьи же?
Кого мнѣ быть женою?»

Одинъ изъ братьевъ, старшій,
Благословляя рокъ,
Къ невѣстѣ подбѣгаетъ:
«Моя ты—мой вѣнокъ!
Нарочно между лилій,
Какъ знакъ условный свой,
Я вплелъ вотъ эту ленту...
Онъ мой, онъ мой, онъ мой!»

«Неправда! крикнулъ младшій:
Увидите вы сами
То мѣсто, гдѣ занялся
Я этими цвѣтами;
Я сорвалъ утромъ рано
Подъ рощей, гдѣ поляна,
Съ могилы ихъ одной...
Онъ мой, онъ мой, онъ мой!»

Пошла межъ братьевъ ссора,
Содомъ стоитъ отъ спора,
Готовъ начаться бой;
Стучать они мечами
И рвутъ вѣнокъ руками:
«Онъ мой, онъ мой, онъ мой!»

Все злѣй звучали рѣчи,
Какъ вдругъ погасли свѣчи
И затрещали двери,—
У всѣхъ сталъ дыбомъ волосъ:
Вошла особа въ бѣломъ.
Знакомый видъ... и голосъ
Звучитъ, какъ изъ-за гроба:
«Мои цвѣты! Вы оба
Вѣнкомъ съ моей могилы
Скрѣпили нашъ союзъ.
Бѣда тебѣ, убійца!
Вѣдь это я—твой мужъ!
Вамъ, братья, горе тоже
Ни бой, ни брака ложе
Васъ не спасутъ, увы!
Съ преступною женою...
Идите же за мною:
Вѣнокъ и вы—мои!»

И вдругъ поколебался
Весь храмъ до основанья,

И треснулъ сводъ и рухнулъ
Средь общаго стенанья.
То мѣсто все покрыли
Ряды цвѣтущихъ лилій—
И такъ ростутъ высоко,
Какъ панъ лежалъ глубоко.

ИЗЪ ВЛАДИСЛАВА СЫРОКОМЛИ

СЛАДОСТЬ МЕЧТАНІЙ.

Шутка.

Въ ожиданьи лучшей доли,
Все спасенье для людей—
Бросить мудрость сей юдоли
Ради мыльныхъ пузырей;
Ихъ пуская, мысль людская
Не боится мукъ...
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку—
О, какъ вкусенъ лукъ!

Темный рокъ гнететъ безъ цѣли
Родъ людской, неумолимъ;
Грозы, бури и мятели
Чередуются надъ нимъ;
Но, хоть глухо, людямъ въ ухо
Шлетъ надежда звукъ...
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку—
О, какъ вкусенъ лукъ!

О, привѣтъ вамъ, бредни мысли,
Замки облачной страны!
Васъ не зная, мы бы скисли,
Какъ капуста, въ наши дни;
Съ вами въ долѣ, пулей въ полѣ
Нашъ летитъ досугъ...
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку—
О, какъ вкусенъ лукъ!

Тучи-ль виснутъ надъ поэтомъ,
Сердце-ль замерло тоской,—
Недовольный этимъ свѣтомъ,
Я творю себѣ иной—
Міръ свободный, не голодный,
Міръ безъ всякихъ мукъ...
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку—
О, какъ вкусенъ лукъ!

Тамъ колосья зрѣютъ всюду,
Стебли гнутся подъ зерномъ,
Примирившемуся люду
Рукоплещетъ все кругомъ;
Каждый пашетъ—чуть не пляшетъ,
Не мозолитъ рукъ...
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку—
О, какъ вкусенъ лукъ!

О, кто грушъ не рвалъ на розахъ,
Кто не мастеръ возводить

Пышныхъ зданій на березахъ,—
Тѣмъ о счастьи не судить!
Увѣряю, слаще раю
Прелесть этихъ штукъ!...
Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку—
О, какъ вкусенъ лукъ!

———

ПОКОЙ.

Посмотри: источникъ горный
То, ручья принявши видъ,
Брызжетъ влагой и, задорный,
Пѣнясь, далѣе бѣжитъ;

То, крутясь водоворотомъ,
Камень силится подмыть:—
Чистый, свѣжій, оттого-то
Онъ такимъ и можетъ быть.

Вонъ, надъ тихими водами
Смрадъ отъ плѣсени стоитъ;
Все въ нихъ гнилью, червяками,
Разложеніемъ кишитъ...

Такъ и ты, о, мысль людская!
Все впередъ идти должна,
Чистой жизнью закипая,
Словно пѣною волна.

Изнуренная трудами,
Станешь гнить ты, всѣмъ чужда,
И уснешь, киша червями,
Какъ стоячая вода!

НЕВИННОЙ ДУШѢ.

Что вести борьбу съ судьбой?
Какъ поспалъ часокъ-другой,—
Вотъ и ладно. Сна желаю!
Не къ добру ведетъ война...
Да тебѣ-то что̀ она?
Баю, мой малютка, баю!

Міръ, Богъ вѣсть, куда спѣшитъ?
Кто, братъ, спитъ—тотъ не грѣшитъ,
Какъ дитя, причастный раю.
Чтобъ лучъ солнца не слѣпилъ,
Взялъ глаза рукой закрылъ...
Баю, мой малютка, баю!

Что̀ тебѣ, что гдѣ-то тамъ
Жмется бѣдность? что слезамъ
Нѣтъ людскимъ конца и краю?
Изъ чужой бѣды лихой
Намъ не шубу шить съ тобой...
Баю, мой малютка, баю!

Вѣдь обѣдъ, какъ часъ придетъ,
Насъ не минетъ, а впередъ
Хватимъ водки, полагаю,—
И потомъ тебя опять
Уложу я на кровать...
Баю, мой малютка, баю!

Грезишь, баловень ты мой!
Видно, милая съ тобой
Обнимается... смѣкаю:
Тише... Боже сохрани
Нарушать такіе сны!
Баю, мой малютка, баю!

Вонъ онъ грезитъ и опять,
По лицу сейчасъ видать!
Тянетъ водку... понимаю:
Щеки, носъ, уста, чело—
Все мгновенно разцвѣло...
Баю, мой малютка, баю!

Посмотрите, онъ жуетъ,
О, безчувственный народъ!
Ужинъ снится? Знаю, знаю:
На яву, мой херувимъ,
Угощу тебя я имъ...
Баю, мой малютка, баю!

О, примѣръ другимъ въ нашъ вѣкъ!
О, святой ты человѣкъ!
Лишь глупцы—я утверждаю—
Спать не могутъ, и съ толпой
Всею дѣлятся душой:
Мудрость истинная—баю!

И не диво, что они
Стонутъ ночи, плачутъ дни,
На плаксивый міръ взирая:
Ими избранъ ложный путь,
Не дающій имъ уснуть...
Счастье истинное—баю!

Подъ мышкой пачка книгъ... То несторъ книжный нашъ!
Не смѣйтеся надъ нимъ! Ужь многіе онъ годы
Торчитъ у той стѣны, терпя молчкомъ невзгоды,
И ветошь книжную прохожему суётъ,
За темные гроши свѣтъ знанія даетъ.

Когда царилъ вполнѣ духъ Рима и Эллады
Надъ нашей мудростью младенческой, и рады
Мы были ощущать въ себѣ замѣтный всходъ
Платоновскихъ идей, Горація красотъ,—
Еврей тотъ насъ снабжалъ латинскимъ матерьяломъ
Съ оборваннымъ концемъ, съ затасканнымъ началомъ.
Онъ тутъ же прибавлялъ, пересчитавъ гроши:
—«Читайте, господинъ, во здоровіе души.»
И впрямъ мы вынесли здоровыя сужденья
Изъ этого, грошемъ оплаченнаго, чтенья—
И крѣпла въ насъ любовь къ дѣламъ родной страны,
Заимствуя примѣръ у римской старины.
А бѣдный продавецъ съ какимъ бѣжалъ восторгомъ
Порадовать семью своимъ убогимъ торгомъ!
Какъ много онъ шепталъ дорогою псалмовъ,
Что нажилъ скудный хлѣбъ отъ праведныхъ трудовъ!
Поговоримте съ нимъ. Припомнивъ жизнь былую,
Со вздохомъ опустилъ онъ бороду сѣдую
На трость, отеръ глаза:
—«Все было, господа!
Желалъ бы я вамъ жить столь многіе года,
Какъ много старыхъ книгъ, пригодныхъ для науки,

Прошло черезъ мои мозолистыя руки!
Не разъ съ профессора, глядѣвшаго сморчкомъ,
Дукатъ я получалъ за Цицерона томъ;
За Плавта—хоть ужь впрямъ негоденъ былъ къ продажѣ—
Мнѣ Грȍдекъ заплатилъ еще и больше даже!
Я-жъ, грѣшный человѣкъ, дивился лишь въ душѣ,
Не чтȍ имъ мой товаръ, коль сами пишутъ всё?

«Лафа была тогда! а книгъ писались томы:
Снядецкихъ, Грȍддека творенья всѣхъ знакомы,
И шелъ изъ нихъ любой, какъ денежки, тогда;
Я много ихъ сбывалъ въ старинные года!
Въ живыхъ они, иль нѣтъ—здоровья дай имъ Боже!
Ихъ брали на расхватъ студенты помоложе.
Изъ этихъ не одинъ прославился потомъ,
Кто литераторомъ, кто рѣдкостнымъ врачемъ,
И не одинъ достигъ чрезъ моего Гомера—
Что ѣздить нынѣ сталъ въ каретѣ... для примѣра.
То дѣти все мои! сказать могу вполнѣ,
Все это выросло, училося при мнѣ.
А бѣдный былъ народъ, кормился онъ трудами,
Другой бы и купилъ.... да дѣло за грошами!
Иные,—помню я особенно такихъ,—
Торгуются со мной, а слезы у самихъ.
Я думаю себѣ: вѣдь жалко молодежи!
Такъ продавалъ въ кредитъ, на хламъ мѣнялся тоже,—
При случаѣ и онъ легко у насъ сойдетъ.
Любимцемъ сталъ еврей у молодыхъ господъ;

Они платили мнѣ исправно, понемногу.
И даже новый плащъ завелъ я, слава Богу.

«Въ обмѣнъ я получалъ писателей такихъ,
Какъ Рей, Папроцкій, Вуйкъ и множество другихъ,
Иль Піотрковскаго богатыя изданья;
Мнѣ памятны еще ихъ годы и названья.
На счетъ же рѣдкихъ книгъ, не хвастаясь, скажу,
Что и въ Бентковскомъ я ошибку догляжу.
Невыгодный товаръ, знакомъ кому онъ мало,
Такъ я... изъ дома въ домъ... по лѣстницамъ, бывало...
И тутъ ужъ пустишь въ ходъ безъ устали языкъ;
Гдѣ выгонятъ, а гдѣ и всучишь пару книгъ:
Вѣдь какъ же быть съ нуждой? чтобъ было пропитанье,
Пришлось навязывать вельможамъ нашимъ знанье.
Вотъ такъ и возбудилъ охоту къ чтенью я:
За злотый или два шелъ Кромеръ у меня;
Еще дороже шли, безъ видимой причины,
Столѣтній календарь и Новыя Аѳины;
Но всѣхъ цѣннѣе былъ Папроцкій, ибо въ немъ
Рисунки есть—какимъ украсить что гербомъ.
А хоть подчасъ и жаль разстаться было съ этимъ,
Что-жъ дѣлать? думаю—на хлѣбъ вѣдь это дѣтямъ.

«Ну!... вотъ взошла у насъ Мицкевича звѣзда...
Но я состарѣлся... сѣдымъ ужъ сталъ тогда;
Рукамъ, ослабнувшимъ подъ тяжестью Плутарховъ,
Пришлося къ посоху прибѣгнуть патріарховъ.

На книжечку стиховъ—покаюся вполнѣ,—
Такъ даже и смотрѣть противно было мнѣ:
Какая въ ней корысть? и томикъ-то невидный!
А я привыкъ, чтобъ былъ in folio солидный.

«Вотъ тутъ ошибся я, признаться по душѣ!
Вѣдь Дѣдами въ Литвѣ зачитывались всѣ.
Повѣрите-ль? во снѣ не знать такихъ товаровъ:
Я продалъ въ полчаса... десятокъ экземпляровъ!
Считая злѳтые, все думалось мнѣ:
«Повыше, видно, онъ Горація въ цѣнѣ.»
И помню, какъ сейчасъ, когда, забывъ морщины,
Я руки цѣловалъ у автора Гражины...

«Но началъ я бѣднѣть: прошла пора удачъ...
Торговлю книжную повелъ теперь богачъ,
И въ каждой лавкѣ спросъ большой произведеній;
Всѣ требуютъ теперь новѣйшихъ сочиненій;
А давшій дѣлу ходъ, старѣйшій букинистъ,
Я, сгорбленный, торчу вотъ здѣсь, какъ павшій листъ.

«Чтѳ старцу до дождя? Пускай въ костяхъ ломота.—
Прохожему сую романъ я Вальтеръ-Скотта.
Неполный экземпляръ... да что же дѣлать мнѣ?
Мицкевича ужь нѣтъ, а кто въ чужой странѣ...
Я помню, помню ихъ... я жилъ ихъ чуднымъ даромъ.
Теперь ужь мнѣ такимъ не торговать товаромъ...
Мельчаютъ авторы, какъ вся кругомъ среда,

Но люди говорятъ: всему своя чреда.
Трудился сорокъ лѣтъ, такъ Богъ не оставляетъ,
Убытки хоть и есть—Крашевскій выручаетъ.
Купите, господа! недорого беру,—
А то вѣдь съ голоду я съ внуками помру.»

* * *

Тутъ книжнаго туза промчалася карета
И грязью старика обрызгала... На это—
Онъ, утеревъ глаза больные, прошепталъ:
—«Зачѣмъ, дуракъ, людей я къ чтенью пріучалъ?!»

ЖИЗНЬ ЧЕСТНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Разсказъ.

I.

Явнымъ продуктомъ законнаго брака
Лицъ изъ фамилій, оставившихъ слѣдъ
Въ дѣеписаніяхъ, изъ вѣчности мрака
Чадо мужское явилось на свѣтъ
И разревѣлось,—ужь сдѣлайте милость,
Плачутъ всѣ дѣти родясь, хоть и зря;
Ибо же осенью это случилось
(Даже второго, никакъ, сентября),
То протопопъ и родные рѣшили
Дать ему имя Степанъ,—а гостямъ
Пиръ на крестинахъ горой учинили...
Словомъ—какъ водится тамъ.

II.

Бывши младенцемъ, сосалъ онъ исправно,
Пилъ молоко мальчуганомъ; потомъ,
Выйдя изъ люльки, сталъ ползать забавно,
Послѣ на палочкѣ ѣздилъ верхомъ;

Дальше смѣшилъ онъ родныхъ болтовнею,
Домики строилъ изъ картъ,—а отецъ
Гордо о немъ выражался порою:
«Это, мой сударь... не умъ, а шельмецъ!
Вонъ какъ на полкѣ гарцуетъ онъ славно!
Молвитъ словцо, такъ куда старикамъ!—
Даже когда ушибется исправно...
Словомъ—какъ водится тамъ.

III.

После отецъ поручилъ его школѣ,
Гдѣ придается шлифовка мозгамъ;
Тамъ научился онъ, память мозоля,
Чтенью, письму и различнымъ вещамъ:
Чтó, молъ, и кáкъ совершается въ мірѣ?
Гдѣ, молъ, порядокъ, а гдѣ, молъ, хаосъ?
Тамъ онъ позналъ, щеголяя въ мундирѣ,
Чѣмъ отличается шалость отъ лозъ.
Выучивъ всё, чтó наставники знали,
Онъ уже взрослый предсталъ старикамъ;
Тутъ развлеченья его занимали...
Словамъ—какъ водится тамъ.

IV.

Умерли старцы. Поплакавъ, къ чужому
Люду присталъ онъ—и счастливъ теперь:
Всякаго любитъ и вѣритъ любому,
Настежъ открыта для всѣхъ его дверь;

Дѣлится съ каждымъ душой и мыслями,
Даже и клятву далъ въ церкви родной,
Что ужь ничто не остудитъ съ лѣтами
Этой любви въ немъ и вѣры святой.
Пылко влюбленный, теперь онъ охоту,
Въ честь ненаглядной, почуялъ къ стихамъ;
Добрымъ пріятелямъ не было счету...
Словомъ—какъ водится тамъ.

V.

Годомъ же позже, иль, можетъ, позднѣе
Онъ уже клянчилъ: «Прозрѣлъ я теперь!
Свѣтъ не сочувствуетъ братства идеѣ,
Онъ на любовь отвѣчаетъ, какъ звѣрь.
Будто бы женскую душу-пучину
Чистой любовью возможно зажечь!
Ей... полюбившей отъ скуки мужчину,
Надо себя ужь, конечно, беречь...
Кто бы ее ни повелъ къ аналою,
Съ каждымъ пойдетъ она весело въ храмъ!
Брезгуетъ сердце любовью такою...»
Словомъ—какъ водится тамъ.

VI.

Такъ и заглохла въ немъ вѣра святая
Въ дѣвичье сердце; теперь у него
Было одно утѣшенье: страдая,
Вѣрить въ друзей, подкрѣплявшихъ его.

Но, разувѣрясь и въ нихъ, какъ нарочно,
Вновь онъ заклянчилъ, въ послѣдній ужь разъ:
«О! если всѣ эгоисты вы точно,—
Значитъ, смѣшонъ я съ любовью межъ васъ.
Свѣтъ! берегись!... Подъ броней скептицизма,
Съ золотомъ въ горсти, я бой тебѣ дамъ!
Хватитъ съ тебя моего эгоизма...»
Словомъ—какъ водится тамъ.

VII.

Сердце, остывшее къ ближнему, гложетъ
Мукъ нестерпимыхъ незримый червякъ;
Но вѣдь не каждый героемъ быть можетъ,
Мучатся всѣ, но не мученикъ всякъ;
И не для всѣхъ возжигаетъ съ лѣтами
Сердце свѣтильникъ той вѣры святой,
Что, чудеса совершая надъ нами,
Учитъ насъ жертвамъ въ борьбѣ роковой.
Рѣдко встрѣчаются люди, что̀ смѣло
Шли бы за насъ по терновымъ путямъ;
Разъ мы убиты—мы мертвое тѣло...
Словомъ—какъ водится тамъ.

VIII.

Такъ и герой нашъ, хотя со слезами,
Отжилъ навѣки для свѣтлыхъ идей.
Выбралъ жену онъ, сойдясь съ богачами,
Взялъ на придачу сто тысячъ за ней;

Часто осмѣивалъ прежнюю вѣру,
Жиромъ былую любовь заглушилъ,
Вкусно обѣдалъ и ужиналъ въ мѣру,
Спалъ превосходно и лакомо пилъ.
Богъ наградилъ его людной семьею;
Разъ онъ, задавши пирушку друзьямъ,
Выбранъ былъ ими уѣзднымъ судьею...
Словомъ—какъ водится тамъ

IX.

Прожилъ онъ долго и нажилъ не мало;
Ну, а доживши до лѣтъ роковыхъ,
Умеръ, конечно,—и въ храмѣ сіяло
Многое множество свѣчъ восковыхъ.
Убрали гробъ, не скупясь на затрату,
Звонъ на весь городъ поэтому былъ—
И протопопъ, за извѣстную плату,
Мертваго болѣе часу хвалилъ.
Послѣ людъ божій засыпалъ могилу,—
Можно и нынѣ найти ее вамъ;
Каждый съ поминокъ уплелся насилу...
Словомъ—какъ водится тамъ.

X.

Дѣти съ вдовою немедленно сшили
Черныя платья съ значкомъ роковымъ;
Годъ они съ чѣмъ-то свой трауръ носили,—
Такъ ужъ обычай предписывалъ имъ.

Выдержавъ срокъ, безутѣшная въ горѣ,
Снова въ цвѣтное одѣлась семья;
Мать съ кѣмъ-то новымъ утѣшилась вскорѣ,
Искъ по наслѣдству ведутъ сыновья.
Кончивъ процессъ, и не вспомнятъ, пожалуй,
Милыя дѣти отца по годамъ;
Ну, а наслѣдство потянется далѣй...
Словомъ—какъ водится тамъ.

ДУМА ПОЭТА.

Фантазія.

Тьма ночи вершины утесовъ покрыла,
Кругомъ все такъ мрачно, уныло такъ было,—
Такъ мрачно, какъ въ сердцѣ поэта самомъ,
Чинившаго хмуро перо за столомъ.

Смущенный душой, онъ сбирался съ мыслями,
Онъ думалъ, что ихъ обезсмертитъ стихами!
Но мысли, чтобъ ванну не брать изъ чернилъ,
Подъ черепомъ узкимъ осѣли, какъ илъ.

Онъ вѣщими въ небо уткнулся очами,
И вѣщими грызть сталъ перо онъ зубами,
И вѣщій въ чернилицу носъ окунулъ,
И думалъ, все думалъ, пока не заснулъ.

КЪ СОЛОВЬЮ.

Что грудкой твоей пережито,
Чѣмъ грезитъ головка твоя,
О томъ и поешь ты открыто,
Цензуру и все обходя.

Талантъ твой Господь охраняетъ:
Онъ нивы снабжаетъ зерномъ
И мушекъ ловить позволяетъ,
Чтобъ ты не нуждался ни въ чемъ.

О, пташка! блаженна ты много!
Такъ пой, не боясь за изъянъ:
Лежитъ гонораръ твой у Бога,—
А тамъ—не жидовскій карманъ.

— — —

ПЛОТНИКЪ.

Народный разсказъ.

На погостѣ, у тракта,
Шла часовни работа;
Я свернулъ туда какъ-то,—
Знать, припала охота.
Въ жаръ уйдешь недалече,—
Отдохни-жъ, человѣче!
Изъ села, между прочимъ,
Ѣсть послали рабочимъ:
Въ мигъ утихла работа,
Топоры замолчали,
И, спасаясь отъ пота,
Всѣ на пищу напали.

Старый плотникъ, что живо
Всталъ отъ трапезы грубой,
Вынулъ трубку, огниво,
И курнулъ—такъ, что любо!
Усмѣхнувшися лихо—

Видно, съ мыслью смѣшною—
Сталъ онъ внятно, хоть тихо,
Разсуждать самъ съ собою:

—«Кузнецу сколько муки:
Жжетъ одежду и руки,
Мнѣ топорикъ наваритъ,
Серпъ, подкову—другому,
Дружно въ молотъ ударитъ,—
Вотъ и денежки къ дому;
Въ кабакѣ онъ, дорогой,
Угостится въ избытокъ:
Отъ него вѣдь премногій
Всей деревнѣ пожитокъ.
Топора же и струга
Трудъ не цѣнится что-то,
Хоть тяжка ихъ работа,
Хоть и больше заслуга.

«Мельникъ пуститъ заставки,
Ссыплетъ умолотъ въ ящикъ,—
И валяйся на травкѣ,
Что господскій прикащикъ.
И скотинка-то сыта,
И жена-то хоть балуй,
Всякій дастъ ему жита,
Дастъ и денегъ, пожалуй;
А добрякъ подвернется,

Такъ и пьянымъ напьется!
Топора же и струга
Трудъ не цѣнится что-то,
Хоть тяжка ихъ работа,
Хоть и больше заслуга.

«Чуть игрокъ на скрипицѣ
Вывелъ нотку пискливо,
Ужь и жертвуйте живо,
Ужь и важной сталъ птицей!
Пареньки и дѣвчонки—
Съ нимъ вездѣ, какъ съ находкой,
И гребетъ онъ деньжонки,
И поятъ его водкой;
Но что больше завидно—
Это то, что, какъ видно,
И сердца-то онъ даже
Загребаетъ свободно!
Правда... спорить нельзя же,
И скрипица пригодна;
Но вѣдь плотника что-то
Не встрѣчаютъ, какъ друга,
Хоть тяжка и работа,
Хоть и больше заслуга.

«Старцы, юноши, дѣти
И позднѣйшіе внуки—
Все проходитъ на свѣтѣ

Черезъ плотничьи руки.
Ребятишки-ль родятся,
Вотъ и думка присиѣла!
Сельскій плотникъ! за дѣло:
Будетъ зыбка стругаться.
Не корысть тутъ причиной,—
Я съ любовью стругаю,
Хоть съ попомъ на крестины
Не попасть мнѣ, я знаю.
Для дити, изъ-подъ струга
Выйдетъ славное что-то...
Ой, скромненька-жъ работа,
Но почтенна заслуга!

«Парнемъ выросъ малютка,
Ужь и льнетъ онъ къ дѣвчатамъ,
А любовь вѣдь не шутка!—
Надо выступить хватомъ;
Но на чемъ-же? Не я ли
Все прилажу изъ теса?
Обтянули колеса,—
Поминайте, какъ звали!
На моей колесницѣ
Все пойдетъ уже хлестко!
Самъ ли милъ онъ дѣвицѣ,
Иль мила моя тёска?—
Это тоже задача!
А когда съ моимъ хватомъ

Приключится удача,—
Не попросить вѣдь сватомъ,
Отбоярится что-то
Онъ мошною отъ струга...
Ой, скромненька-жъ работа,
Но почтенна заслуга!

«Въ пиръ дожинокъ любовный
Нуженъ братцамъ, крестьянамъ,
Столъ дубовый, да ровный,
А не то, что съ изъяномъ.
Съ долотомъ и пилою
Ну-ка, плотникъ, за дѣло!
Столъ на славу я строю,
Примутъ съ радостью смѣло;
Но какъ только накрыли,
Какъ пошли угощаться,—
Что-то сельскіе братцы
Обо мнѣ и забыли;
У меня же забота
Съ сошникомъ для ихъ плуга...
Ой, плоха же работа,
Но почтенна заслуга!

«Пожилъ парень на свѣтѣ
И скончался въ недугѣ:
Надо къ плотнику, дѣти!—
Не откажетъ въ услугѣ.

Онъ стругалъ ему зыбку—
Съ виду, просто игрушку;
Онъ помогъ ему душку
Поддѣпить, словно рыбку;
Нынѣ Богъ награждаетъ—
Пусть и гробъ ужь стругаетъ.
Будетъ гробъ—заглядѣнье,
Точно сдѣланъ для друга...
Ой, не хитро умѣнье,
Но почтенна заслуга!

«Тѣ вонъ ульи, рядами
Что стоятъ у заплота,
Тѣ простыя ворота—
Добрый стражъ надъ полями,
Тѣ кресты... понемногу
Все мое это дѣло;
А теперь, слава Богу,
И часовня поспѣла!
Пусть почетъ будетъ прочимъ
Нашимъ братьямъ, рабочимъ,—
Мнѣ дороже почета
Голосъ совѣсти-друга:
Ой, скромненька работа,
Но почтенна заслуга!

«И еще что—скажу я—
Придаетъ мнѣ охоты:

Что улягусь въ гробу я
Не вахлацкой работы!
Вѣдь не мало я тоже—
Ужь могу похвалиться—
Научилъ молодежи
Съ топоромъ обходиться,—
Такъ любой изъ нихъ смѣло
Справитъ плотничье дѣло!
Я умру—не забота:
Не пойдетъ оно туго;
Сколь почтенна работа,
Такова и заслуга!»

ПЬЯНЫЙ БѢДНЯКЪ.

Мы выпили здорово,
Всѣ мелютъ, кто про что,
Лишь я ни съ кѣмъ ни слова,
Да и со мной никто.

Въ томъ не моя причина!
Имъ есть о чемъ сказать:
Кто говоритъ про сына,
Кто вспоминаетъ мать.

Одинъ, въ азартѣ хмѣля,
Надѣется за двухъ;
Другой, хоть еле-еле,
Но все-жъ мечтаетъ вслухъ.

А я? какимъ разсказомъ
Мнѣ позабавить ихъ?
Мое былое разомъ
Отнимаетъ смѣхъ у нихъ.

Что будетъ—скрыто рокомъ,
Но въ помощь кто придетъ?
Не нужно быть пророкомъ,
Чтобъ горе знать впередъ!

Изба моя въ долинѣ
У озера стоитъ;
Весной вода нахлынетъ
И кровъ мой раззоритъ.

Весною всѣмъ привольно,
А я который годъ
Мой горькій вопль невольно
Сливаю съ шумомъ водъ!

Бѣгу, глотая слезы,
Я въ гору, въ лѣсъ густой;
Все лѣто—бури, грозы
Хозяйничаютъ мной.

Когда иные въ полѣ,
Подъ потомъ трудовымъ,—
Борюсь я крикомъ боли
Съ раскатомъ громовымъ.

А осенью угрюмой,
Подъ дождикъ проливной,
Какъ тучи, злыя думы
Нависнутъ надо мной.

У всякаго, въ то время,
Обиліе во всемъ,
А у меня—лишь бремя
Текущихъ слезъ ручьемъ.

Зимой свободенъ каждый—
Живетъ въ кругу друзей,
И въ день дымятся дважды
Всѣ трубы у печей.

А я, какъ перстъ, безроднымъ,
Безъ очага съ огнемъ,
Замерзшимъ и голоднымъ
Окоченѣю псомъ!

Могильщикъ, черезъ силу
Промерзшій грунтъ долбя,
Ругнетъ мою могилу—
Что умеръ въ холодъ я.

Попа не потревожатъ
Для похоронъ моихъ,
И даже—все быть можетъ—
Совсѣмъ не будетъ ихъ.

А слезъ?—то роскошь, милый:
Кому по мнѣ ихъ лить!
Дождь оросить могилу,
Да вѣтеръ станетъ выть.

А сѣверной мятелью
Холмъ снѣгомъ занесетъ:
Вотъ и конецъ похмѣлью
Отъ всѣхъ земныхъ заботъ!

МОЙ СТАРЫЙ ДОМИКЪ.

Ich sehe des Dorfes Weiden,
Des Wiesenbaches Rand,
Wo ich die ersten Freudeu,
Den ersten Schmerz empfand.
Matisson.

I.

Тамъ, далеко, за горою,
За старинными дубами,
Берегъ Нѣмана каймою
Зеленѣетъ предъ глазами.
Справа топь; надъ топью тою
Разрослася густо ива,
А подальше, надъ чащёю,
Сосны высятся шумливо.
Какъ доѣдешь до забору—
Хата съ сгорбленной стѣною,
Крыша съ мохомъ и травою
Твоему предстанутъ взору;
А съ другого боку, выше,
Видно небо въ щели крыши.

Но взамѣнъ той старой хаты
Я бы не взялъ и палаты.
Отъ крыльца идутъ прямые
Колья съ острыми концами—
Входъ въ мой садикъ, гдѣ вѣнцами
Разрослися небольшіе
Бузины кусты густые.
Внутрь руинъ моихъ, въ окошки,
Ароматъ мнѣ шлетъ шиповникъ;
Отъ него идутъ дорожки
Въ глубь малинника, въ крыжовникъ.
Черезъ колья видно поле,
Нѣманъ издали мелькаетъ,
А внизу, при частоколѣ,
Старый улей догниваетъ.
Этотъ садикъ—онъ, я знаю,
Мой, хоть въ немъ и пустовато;
Здѣсь пишу я и мечтаю,
Роюсь киркой и лопатой.
Домикъ, садикъ—все покуда
Смотритъ весело и твердо.
Мнѣ здѣсь прелесть! и какъ гордо
Я кокругъ смотрю отсюда!
Да! гляжу-ль я на равнину,
На луга, на островъ рядомъ,
Или съ жадностью окину
Темный боръ сосновый взглядомъ,
Иль по Нѣману пускаю

Я глаза, какъ рыбарь лодку,—
О, тогда ужь и не знаю,
Какъ мнѣ смотрится въ-охотку!
Горизонтъ мой—будто зала,
А тотъ лѣсъ на небосклонѣ,
Тѣ избушки—все такъ мало,
Точно мебель въ томъ салонѣ.
А вверху вонъ, по лазури,
Туча носится такъ низко. .
О! когда дойдетъ до бури—
Мой не выдержитъ домишко!
Ужь какъ съ бурей вступишь въ схватку—
Плохо кровля помогаетъ:
Тутъ и дождь мнѣ льется въ хатку,
Да и вѣтеръ въ ней гуляетъ.

II.

Стукъ по лѣсу раздается,
Эхо будитъ тишь лѣсную
И несетъ мнѣ вѣсть дурную,
Что убраться мнѣ придется;
Что топоръ пріютъ поэта
Въ прахъ повергнетъ, не жалѣя,
И что въ будущее лѣто
Я ужь буду жить пышнѣе...
О! коль съ этой стариною
Рухнетъ каждый уголъ зданья,—

Не снесетъ ли онъ съ собою
Столькихъ лѣтъ воспоминанья?
Если сердце волновалось
Страхомъ, грустью небывалой,—
Мнѣ свободнѣе дышалось
Здѣсь, подъ кровлей обветшалой;
Если радость наступала—
Эхо стѣнъ ее дѣлило;
Если скорбь—она стихала:
Тутъ и плакать было мило.
Здѣсь на всемъ своя примѣта:
Сѣни тѣ, крылечко это,—
Тутъ, бывало, слышалъ трели
Я пернатаго поэта,
Чтò мнѣ съ Нѣмана летѣли.
Навѣвалъ порой онъ грезы,
Иногда тоску такую,
Что, бывало, зачастую
Такъ ручьемъ и хлынутъ слезы.
Разъ... я помню... снова мною
Старина овладѣваетъ...
Да! блаженъ и вздохъ бываетъ,
Грудью понятый другою...
Вотъ онъ, уголъ мой угрюмый,
Въ цвѣтъ окрашенный кирпичный,—
О, какія только думы
Здѣсь не зрѣли въ часъ обычный!
Вонъ виситъ вѣнокъ изъ жита—

Память жатвы благодатной,
Вонъ и пылью весь покрытый
Мой диванчикъ—отдыхъ знатный.
Вотъ мой столикъ—тронъ могучій,
Гдѣ я былъ законодатель—
Съ цѣлой рукописей кучей;
Тутъ-же книжный шкафъ-пріятель—
Мой кумиръ и мой предатель!
А надъ столикомъ угрюмо
Нить повисла паутины;
На нее, съ тяжелой думой,
Я смотрѣлъ въ часы кручины,
Или, если мысль, бывало,
Какъ она-жъ, тянулась вяло.
Вотъ каминъ—пріятель старый;
Тутъ струился дымъ сигары,
Пепелъ трубки вытряхался,
Тутъ и стихъ плохой сжигался.
Рядомъ—комнатка другая:
Хоть и мало въ ней простора,
Каждый вечеръ шелъ сюда я
Пошагать въ азартѣ спора.
Здѣсь, за трудъ неутомимый,
Рай вкушалъ я благодати—
На груди жены любимой,
Въ ласкахъ милаго дитяти.
Полинялъ коверъ красивый—
Гордость этого салона,

Чайный столикъ сиротливо
Жмется въ уголъ; лишь изъ фона
Темныхъ стѣнъ глядитъ спѣсиво
Хмурый ликъ Наполеона.
О, любилъ я здѣсь смѣяться,
Веселить гостей, досугомъ,
И безъ устали шептаться
Съ закадычнымъ старымъ другомъ!
А вотъ здѣсь, ночной порою,
Я искалъ успокоенья...
Хоть и жестко, какъ каменья,
Было ложе подо мною,
Но на немъ, вдали отъ шума,
Быстро въ сонъ переходила
Недодуманная дума...
Сколько сновъ-то, сновъ тутъ было!
Въ этихъ снахъ, порой, условье
Духа бодраго лежало,
А порой отъ нихъ здоровье
И спокойствіе страдало...
О, на это изголовье
Слезъ мной пролито не мало!

III.

Старый домикъ! цѣлъ еще ты,
Но тебя разрушатъ вскорѣ...
Да! въ дни счастья и заботы

Мы срослись съ тобой на горе.
Скоро я вступлю въ иныя,
Сердцу чуждыя хоромы:
Имъ вѣдь наши незнакомы
Впечатлѣнія былыя.
Тамъ утратится навѣчно
Пережитое веселье,
Хоть возьму съ собой, конечно,
Я на это новоселье
И мой столикъ, и сигары—
Словомъ, все, что мной любимо:
Обновляютъ домикъ старый,
Но душа необновима...
Не приходится мечтаній
Ждать съ потухшими очами;
А съ живущими людями
Нѣтъ у насъ воспоминаній.
Видъ изъ оконъ будетъ новый:
Нѣманъ съ свѣтлой полосою,
Темный лѣсъ родной дубровы—
Все изчезнетъ за горою.
И мой садикъ... прочь пустое
Малодушіе невзгоды!
Развѣ счастіе былое
Воскресаетъ въ эти годы?
Вѣдь актеръ въ отставкѣ чистой,
Переживъ талантъ свой, тоже
Долженъ роль играть статиста...

Было... минуло... такъ что же?
Совершивъ свою задачу,
Дай и ты покой надеждѣ!...
Мигъ лишь... мигъ... пускай заплачу,
Пусть вздохну я вновь, какъ прежде!

———

МАТЮША.

Разсказъ.

Былъ Матюша парень славный,
Какъ не сыщите другого,
И пристойный, и исправный,
И счастливѣе любого;
Зависть къ парню, хоть безъ злобы,
Всѣмъ заглядывала въ душу,
И никто не вѣрилъ, чтобы
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Какъ на грѣхъ, дѣвица-чудо
Тайно парня полюбила:
—«Я твоей, Матюша, буду
До могилы!»—посулила.
Но другой тряхнулъ казною.
Вкрался онъ дѣвицѣ въ душу
И назвалъ ее женою...
Подкузьмила жизнь Матюшу.

—«Эй, Матюша! пустяками
Что себя ты убиваешь?
Раззорись ка лучше съ нами:
Вотъ какъ лихо погуляешь!»
Утѣшалъ сосѣдъ бѣднягу,
Всю выкладывая душу.
—«Ладно! кличь свою ватагу.»
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Ну, и запилъ парень съ горя,
Утѣшался полъ-недѣли:
Полилося водки море,
Пилъ сосѣдъ и кто хотѣли;
А пришлось чинить расплату,
Такъ закладывай хоть душу—
Парень голъ вернулся въ хату...
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Бьетъ парнюгу лихорадка
Съ перепоя и отъ голи:
Прибылъ лѣкарь для порядка
И еще подбавилъ боли;
А за хлопоты, понятно,
Не Матюшину взялъ душу—
И отправился обратно...
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Сталъ онъ думать, умирая:
«Напишу-ка завѣщанье:

Пусть, Матюшу поминая,
Други дѣлять достоянье!»
Но въ избѣ одна дворняжка
Надрывала воемъ душу,—
И вздохнулъ бѣдняга тяжко:
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Такъ и умеръ онъ, похоже
На святого древней были:
И ему лохмотья тоже
Въ изголовье положили;
Изъ сосѣдей же кладбище
Увидало хоть бы душу!—
Гробъ несли четыре нищихъ...
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Въ узкой ямѣ, въ родѣ щели,
Тѣло грѣшное почило;
Литіи надъ нимъ не пѣли—
Капиталу не хватило.
У часовни крестъ еловый
Осѣняетъ Божью душу,
А на немъ стоятъ три слова:
Подкузьмила жизнь Матюшу.

СТЕЛЛА ФОРНАРИНА

СТЕЛЛА ФОРНАРИНА.

Случай изъ жизни Рафаэля.

ПОЭМА.

I.

То мощный, то рабски приниженный снова,
Два раза надъ міромъ господствовалъ Римъ:
Одинъ разъ—во имя величья земного,
Другой разъ—подвигнутый Словомъ Живымъ.
Съ высотъ Капитолія міру впервые
Послалъ онъ угрозу, ликующій самъ,—
И молча склонились народы земные
Къ его, тріумфатора, гордымъ стопамъ.
Оружье героя, слова, поведенье—
Лишь мощь мірового была силача.
Грозилъ онъ мечемъ—и погибъ отъ меча;
Въ стѣнахъ полу-бога легло запустѣнье.
Какъ древняго міра живой идеалъ,
Онъ съ этимъ же міромъ и самъ догоралъ.
Когда же съ подмостокъ отжившей арены
Сошелъ онъ, почивши во тьмѣ гробовой,
Явился Духъ Божій и въ сгнившія стѣны
Вдохнулъ дуновеніе жизни иной.

И дрогнули фибры гигантскаго лона;
Опять надъ возставшимъ изъ гроба челомъ
Сіяла по прежнему ярко корона,
Теперь съ водруженнымъ надъ нею крестомъ.
Возсѣлъ на престолѣ духовнаго Рима
Смиреннѣйшій рыбарь Господней ладьи,—
И міръ покорился, увидѣвъ незримо,
Что свыше дано ему право судьи.
Владѣя ключами отъ неба и урной
Судебъ человѣческихъ, церковь не разъ
Отважно боролась съ невзгодою бурной,
Съ Петровой твердыни, въ воинственный часъ.
Напрасно, удары въ нее направляя,
Грозили ей страсти и тьма вѣковая.
По мѣрѣ того, какъ сознанье людей
Стремилось впередъ иль назадъ отступало,
И средства борьбы улучшались у ней:
Громовое слово проклятья звучало,
Являлся философъ съ могучимъ перомъ,
Любовь выступала, свершалося чудо,
Чтобъ двигать лѣнивыхъ, работавшихъ худо,
Чтобъ сдерживать то, что идетъ напроломъ.
Когда же въ умахъ простодушныхъ созрѣло,
Что Богъ воплощенный— живая любовь,—
Пошла о ней проповѣдь смѣлая вновь,
Чтобъ люди очистились ею всецѣло,—
И Римъ, какъ бы жаждѣ духовной въ отвѣтъ,
Явилъ геніальныя вещи на свѣтъ.

Уже не впервые художества пламень
Нисходитъ въ толпу, чтобъ возвысить людей,—
Рукой Праксителя изваянный камень
Съ вѣковъ вызывалъ удивленье у ней;
На холстъ нанесенная краска земная
Являла боговъ и героевъ не разъ;
А лютня Орфея, свой звукъ издавая,
Утесы—и тѣ приводила въ экстазъ.
Но древнихъ искусство стремилось къ земному,
Оно отражало природу людей;
Теперь же, въ пылу христіанскихъ идей,
Его призывали къ служенью иному,—
Чтобъ въ формахъ, доступныхъ людскому уму
Божественный образъ приблизить къ нему.
И вотъ, достигая завѣтной вершины,
За подвигомъ подвигъ свершаетъ оно:—
Органъ, подъ искусной рукой Палестрины,
И землю, и небо сливаетъ въ одно;
Подъ сводами римскаго храма впервые
Творилась молитва подъ звуки такіе.
Не диво, что дрогнули сотни сердецъ
Подъ этими мощными чарами слуха,
Что сотни народовъ и странъ, наконецъ,
Признали за Римомъ властителя духа.

Иные таланты за кисти взялись—
И ожилъ ихъ лоскутъ ничтожный холстины;
Надъ ихъ вдохновеннымъ челомъ пронеслись

Знакомыя цѣлому міру картины.
Смотрите, какимъ небывалымъ огнемъ
Прониклось искусство, забывъ о земномъ!
Вотъ мастеръ изъ Винчи пытливое око
Во храмину Вечери Тайной ведетъ.
Смотрите, какъ понялъ онъ душу глубоко
Апостоловъ, чующихъ мрачный исходъ!
Вотъ Петръ и Андрей, Заведеевы оба,
Іуда предатель,—и всѣ, какъ живьемъ,
На зрителя смотрятъ, возставши изъ гроба:
Любого узнаешь какимъ-то чутьемъ!
А самъ Онъ!!—какое видѣніе съ неба
Спасителя ликъ подсказало такимъ?
О! Тотъ, что и въ кроху ничтожную хлѣба
Вселяется съ тѣломъ и духомъ своимъ,
Кто могъ на убрусѣ святой Вероники
Оставить свой грустный божественный ликъ,—
Тотъ самъ, помогая работѣ великой,
И въ холстъ Леонарда изъ Винчи проникъ,
Чтобъ люди познали высокое чувство
Сродства ихъ природы съ самимъ божествомъ,
Чтобъ имъ показать на примѣрѣ живомъ,
Какъ мощно для міра святое искусство!

Теперь, выполняя задачу вѣковъ,
Оно разцвѣло въ образцахъ небывалыхъ,
И масса талантовъ великихъ и малыхъ
Мирила съ землею небесныхъ жильцовъ.

Въ чертогахъ вельможъ и подъ сводами храмовъ
Сокровища красокъ росли съ быстротой—
И смертнаго дѣло, въ золоченыхъ рамахъ,
Сіяло безсмертной теперь красотой!
Толпа преклонилась, сознавши впервые,
Что видѣла въ грезахъ лишь дива такія.

Тамъ мощь Бонаротти оставила слѣдъ
Во фрескахъ построенной Сикстомъ капеллы;
Тамъ цѣлая школа является въ свѣтъ,
Чтобъ въ краскахъ уйти за земные предѣлы,—
И каждая кисть, въ вдохновенномъ бреду,
Рисуетъ видѣнья штрихомъ величавымъ:—
Смотри, какъ Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду
Упалъ, обливаяся потомъ кровавымъ!
Смотри на пророковъ, оживших опять
Подъ мощной рукою Микеля Анжело:
Какая на лицахъ страданья печать!
Какъ въ душу художникъ заглядывалъ смѣло!
Всмотрись въ дорогія для всѣхъ христіанъ
Фигуры святыхъ на картинахъ Лугино;
Вотъ житель пустыни—пророкъ Іоаннъ,
А вотъ Искупитель и «стадо едино».
Склонись—и смиренно подумай на мигъ:
Возможно-ль, чтобъ разумъ ихъ тайны постигъ?
И гдѣ подсмотрѣло пытливое око
Игру въ выраженьи Христа и пророка?

Одинъ только образъ создать не могла
При помощи красокъ рука человѣка:
Какая-то тайна лежала и мгла
На ликѣ Пречистой Маріи отъ вѣка.
Напрасно, молитвой и долгимъ постомъ
Очистивши душу предъ новой работой,
Художникъ по-долгу сидѣлъ за холстомъ,
Крестилъ и палитру, и кисти съ заботой;
Напрасно продумывалъ цѣлые дни,
Усердно молился, лицомъ припадая,
Какъ струны натягивалъ нервы свои
Въ стремленіи увидѣть обители рая.
Казалось, что вотъ онъ божественный ликъ
Ужь видитъ, ужь хочетъ облечь его въ тѣло—
И снова художникъ безсильно поникъ:
Святое видѣнье, какъ тѣнь, улетѣло.
Возможно-ль явить въ выраженьи одномъ
И Божію Матерь и Дѣву Святую,
Сіяющій обликъ съ скорбящимъ челомъ,
Царицу Небесъ и жилицу земную?
Кто можетъ очамъ на холстѣ передать
Согрѣтую душу безмѣрной любовью
И сердце, за Сына облитое кровью?
Кто образъ Маріи достоинъ писать?
Ужели дерзнетъ разноцвѣтною глиной
Рука человѣка представить на свѣтъ
Божественный обликъ?...
Свершился завѣтъ—
И міру предсталъ Рафаэль изъ Урбино.

II.

Зачѣмъ, о безсмертный Мадонны творецъ!
Такъ много даровъ тебѣ небо ссудило?
За что обладалъ ты невѣдомой силой,
Глава живописцевъ, художества жрецъ?
Кто далъ тебѣ право рукой дерзновенной
Покровъ приподнять съ красоты вѣковой,
Проникнуть къ источнику тайны священной,
Сокрытой отъ воли и власти людской?
Откуда смотрѣвшее въ душу глубоко
Твое соколиное, вѣщее око?
Господь даровалъ тебѣ геній, чтобъ имъ
Ты придалъ святое значенье искусству,
Чтобъ стало оно достояньемъ людскимъ,
Доступнымъ и самому грубому чувству.
Кто розы раскрасилъ любовной рукой,
Кто радугу создалъ контрастомъ для бури,
Осыпалъ цвѣтами луга надъ рѣкой
И золото къ утренней розлилъ лазури—
Великій Художникъ художниковъ,—Онъ
Мѣшалъ твои краски для ликовъ Мадоннъ.
Да славится, Санціо, имя святое
Создателя, трудъ увѣнчавшаго твой!—
Ты былъ для него лишь орудье простое
Для цѣли, сокрытой отъ мысли земной.

III.

Предвѣстники будущихъ дивныхъ созданій
Уже украшали пятнадцатый вѣкъ;
А въ отрокѣ-сынѣ старикъ Джіованни
Подмѣтилъ и развилъ искусства побѣгъ.
По смерти отца, изъ родного Урбино,
Совсѣмъ еще юный тогда, Рафаэль
Отправился въ школу, гдѣ Петръ Перуджино
Искусства преслѣдовалъ высшую цѣль,—
Училъ, чтобъ изъ красокъ безжизненныхъ вышли
Созданья такой неземной красоты,
Съ такимъ выраженіемъ жизни и мысли,
Какія доступны лишь міру мечты.
Прилежно внималъ Рафаэль наставленьямъ
И въ школѣ былъ первымъ, горя вдохновеньемъ.
Уже и въ начальныхъ картинахъ своихъ
Дышалъ онъ отвагой и силой таланта;
Пророчески можно ужь было и въ нихъ
Провидѣть судьбу живописца-гиганта.
Прекрасный собою, почти идеалъ
Земной красоты изъ себя представляя,
Онъ небо въ глазахъ голубыхъ отражалъ,—
Была въ нихъ какая-то грусть неземная,
Какъ будто печаль по-не-здѣшней любви,
По цѣлямъ высокимъ служенья искусству;

Мгновенный румянецъ подсказывалъ чувству
Огонь, разгоравшійся въ юной крови.
Лицо его было подвижной волною,
Чтò все па себѣ отражаетъ полнò:
Блеснетъ ли зарница вдали полосою,
Нахмурится-ль небо, иль ясно оно,
Повѣетъ ли вѣтеръ, тиха ли погода—
Въ волнѣ отразится всецѣло природа.
Вотъ такъ и лицо Рафаэля всегда
Художника внутренній міръ повторяло:
Гнела ли его неудача труда,
Сходило ли въ сердце довольство, бывало,—
Они отражались въ подвижныхъ чертахъ,
Какъ солнце иль туча на зыбкихъ волнахъ.
Но зависти, гнѣва, пороковъ презрѣнныхъ
На этомъ лицѣ не лежало пятна;
Порой, какъ отъ яркаго солнца весна,
Оно разцвѣтало отъ думъ вдохновенныхъ;
Порою, какъ тучка на небѣ дневномъ,
Спокойная грусть отдыхала на немъ.
И то же безгрѣшной души отраженье
Являлъ Рафаэль и въ картинѣ любой:
То было предчувствіе грёзы святой,
Стяжавшей ему міровое значенье.
Іосифа-ль старца начнетъ онъ писать,
Петра ли апостола образъ угрюмый,—
На строгія лица ложится печать
Младенческой вѣры, мечтательной думы

И дѣвственной, свѣтлой, какъ лучъ, чистоты
Творца, создававшаго эти черты!
Подъ кистью художника все оживало;
Одно лишь ему не давалось пока:
Съ лица Благодатной вѣковъ покрывало
Дрожала поднять мастерская рука.
Мадоннамъ его изумлялись народы,
А онъ, недовольный, готовъ былъ порой
Въ клочки разорвать ихъ подъ гнетомъ невзгоды—
И снова писалъ ихъ дрожащей рукой.
Нерѣдко, припавъ на холодныя плиты
Горячимъ челомъ, онъ у Бога просилъ
Прощенья, что мало дано ему силъ
Для цѣли великой,—и горемъ убитый,
Считалъ недостойнымъ себя Рафаэль
Преслѣдовать эту великую цѣль.
Онъ чувствовалъ образъ, но красокъ сліянье
Смущало художника чудное въ немъ:
Возможно ли выразить въ ликѣ одномъ
Любовь, Красоту, Божество и Страданье?!
Не прочь былъ и съ лика земного списать
Онъ Дѣвы Пречистой примѣты святыя;
Но развѣ хоть блѣдный намекъ ему дать
Могли на Марію созданья земныя?
Повсюду, гдѣ можно, тревогой объятъ,
Онъ зорко подсматривалъ женскія лица;
Но въ нихъ лишь одинъ святотатственный взглядъ
Подмѣтилъ бы сходство съ Небесной Царицей.

Давно ужь считалось, что югъ—колыбель
Роскошныхъ красавицъ съ чарующей властью;
На каждомъ шагу находилъ Рафаэль
Прелестныя лица, дышавшія страстью;
Не разъ онъ отъ юношей пылкихъ слыхалъ
Сравненье царицы ихъ мыслей съ богиней,—
Одинъ только онъ никогда не встрѣчалъ
На обликахъ женскихъ небесной святыни.
Въ одномъ —привлекали черты доброты,
Въ другомъ—беззавѣтная страсть въ выраженьи;
При нихъ бы легко разыгрались мечты,
Но только мечты о земномъ наслажденьи.
Не это художникъ отыскивалъ въ нихъ—
Не пылкихъ восторговъ, не счастья земного,—
Онъ жаждалъ совсѣмъ наслажденій иныхъ
И облика ждалъ онъ далеко иного.
Въ тоскливой погонѣ за грезой святой
Глаза Рафаэля не знали пощады:
Любая изъ женщинъ, кичась красотой
И видя его любопытные взгляды,
Мечтала, что пылкій искатель Мадоннъ
Въ нее самое безконечно влюбленъ,—
Когда, незнакомый съ людскими страстями,
Художникъ искалъ въ выраженьи земномъ
Свой образъ завѣтный, тоскуя ночами...
И руки ломалъ онъ въ безсильи нѣмомъ.

IV.

Никто бы, однакожъ, не понялъ, какою
Тревогой былъ юноша пылкій объятъ.
Своихъ современниковъ избранный рядъ
Оставилъ ужь онъ далеко за собою,—
Гремѣла въ Италіи слава о немъ,
Его признавали за генія всюду;
Въ дворцахъ и въ палатахъ, и въ храмѣ святомъ
Плодамъ его кисти дивились, какъ чуду.
Сто разъ онъ Святое Семейство писалъ
И сто разъ при этомъ, забывъ остальныя
Фигуры картины, въ умѣ представлялъ
Лишь Дѣвы Маріи черты неземныя.
Въ Перуджіи славной, гдѣ Санціо жилъ,
Считаясь съ природой двадцатой весною,—
И тамъ онъ, средь міра тогдашнихъ свѣтилъ,
Сіялъ ослѣпительно-яркой звѣздою.
Послушать его вдохновенную вѣсть
Считали и старцы-таланты за честь.
И дивно прекрасенъ былъ юноша-геній,
Когда излагалъ онъ сѣдымъ старикамъ
Задачи и тайну великихъ твореній;
Не то въ тѣ минуты, когда къ небесамъ
Отъ мольберта очи поднявъ голубыя,
Въ небесной лазури подсматривалъ онъ,

Глубоко задумчивый, краски живыя,
Томился, что не былъ вполнѣ вдохновленъ.
Чего же хотѣлъ онъ, еще съ колыбели
Начавшій путемъ вдохновенья идти?
О! генію лучше извѣстны пути,
Какими идетъ онъ къ намѣченной цѣли...
Правдивый сынъ Божій—отъ льстивой молвы
Не сложитъ на лаврахъ своей головы.

V.

Едва миновавши младенчества годы,
Былъ Санціо папою въ Римъ приглашенъ,
Чтобъ залъ ватиканскихъ и стѣны, и своды
Украсилъ могучею кистію онъ.
Туда и доднесь порывается каждый
Томимый призванья священною жаждой;
Склоняетъ въ восторгѣ колѣни пришлецъ,
На чудныя фрески Урбино взирая,
Иль вдругъ, на стѣнѣ, межъ картинъ замѣчая
Его мастерства вѣковой образецъ.

И этотъ пришлецъ изъ чужбины далекой,
Съ безумнымъ восторгомъ отдавшись мечтамъ,
Запасъ впечатлѣній живой и глубокой
Увозитъ въ наслѣдье своимъ землякамъ.
А тѣ, убѣждаясь и глазомъ, и ухомъ,
Что въ немъ ужъ не прежняя робость видна,—

Какимъ—вопрошаютъ—пророческимъ духомъ
Плѣнилъ ихъ собрата кусокъ полотна?
И рѣдкій изъ смертныхъ, видавшій тѣ чары,
Завистливой мыслью ума не томилъ:
«Какъ счастливъ ты, папа!—не блескомъ тіары,
Но этими перлами творческихъ силъ!»

Вѣдь тамъ ужь искусство вполнѣ показало
Могущество дивное власти своей;
Тамъ Дѣва Святая съ лица покрывало
Еще передъ первымъ сняла изъ людей:
Не даромъ же Рима глава непреклонный
Считаться намѣстникомъ Бога привыкъ:
Имѣетъ онъ Божіей Матери ликъ,
Душой Рафаэля съ небесъ отраженный.

Безсмертный художникъ достигъ, наконецъ,
Плода вожделѣннаго думы великой:
Нашелъ на землѣ онъ живой образецъ—
Подобіе тѣни небеснаго лика;
Искусная нить въ остальномъ доткалá
Земную канву, небесамъ подражая,—
Нужна лишь натура живая была,
Чтобъ въ холстъ воплотилась идея святая.
Навѣяли дѣвушки римской черты
Для каждаго чудо доступное нынѣ;
А люди съ надменной своей высоты
Забыли почетъ свой воздать Форнаринѣ.

Петрарка Лаурой въ сонетахъ великъ,
Въ безсмертныхъ лучахъ Беатриче у Данта,—
Одной Форнарины чарующій ликъ
Не признанъ увѣнчаннымъ мощью таланта.
Но этого мало: вотъ изъ глупцовъ,
Всю жизнь свою чуждый возвышенной связи,
Елейнымъ шыркомъ беззастѣнчивой грязи,
Одною улыбкой ехидной готовъ
Набросить, подъ хохотъ веселой дружины,
Позорную тѣнь на любовь Форнарины.
Италія! мечтаній чудесныхъ страна!
Ты, взявшая варварскимъ міръ современный!
Ужели славянская лира должна
Очистить отъ грязи кумиръ твой священный?
А та, отъ которой твой геній воскресъ,
Которая Небу посредницей стала
И въ фрескахъ достигла сама до небесъ,
Неужели въ глазахъ твоихъ стоитъ такъ мало?
Не женщина, какъ всѣ, не склоняла ль чела
При видѣ соблазновъ естественныхъ въ свѣтѣ:
Но его тѣла чары внушили эти,
Она Рафаэля душою была!
Самъ папа, увидѣвъ фигуру Мадонны,
Упалъ на колѣни предъ ликомъ святымъ:
Народъ же, въ чудесное вѣруя сказаній,
Толпою въ сто тысячъ стоялъ передъ нимъ.
Пречистая Матерь распятаго Сына,
Заступница міра презрѣнье познала.—

Вѣдь это все та же была Форнарина,
Теперь возведенная въ перлъ-идеалъ.

VI.

Прекрасный, богатый, взлелѣянный славой,
Счастливцемъ творецъ его жилъ при дворѣ;
Едва ли кому нибудь въ ранней порѣ
Сужденъ былъ такой же удѣлъ величавый.
Какъ Дантъ, какъ Петрарка въ разцвѣтѣ ихъ силъ,
Увѣнчанъ и онъ Капитоліемъ былъ.
Когда, провожаемъ толпою народной,
Спѣшилъ онъ укрыться отъ жадныхъ очей,
Рождалось въ немъ чувство тоски благородной,
Что не съ кѣмъ дѣлить ему славы своей.
Хотя, избалованный съ молоду ею,
И могъ бы художникъ мечтать обо всемъ,—
Одинъ допускалъ онъ тревожно идею
Сомнѣнья въ великомъ талантѣ своемъ.
—«О! часто твердилъ онъ,—тогда лишь признаю
Себя живописцемъ великимъ и я,
Когда Богоматерь, присущая раю,
Узрѣть ея образъ сподобитъ меня,
Явясь на яву мнѣ иль въ сонномъ видѣньи,
Иль даже хоть въ блѣдномъ земномъ отраженьи.»
Не разъ, удручаемый скорбью такой,
Блуждалъ по горамъ онъ, взбирался на скалы,
Не то надъ крутящейся Тибра водой

Въ глубокомъ раздумьи садился, усталый.
Куда же веселья рѣзвящійся лучъ
Исчезнулъ внезапно съ лица молодого?
О! развѣ языкъ нашъ на столько могучъ,
Чтобъ все выражало убогое слово?

VII.

Какъ будто съ улыбкой, въ лучахъ золотыхъ
Весеннее утро надъ Римомъ вставало.
Съ чела Рафаэля оно разогнало
Угрюмую тѣнь сновидѣній ночныхъ,—
Онъ за городъ вышелъ и съ чувствомъ отрады
Вдыхалъ благовоніе майской прохлады...
Въ предмѣстьи царила кругомъ тишина,
Лишь тихо порою подъ кровлей укромной
Звучала молитва возставшихъ отъ сна,
Да издали звонъ доносился церковный.
Любимецъ искусства, смирявшій свой пылъ
Подъ гнетомъ вседневнаго шума столицы,
Искалъ здѣсь простора для творческихъ силъ.
Такъ рвутся на волю плѣненныя птицы.
Не долгая роскошь! минуты пройдутъ—
И люди займутся обычной вознею;
Житейскія дрязги, нахлынувъ волною,
Гиганта съ его пьедестала снесутъ;
Остывшій въ порывахъ, безъ думъ вдохновенныхъ—
Онъ будетъ однимъ изъ согражданъ степенныхъ.

Блаженъ, кто въ себѣ дальновидно скопилъ
Въ часы одиночества, мысля сурово,
Избытокъ душевныхъ и умственныхъ силъ
Для жизни духовной средь шума мірского:
Вѣдь то, что сберегъ онъ въ какой нибудь часъ,
Быть можетъ, на годы составитъ запасъ.

VIII.

Ужъ солнце палило, поднявшись высоко,
И улицы все становились шумнѣй.
Отдѣльныя кучки убогихъ людей
Теперь осаждали жилье хлѣбопека.
Далекій отъ всякой заботы земной,
Художникъ въ порывѣ лишь смутнаго чувства
Пошелъ машинально за этой толпой:
Авось навернется сюжетъ для искусства.
Спокойно онъ сталъ передъ лавкой—и вдругъ
Проникъ его душу таинственный трепетъ,—
Тотъ трепетъ, похожій на дѣтскій испугъ,
Который, какъ смутный грядущаго лепетъ,
Пророчитъ, что въ жизни отнынѣ для насъ
Насталъ роковой, знаменательный часъ.
И съ этого часу, отъ этой минуты
Искусство считаетъ эпоху свою:
Порвались вязавшія генія путы,
Нашелъ, наконецъ, онъ въ родимомъ краю

Такъ долго желанный имъ обликъ прелестный,
Достойный быть тѣнью Царицы Небесной.

Роскошные блики лучей золотыхъ
Играли на полкахъ съ различнымъ печеньемъ.
И въ этихъ лучахъ же сидѣла при нихъ
Красавица съ чуднымъ въ глазахъ выраженьемъ,—
Она то съ улыбкой, то съ грустью нѣмой
Смотрѣла на бѣдныхъ, отцу помогая:
Ужь это былъ образъ—какъ будто съ толпой,
Обиженной хлѣбомъ, дѣлилась святая.
Изъ свѣтлыхъ волосъ на широкомъ челѣ
Лежала простая прическа по-римски;
На утро весеннее въ розовой мглѣ
Похожъ былъ красавицы взглядъ херувимскій.
Такого съ сокрытою думой чела
И чуднаго, яснаго взгляда такого
Давно ужь душа Рафаэля ждала,
Какъ ждалъ бы влюбленный отвѣтнаго слова.
Тѣхъ чертъ на-яву не встрѣчалъ онъ слѣда,
Онъ зналъ ихъ намекомъ изъ сновъ вдохновенья,
Хотѣлъ уловить ихъ—но тщетно всегда:
Онѣ исчезали въ моментъ пробужденья.
Такъ диво-ль, что онъ очарованъ стоялъ,
Увидѣвъ во-очію свой идеалъ?
Что нѣги довольства томящая сладость,
Казалось, затмѣньемъ грозила уму?
Живая молитва и дѣтская радость

Потокомъ нахлынули въ душу къ нему,
Уста шевельнулись —и замерло слово,—
Такъ чтилъ онъ божественность лика земного.
Къ сосѣдней колоннѣ рукой прислонясь,
Ловилъ Джіованни въ находкѣ счастливой
Движенья, малѣйшую искорку глазъ,
Улыбку, румянца отливъ прихотливый.
Хотѣлъ бы онъ вѣкъ любоваться на нихъ,
Хотѣлъ бы ихъ въ памяти врѣзать живыми;
Минутная жажда желаній плотскихъ
Въ душѣ благородной молчала предъ ними,—
Не въ томъ былъ возвышенной мысли удѣлъ,
Не этимъ художникъ огнемъ пламенѣлъ.
Ее бы облекъ онъ безсмертной красою,
Ей придалъ бы тысячи образовъ онъ,—
Она бы съ палитры сошла предъ толпою
Въ невиданныхъ краскахъ съ почину временъ —
Такихъ лучезарныхъ, что ихъ чистотѣ бы
Могла позавидовать радуга въ небѣ.
Ее бы вознесъ онъ, отдавшись ей весь
Могучимъ талантомъ, на высь неземную:
Вѣдь стоитъ безсмертной содѣлать такую
Минутную гостью, живущую здѣсь.

Есть сила во взглядѣ, что властью безмолвной
Влечетъ къ себѣ издали ближняго взглядъ;
Она—магнетическій токъ, говорятъ,
А мы назовемъ ее мощью духовной.

Но вызвать извѣстное чудо тогда
Она въ состояньи, когда между нами
И тѣмъ, на кого мы вліяемъ глазами,
Сродство есть по духу. Какъ часто чужда
Бываетъ намъ даже и тѣнь подозрѣнья,
Что вѣсятъ нашъ жребій на высшихъ вѣсахъ,—
А въ насъ пробѣгаетъ ужъ трепетъ сомнѣнья,
Румянецъ тревоги горитъ на щекахъ;
Мы чувствуемъ только, что въ эту минуту
Намъ страшно чего-то, мы рады чему-то.

IX.

Такой же вотъ трепетъ и въ сердце проникъ
Красавицы, взглядомъ артиста смущенной.
Съ чего зарумянился дѣвственный ликъ
И взоръ загорѣлся, къ нему обращенный?
Зачѣмъ на него заглядѣлась она,
Хоть въ сторону, будто, смотрѣла иную,
И спуталась въ счетѣ, тревоги полна?
Желанный лишь вызвалъ бы смуту такую.
Желанный! но, Боже! вѣдь въ бархатѣ онъ,
И цѣпь на немъ ярко блеститъ золотая,
Онъ знатнымъ вельможей, какъ видно, рожденъ,
Она же работница только простая.
«Ни я ему пара, ни онъ для меня»...
Мелькнуло у дѣвушки въ грезахъ чудесныхъ:
«Тутъ мало-ль прохожихъ въ теченіи дня!
«Помилуй мя, Боже, отъ помысловъ грѣшныхъ!

X.

Художникъ о студіи вспомнилъ своей,
И дальше пошелъ онъ по улицѣ людной,—
А сердце въ немъ билось сильнѣй и сильнѣй:
— «Такъ вижу, Мадонна, я образъ Твой чудный!
«Такъ сны мнѣ не лгали, такъ чувство мое
«Не даромъ питала надежды тревога,
«Что есть на землѣ отраженье Твое,
«Пречистая Дѣва, зачавшая Бога!
«Тебя я предчувствовалъ смутно—и самъ
«Искалъ Тебя въ небѣ, средь звѣздъ во вселенной.
«Твой образъ я создалъ по видѣннымъ снамъ—
«И признанъ былъ плодъ ихъ за трудъ вдохновенный.
«Но если рука колебалась творца—
«Писать ли ихъ тою, иль этою глиной,
«То нынѣ постигъ я, какъ мало вѣнца
«Заслуживалъ мастеръ изъ школы Урбино.
«Теперь же, когда, представляясь очамъ,
«Видѣніе приняло формы живыя,—
«Теперь я божественный ликъ Твой создамъ
«Иначе, Пречистая Дѣва Марія!»

XI.

Вбѣжалъ онъ въ свою мастерскую,—и въ мигъ
Набросанъ былъ контуръ лица дорогого;

Но взоръ живописца потупился снова,
Безсильно на грудь головой онъ поникъ
И, бросивъ палитру, воскликнулъ тоскливо:
—«Не то очертанье, не той красоты!
«Стереть его надо... не такъ оно живо...
«Съ натуры лишь пишутъ такія черты.
«И что это значитъ? съ чего неудача?
«Вѣдь образъ чудесный мнѣ въ душу проникъ;
«Но, видно, трудна человѣку задача—
«На память писать Богородицы ликъ.
«О вы, вдохновенья порывы святые!
«Подайте совѣтъ мнѣ божественный свой,
«Чтобъ зналъ я, какія же средства земныя
«Нужны для созданья красы неземной!»
Такъ мыслью все больше витая далеко,
Художникъ въ отчаяньи краски стиралъ,—
И снова пошелъ онъ къ жилью хлѣбопека
Въ надеждѣ увидѣть живой идеалъ.

XII.

Не мысли дурныя, не низкое чувство
Влекли Рафаэля увидѣть его.
За высшую вѣру считалъ онъ искусство,
О немъ лишь онъ думалъ—и жилъ для него;
Ему посвящалъ онъ минуту любую
И горе, и радость свою на землѣ,
И юнаго сердца любовь огневую,

И славы вѣнецъ, что̀ носилъ на челѣ.
Сбиралъ ему дань онъ повсюду, безъ мѣры,
Съ лазурнаго неба, съ зеленыхъ луговъ;
Любилъ онъ обряды таинственной вѣры,
Любилъ простодушный напѣвъ земляковъ.
И все, что достигло до глаза иль уха,
Съ земли или съ неба являлася вѣсть,
Копилъ въ глубинѣ онъ могучаго духа,
Чтобъ позже на жертву искусству принесть.
Развалины, статуи древняго Рима,
Картины великихъ былыхъ мастеровъ—
Все жадно ловилъ онъ, не йдучи мимо,
Чтобъ душу удобрить для чудныхъ плодовъ.
И божьи творенья, и генія дѣло—
Все рвало житейскія путы на немъ,
Чтобъ могъ онъ, свободный, достойно и смѣло
Предстать предъ искусства святымъ алтаремъ.
Но думъ его свѣтлыхъ на самой вершинѣ,
Какъ въ облакѣ, женщины образъ стоитъ:
Вѣдь въ ней и красу онъ уловитъ отнынѣ,
И душу блаженствомъ отъ ней упоитъ;
Введетъ она въ міръ его новый нетлѣнья,
Съ юдоли земной вознесетъ къ небесамъ....
О, грѣшные люди! знакома ли вамъ
Высокая жажда людей вдохновенья?

XIII.

Пекарня закрыта—распродан товаръ;
Въ дверяхъ, да и въ окнахъ совсѣмъ нелюдимо.
Художникъ, раздумьемъ смиряя свой жаръ,
Два раза прошелся по улицѣ мимо.
Хоть взглядъ бы единый, хотя бы на мигъ
Мелькнула въ оконной красавица рамѣ,—
Быть можетъ, къ ея бы стопамъ онъ приникъ,
Какъ ликъ чудотворный увидѣвъ во храмѣ.
И солнца поклонникъ бы палъ предъ зарей
Не въ томъ униженья пылу небываломъ,
Въ какомъ Рафаэль лучезарной главой
Поникъ бы предъ чуднымъ своимъ идеаломъ
Но въ окнахъ пустынно,—развѣдать бы какъ?
Быть можетъ, прохожій послужитъ для цѣли.
— «Здѣсь кто проживаетъ? послушай, землякъ!»
— «Тутъ домъ хлѣбопека, Петра Гаффарели.»
— «А дѣвушка чья же, что утромъ у нихъ
«Сегодня торговлю вела съ бѣдняками?»
— «Ого! осторожнѣй: у Стеллы—женихъ,
«И этотъ женихъ—на лицо передъ вами!
«Я зорокъ, и видитъ отлично мой глазъ,
«Чего твоему бы хотѣлось здоровью;
«Имѣю кинжалъ я, который какъ-разъ
«Твой бархатъ обрызгаетъ алою кровью.

«Богатый господчикъ, напрасенъ твой трудъ,
«Не все достается, что видится оку,
«Для милости вашей палаты слывутъ,
«А въ окна глазѣть не ходи къ хлѣбопеку!»
Вотъ такъ-то отвѣтилъ съ насмѣшкою злой
Угрюмый прохожій, красивый и статный.
— «О, нѣтъ! далеко не соперникъ я твой!»
Сказалъ живописецъ съ улыбкой пріятной:—
«Я просто художникъ,—а, бѣдные, мы
«Стремимся къ одной лишь приманкѣ духовной;
«Должны мы натуры искать межъ людьми,
«Чтобъ вышелъ прекраснѣе образъ церковный.
«Красавица—Стелла; но ложно твое
«Ревнивое чувство: въ золоченой рамѣ
«Хочу написать я Мадонну съ нея,
«Чтобъ къ ней возносились молитвы во храмѣ!»
Подумалъ съ минуту бѣднякъ молодой
И смѣрялъ художника взглядомъ сомнѣнья;—
Но все въ немъ дышало такой прямотой,
А въ голосѣ столько звучало моленья,
Что въ римскомъ ревнивцѣ остынулъ весь пылъ
И совѣсть просила довѣрія смѣло.
Рѣшиться ли? нѣтъ ли?—мудреное дѣло,—
Онъ только смущенно глаза опустилъ:
— «Вы кто же такіе?»
— «Я папскій художникъ,
«Зовутъ Рафаэлемъ»
— «И я не безбожникъ!

«Хожу иногда поглазѣть въ Ватиканъ:
«Тамъ ваши вѣдь фрески... святой Іоаннъ.
«Вы цѣли дурныя наврядъ бы имѣли,
«Ты папскій любимецъ, какъ слыхивалъ я,
«И взглядъ у васъ честный—не вѣрить нельзя.
«Пойдемте же вмѣстѣ къ Петру Гаффарели.»

XIV.

Въ то давнее время не дивомъ была
Довѣрчивость эта къ искусству. Какъ нынѣ,
Тогда на дѣвицъ не ложилась хула,
Что ликъ ихъ послужитъ моделью картинѣ.
Въ то время не смѣла шипѣть клевета,
Хотя и бывали нерѣдко примѣры,
Что самыхъ высокихъ особъ красота
Являлась, положимъ, въ нарядѣ Венеры.
Вѣдь Римъ понималъ, что не къ цѣлямъ земнымъ
Стремится искусство въ призваніи новомъ;
Оно въ христіанствѣ считалось святымъ,
Служа украшеньемъ во храмѣ Христовомъ:
Средь древнихъ, чудесныхъ легендъ о быломъ,
Среди образцовыхъ твореній искусства,
Не слышался хохотъ сомнѣнья во всемъ,
Возвысились даже и грубыя чувства.
Лишь въ нынѣшній стали испорченный вѣкъ
Смѣяться при видѣ нагихъ изваяній,
И вноситъ двусмысленный взглядъ человѣкъ

Въ любое изъ чудныхъ искусства созданій.
Ему ли понять, что фигурой нагой
Сказать было правду великую надо;
Ему ли вождемъ быть надъ темной толпой,
За нимъ ли пойдетъ поколѣній громада!
Иной вопрошаетъ духовный слѣпецъ:
«Зачѣмъ чудеса не являются нынѣ?»
О! ихъ и теперь намъ даруетъ Творецъ
То въ пѣсни волшебной, то въ чудной картинѣ.
Поэтъ и художникъ—орудье небесъ—
Сіяютъ, какъ свѣточъ, для темнаго люда:
Они извлекаютъ не мало чудесъ
Изъ братняго сердца, достойнаго чуда.
Но въ комъ отъ картины, отъ пѣсни иной
Душа не бушуетъ, какъ вихрь непогоды,
Тотъ годы прождетъ еще—долгіе годы,
Пока его чудо возвыситъ собой.

XV.

— «Пойдемте же вмѣстѣ къ Петру Гаффарели!»
Сказалъ незнакомецъ;—«но надо, землякъ,
«Чтобъ вы и объ насъ бы понятье имѣли:
«Зовусь я Андреемъ, я здѣшній рыбакъ—
«И тибрскому эху, пою я хоть рѣдко,
«Знакомы веселыя пѣсни мои.
«Ночами бываю я дома, а дни
«Проходятъ въ вознѣ съ рыболовною сѣткой.

«Я выросъ, сроднился съ моимъ ремесломъ,
«Изъѣздилъ я тибрскія воды шальныя;
«Съ сѣтями и пѣсней, съ ладьей и весломъ
«Живемъ мы согласно, какъ братья родные.
«Я знаю, гдѣ рыбы главнѣйшій притонъ...
«Охъ, право, не смѣйтесь надъ долей простою!
«Самъ старецъ святѣйшій, самъ папа Леонъ
«Къ столу покупаетъ уловъ мой порою.
«По милости, значитъ, святого отца
«Имѣю отъ лодки доходъ я немалый,
«Я Тибръ раззоряю съ конца до конца,
«Мнѣ платятъ отлично отцы кардиналы.
«За звонкія пѣсни,—какъ будто багромъ
«И ихъ изъ воды я таскаю, какъ рыбку,—
«Дарятъ мнѣ частенько дѣвицы улыбку
«И тибрскимъ пригожимъ зовутъ рыбакомъ.
«А пѣть мнѣ не трудно, была бы охота:
«Какъ взглянешь на небо, на всплёски воды,
«Такъ слово за словомъ, за нотою нота,
«Польется и пѣсня сама изъ груди.
«Теперь и подавно,—вѣдь это блаженство,
«Когда полюбилась мнѣ Стелла моя!
«Скажу вамъ, не хвастаясь, ваше степенство,
«Что вѣритъ охотно и пекарь въ меня.
«Идемте же къ старцу: свой вѣкъ доживая,
«Онъ людямъ глядитъ, не краснѣя, въ глаза;
«Въ душѣ его теплится вѣра живая,
«Хорошіе любитъ онъ самъ образá;

«Узнавъ же, какой вы художникъ умѣлый,
«Радехонекъ будетъ невѣсты отецъ,
«Чтобъ вы написали Мадонну со Стеллы;
«А мнѣ лишь шепнуть ей—и дѣлу конецъ.
«Вѣдь я полюбилъ васъ, хоть вижу впервые,—
«Не знаю, за что ужь... за фрески ли тѣ,
«За ὸбраза-ль вашего краски—такія,
«Что ихъ не увидишь и въ грѣшной мечтѣ,
«За ваше лицо ли, какъ будто простое,
«Но чѣмъ-то особымъ влекущее такъ...»
Такими словами признанье живое
Артисту высказывалъ тибрскій рыбакъ.

XVI.

Они постучались... и отперъ имъ кто-то;
Въ убогій вошли они пекаря домъ.
На самомъ порогѣ... знакомое что-то—
Фигура съ знакомымъ артисту челомъ,
Съ улыбкой и грустная вмѣстѣ такая,
Съ блистающимъ взоромъ подобно лучамъ,
Не то ли изъ смертныхъ, не то ли святая,
Открывшая смертнымъ врата къ небесамъ.
Она, несомнѣнно!.. она это... Стелла...
Живой идеалъ неземной красоты,
Который лишь мысль геніальная смѣла
Искать, чтобъ достигнуть небесъ высоты:
Вѣдь кто въ это утро, какъ онъ восхищенный,

Черты ея видѣлъ—ужь вѣкъ ихъ хранитъ...
Хотя несравненной красавицы видъ
Являетъ лишь тѣнь настоящей Мадонны,
Но все же въ немъ свѣтитъ божественный лучъ,
Сіяетъ земной красоты совершенство,—
И съ этой-то смертной, талантомъ могучъ,
Онъ спишетъ безсмертье, вкушая блаженство.

XVII.

— «Вотъ, Стелла!.. ужь подлинно гость дорогой!
«Я къ вамъ затащилъ его съ улицы силой.
«Примите его вы съ учтивостью милой:
«Пришелъ онъ къ вамъ съ просьбой—узнайте, съ какой!»
Промолвилъ рыбакъ ей. Она поблѣднѣла,
Уста отвѣчали улыбкой нѣмой.
Явился и пекарь съ сѣдой бородой,
Поклономъ привѣтствуя гостя несмѣло;
Съ улыбкой повелъ его въ комнату онъ
И тамъ, усадивъ на почетнѣйшемъ мѣстѣ,
Спросилъ его, снова отвѣсивъ поклонъ:
Чему онъ обязанъ свиданія чести?
— «Имѣю къ вамъ просьбу»,—сказалъ Рафаэль.
— «Вы? просьбу?! Не мучьте—скажите, какую?
«Мнѣ такъ любопытно: подобная цѣль
«Вельможъ не заводитъ подъ кровлю простую.»
— «Однако, вы, римлянинъ», — гость возразилъ:—
«Вы римлянинъ истый, цѣнитель искусства,

«Такъ, вѣрно, питаете добрыя чувства
«И къ папѣ, который его расплодилъ.»
— «Вы правы!» отвѣтилъ ему Гаффарели,—
«Люблю образа я—искусства плоды,
«И разъ хоть въ свободное утро недѣли
«Дивлюсь въ Ватиканѣ на ваши труды.»
— «Такъ я вамъ извѣстенъ?»
— «Да въ Римѣ-то кто же
«Не знаетъ Урбино, любимца двора,
«Когда изъ краевъ отдаленныхъ вельможи—
«И тѣ вашъ признали талантъ не вчера?
— «Такъ слушайте!» молвилъ поклонникъ натуры,—
«Вы, можетъ быть, просьбу поймете мою.
«Пишу я людскія и Божьи фигуры,
«Въ земной красотѣ—неземную ловлю.
«О! жизнь за нее бы я отдалъ безъ слова;
«Но наша дорога терниста—не лгу:
«Повѣрите-ль? я вотъ, безъ лика земного,
«До нынѣ Мадонны создать не могу.»
—«Вы слишкомъ скромны ужь»,—съ улыбкой привѣта
Сказалъ Гаффарели, задумчивый самъ.—
«Но что же могу я отвѣтить на это?
«Вѣдь я не художникъ—совѣта не дамъ.»
— «О, вы помогите!» воскликнулъ Урбино,—
«Чрезъ васъ я достигну завѣтной мечты:
«Есть дочь у васъ—ангелъ, быть можетъ, единый,
«Способный ссудить мнѣ Мадонны черты.
«Не надобно будетъ мнѣ лика иного,

«И такъ уже долго я гнался за нимъ;—
«Позвольте, пускай образцомъ неземного
«Она передъ мольбертомъ встанетъ моимъ.
«Впущу я лучъ солнца въ свою мастерскую,
«Лицо освѣщу ей, какъ видѣлъ съ утра;
«А Стелла задумчиво въ высь голубую
«Вперитъ свои очи, румянцемъ горя.
«Когда же, пылая въ смущеньи великомъ,
«Небесъ красотой засіяетъ она—
«Лицо ея станетъ божественнымъ ликомъ,—
«А мнѣ вотъ такая модель и нужна!»
—«Нѣтъ», вымолвилъ пекарь, смущенный не мало,—
«Вы молоды слишкомъ, и вамъ бы, другъ мой,
«Подобныхъ вещей говорить не пристало,
«Какъ будто смѣясь надъ моей сѣдиной.
«Люблю образа я, но—словъ не прикрашу—
«Дитей не пожертвую, краски любя:
«Не вѣрю въ искусство и въ юность я вашу,
«И вамъ не совѣтую вѣрить въ себя!»
Артистъ было началъ упрашивать снова,
Но тотъ ужь не сдерживалъ гнѣвныхъ рѣчей:
—«Уйдите отсюда—и больше ни слова,
«Грѣшно оскорблять неимущихъ людей!»
—«Такъ васъ оскорбляютъ? такъ я непристойно
«Пришелъ надругаться надъ вашей семьей?
«О! это, повѣрьте, и васъ недостойно,
«И чуждо идеѣ, задуманной мной.
«Я знаю, что есть предразсудокъ въ отчизнѣ,

«На честныхъ натурщицъ бросающій тѣнь;
«Но вы, умудренные опытомъ жизни,
«Должны бы шагнуть черезъ эту ступень.
«Я молодъ—не спорю, но жизнь посвящая
«Искусству, блюдешь и обѣты жреца:
«Искусство, повѣрьте, какъ вѣра святая,
«Добро лишь заноситъ въ умы и сердца.
«Смягчитесь, поймите, какой небывалый
«Почетъ и на васъ, и на дочь упадетъ:
«Самъ папа, вельможи, князья, кардиналы
«И—первый на свѣтѣ—весь римскій народъ
«Придутъ помолиться на образъ въ капеллу,
«Узнаютъ въ Мадоннѣ красавицу Стеллу,
«Узнаютъ, что въ ней я нашелъ образецъ,
«Что Петръ Гаффарели ея былъ отецъ.
«Она озаритъ васъ сіянья лучами,
«Какъ храма святыня, какъ дивный кумиръ,
«И будетъ вашъ родъ прославляться вѣками,
«Пока существуетъ искусство и міръ.
«Придутъ пилигримы изъ дальней чужбины
«Взглянуть на работы, свершенныя мной,—
«А лучше ужь той не создать мнѣ картины,
«Гдѣ обликъ вселю я роскошный такой!»
— «Довольно! не сломишь ты, юноша, лестью
«Запавшую гордость въ плебейскую грудь;
«Позоръ не окупишь непрошенной честью,
«И я не пущуся въ рискованный путь.
«Далеко ты будешь съ мечтами искусства,

«Когда и бѣднякъ, и вельможа—весь Римъ
«Взведетъ на дѣвицу безчестныя чувства,
«Указывать пальцами станетъ другимъ.
«Средь хлѣбовъ возросшая дочь хлѣбопека
«Достигла почета, служа бѣднякамъ.
«Идите: мы славы не ищемъ далеко,
«И что мы имѣемъ—оставьте ужь намъ.»

XVIII.

Съ сердечною болью, что понятъ такъ мало,
Краснѣлъ Рафаэль отъ обидныхъ уликъ.
Рыбакъ, за артиста стоявшій сначала,
Ворчалъ ужь тихонько, что правъ, молъ, старикъ.
А Стелла? Кому же изъ женщинъ не мило
Считаться со славой и громкой молвой?
Она уже мыслью въ міръ новый вступила,—
А онъ былъ роскошный и свѣтлый такой!
Но Стелла сильнѣй волновалась и млѣла
При взглядѣ украдкой на гостя: вѣдь тотъ,
Кто въ этотъ міръ новый ведетъ ее смѣло,
И самъ такъ прекрасенъ, такъ душу влечетъ!
Подъ чудныя рѣчи, что льются такъ звучно,
Ему-ль беззавѣтно не вѣрить во всемъ?
Ахъ! рядомъ пройти съ нимъ всю жизнь неразлучно,
Безсмертной содѣлаться съ нимъ же потомъ,
Слить съ именемъ личнымъ—его дорогое,
Прославиться нынѣ и въ позднихъ вѣкахъ...

О! это вѣдь счастье—такое большое,
Что дерзостно грезить о немъ и въ мечтахъ!
Но разъ оно съ нею,—не даромъ, какъ хмѣлемъ,
Кружить оно мысли,—сомнѣнье долой!...
Ужели возможно сравнить съ Рафаэлемъ
Андрея, иль кто бы тамъ ни былъ другой?
Рѣшенъ ея жребій: тамъ счастье и слава,
А здѣсь, у отца—лишь одна нищета.
Уже своевольнаго римскаго нрава
На гладкомъ челѣ показалась черта,—
Шла чудная въ женской душѣ перемѣна,
Что̀ пламенемъ очи и щеки зажгла...
И Стелла, теперь, порываясь изъ плѣна,
Въ сто разъ еще краше, чѣмъ утромъ, была.

XIX.

Артистъ удалился; но зоркое око
Подмѣтило тайну дѣвичьей души,—
И вотъ онъ, счастливый, подъ сумракъ глубокій
Бродилъ, размышляя, по Риму, въ глуши
Заброшенныхъ улицъ. Повсюду, гдѣ могъ, онъ
Пріискивалъ краски: въ сіяньи луны,
Въ тѣни отъ деревьевъ, въ мерцаніи оконъ,
Въ лицѣ, воплотившемъ завѣтные сны.
И вдругъ передъ нимъ, облеченная въ тѣло,
Возстала Мадонна такой красоты,
Что кисть мастерская—и та бы несмѣло

Взялась за такія святыя черты;
Ничья бы палитра въ себѣ не вмѣстила
Ни этого блеска, ни красокъ столькихъ—
И око людское не видѣло ихъ.
Но мощна созрѣвшаго генія сила,—
И онъ созерцалъ ужь, какъ будто живой,
Начертанный образъ волшебной рукой.

До утра бродилъ онъ... Но вотъ разсвѣтало,
Заря обложила румянцемъ востокъ;
Насытилось сердце и тѣло устало:
Вернулся поспѣшно домой онъ и легъ,—
И въ радужныхъ грезахъ, опять, какъ живая,
Явилась артисту, отраду неся,
Въ обличіи Стеллы Марія Святая,
Небесной красою сіявшая вся.

XX.

На завтра, лишь вздумалъ, подъ дружнымъ напоромъ
Живыхъ впечатлѣній, художникъ писать,—
О, Боже! не греза ли это опять?
Вошла къ нему Стелла... съ пылающимъ взоромъ,
Съ такимъ выраженьемъ лица, что на немъ
Прочли бы вы разомъ призывъ къ уваженью,
Стыдливость и вмѣстѣ увѣренность въ томъ,
Что нѣтъ тутъ причины ни въ чемъ къ осужденью.

Она задыхалась; но съ первыхъ рѣчей
Былъ мужественъ голосъ дрожащій у ней.

XXI.

И молвила:—«Мастеръ! тайкомъ отъ отца я
«Пришла сюда ранняго утра порой.
«Тебѣ для Мадонны, сказалъ ты, нужна я,—
«О! мнѣ ли достойной быть чести такой!
«Но если возможно чертами моими
«Фантазіи пылкой немного помочь,
«Я съ гордымъ довольствомъ служить тебѣ ими,
Великій артистъ живописцевъ, не прочь.
«День каждый, объ эту же пору, утрами
«Присутствуетъ въ ратушѣ батюшка мой,
«И если я часъ здѣсь остануся съ вами—
«Ему услѣдить невозможно за мной.
«Я счастлива буду услугою скромной,—
«Пишите же образъ, чтобъ время не шло.»
Рѣчь быстро лилася, а голосъ былъ томный,
Лицо то блѣднѣло, то розой цвѣло;
Но мастеръ, помимо и вида такого,
Ужь вѣрилъ въ ея непорочное слово.
—«О, Стелла!» промолвилъ торжественно онъ:—
«Ко мнѣ привели тебя ангелы сами.
«Спасибо за жертву, какой я почтенъ!
«Садись же,—я мигомъ управлюсь съ кистями.
«Ты въ эту минуту божественна вся,

«А я и желалъ тебя видѣть такою!»—
Закончилъ онъ быстро—и въ небо, съ мольбою,
Вперилъ свои очи, успѣха прося.
Какъ въ вихрѣ носиться рука его стала
Теперь отъ палитры къ мазку за мазкомъ,
И съ каждымъ изъ нихъ на холстѣ оживала
Мадонна въ созданьи его мастерскомъ:
Зардѣлися щеки, глаза—какъ живые,
Казалось, что дышетъ Пречистая Мать.
А мастеръ хватаетъ все краски иныя,
Вглядится то въ Стеллу, то въ небо опять.
Какъ будто бесѣдуя съ двойственнымъ духомъ.
Учась у небесъ и у грѣшной земли.
Поэтъ ли гдѣ ловитъ гармонію ухомъ,
Художникъ ли краски наноситъ свои,—
Неужли Духъ Божій крылами своими
Не вѣетъ въ тиши заповѣдной надъ ними?
О! вѣрно, крыломъ осѣнивъ и творца
Божественной Дѣвы въ минуту такую.
Вокругъ его рѣялъ Онъ тишь гробовую.—
Лишь кисть шелестила, да бились сердца.

XXII.

Вотъ такъ-то, день каждый, являлась утрами
Къ художнику Стелла съ блѣднымъ лицомъ,—
И росъ его геній какъ будто часами,
Все больше [illegible] плѣнялъ [illegible]

Отрадно имъ было подъ крoвлей одною,
Хоть рѣдко мѣнялись рѣчами они.
Весь Римъ изумлялся съ верховнымъ главою,
Любуясь на новыя дива въ тѣ дни,
Откуда берется у Санціо сила
Съ такимъ совершенствомъ касаться небесъ?
Являлись догадки, но трудно имъ было
Дойти до причины подобныхъ чудесъ.
Ужь много списалъ онъ съ чудесной натуры
Мадоннъ несравненныхъ. Но въ каждый досугъ,
Когда не являлось знакомой фигуры,
У мастера кисть выпадала изъ рукъ,
И свѣтлое небо его идеала
Какъ будто бы туча отъ глазъ застилала;
Къ нему не слетался ужь ангеловъ хоръ,
Но мысль погружалась во тьму гробовую;
Не могъ онъ проникнуть за сферу земную,
И тайны небесъ не улавливалъ взоръ.
А чтò, какъ ненастье, иль, къ горю большòму,
Совсѣмъ не окажется въ ратушѣ дѣлъ,
И Петръ Гаффарели хлопочетъ по дому,
Такой же и Стеллѣ назначивъ удѣлъ?
Тогда омрачалось лицо Джіованни,
Въ душѣ его холодъ царилъ ледяной —
И, чуждый восторговъ заслуженной дани,
На всѣ бы картины махнулъ онъ рукой.
И люди, и все-то артисту не мило,
Хотѣлъ бы работать—работѣ не радъ,

Друзья ли заспорять—молчитъ онъ уныло,
Претитъ ему кубокъ веселый, какъ ядъ.
Ужь будто для этой души геніальной
Присутствіемъ Стеллы рѣшается все!
Такъ въ чемъ же причина истомы печальной?
Неужли и вправду онъ любитъ ее?

XXIII.

Минула, въ погонѣ за призракомъ славы,
Для Стеллы безпечность младенческихъ дней:
Ее ужь не тѣшатъ ровесницъ забавы,
И кажутся грубы ей шутки парней.
Горда она стала—не тѣмъ самомнѣньемъ,
Когда невозможенъ для мысли отчетъ,
На что мы мѣняемъ, порою съ презрѣньемъ,
Недавно намъ близкій рабочій народъ?—
На золота горсть ли, что въ мигъ расточится?
На ликъ ли цвѣтущій, что долженъ увять?
Нѣтъ,—Стелла гордилась, что въ небо стремится,
Что въ быстромъ полетѣ ее не догнать.
Плѣненная славой, нашла она смѣлость
Считать и себя сопричисленной къ ней.
Хотѣлось ей смерти и жизни хотѣлось,
Но только не жизни теперешнихъ дней.
Надъ ней восходила звѣзда роковая
И новой зари загорались лучи;
Но чѣмъ бы ей жизнь не грозила иная—

Она не умреть въ безразсвѣтной ночи.
Исчезнулъ у Стеллы румянецъ блестящій,
Отъ чудныхъ волосъ ея гребень отвыкъ,
И самъ Рафаэль ужь Мадонны скорбящей
Съ нея безотчетно набрасывалъ ликъ.
Шептался съ ней долго монахъ въ исповѣдной,
Сбѣжала улыбка съ младенческихъ губъ...
Неужли правдиво о дѣвушкѣ бѣдной
Судили сосѣди, что мастеръ ей любъ?

XXIV.

Тамъ любъ-ли... иль не любъ... какое имъ дѣло!
Какъ будто преступно любить молодымъ?
Шли дни и недѣли,—по прежнему Стелла
Дѣлилась съ артистомъ досугомъ своимъ.
Она возбуждала въ немъ духъ величавый,
Несла его краскамъ ихъ радужный тонъ,—
И чувствовалъ мастеръ, что счастію славы
Ея вдохновенью обязанъ былъ онъ.
Джіотто, Орцанья и самъ Перуджино
Той жаждали славы; но трудъ ихъ блѣднѣлъ,
Казался ничтожнымъ въ виду исполина,
Стяжавшаго высшій безсмертья удѣлъ.
Догнать Рафаэля!—не то же ли это,
Что ласточкѣ гнаться за лётомъ орла?
Создать вѣковую Мадонну для свѣта—
Ему лишь подъ силу задача была.

Когда бы, какъ прежде, дѣлился радушно
Онъ съ ними весельемъ на шумныхъ пирахъ,
Быть можетъ, они бы ему добродушно
Простили величіе, съ кубкомъ въ рукахъ;
Но нынѣ отсталъ онъ отъ тѣснаго круга,
Не любитъ ни пиршествъ, ни шумныхъ рѣчей,
Проводитъ со Стеллой минуты досуга,
Не то по недѣлямъ мечтаетъ о ней...

XXV.

Однажды, вечерней то было порою,
Встревоженно Стелла вбѣжала къ нему.
— «Спаси меня, мастеръ!... сосѣди за мною
«Слѣдили и знаютъ, хожу я къ кому!
«Андрей, хоть женихъ мой, но вѣрить упрямо
«Во всякую сплетню сосѣдокъ готовъ;
«Отецъ меня проклялъ и высказалъ прямо,
«Чтобъ я покидала родительскій кровъ.
«Отнынѣ для нихъ я считаюсь чужою,
«Я нищею стала... куда мнѣ идти?!...
«Одинъ ты остался—одинъ ты со мною!
«Отвергни же Стеллу, иль здѣсь пріюти!»
—«О, Стелла!...» воскликнулъ художникъ счастливый,—
«Какъ радъ я проклятью!... свободѣ!... тому,
«Что сбросила цѣпи помолвки ты лживой!
«Ты мнѣ принадлежишь—лишь мнѣ одному!
«О, радость моя ты! въ душѣ твоей чистой

«Искалъ я сокровищъ, искусство любя,
«Тебя обожалъ я любовью артиста...
«Теперь же люблю я... люблю я тебя!
«Люблю тебя больше, чѣмъ долженъ, чѣмъ стою, —
«Довѣрься мнѣ смѣло всегда и во всемъ,
«Дай руку... отнынѣ мы вмѣстѣ съ тобою
«Стезею позора иль славы пойдемъ!»

XXVI.

Поддался на просьбы старикъ Гаффарели
И принялъ онъ Стеллу по прежнему въ домъ.
Отнынѣ влюбленные видѣться смѣли
Уже не утрами, уже не тайкомъ.
И сплетня, и зависть свой ядъ затаенный
На нихъ изливали, какъ грязи потокъ;
Не вѣрившій въ честность, порокъ воплощенный
Ловилъ о нихъ каждый позорный намекъ.
Но кто созерцалъ Рафаэля творенья,
Тотъ несъ ему должную дань уваженья,
Не ставя красавицѣ чувства въ упрекъ.
— «Они непорочны»,—судили иные:—
«Порокъ образцы бы не создалъ такіе!»
И точно, счастливая пара жила
Такими роскошными чарами духа,
Что врядъ ли ея равнодушнаго слуха
Коснулась одна хоть хвала иль хула.
Въ любовь и искусство вполнѣ погруженный,

Лелѣя подругу, какъ счастья кумиръ,
Артистъ находилъ въ ней источникъ бездонный
Для новыхъ созданій, дивившихъ весь міръ.
А Стелла все больше лицомъ хорошѣла,
Давала все лучшій сюжетъ полотну, —
Вѣдь самъ же художникъ усвоилъ ей смѣло
Могущество мысли, души глубину.
Но развѣ возможно земной красотою
Достигнуть, вліяя на кисть иль рѣзецъ,
Чтобъ геній, влекомый лишь ею одною,
До трона искусства дошелъ, наконецъ?
Какой же, должно быть, душой обладала
И какъ Рафаэлемъ любима была
Красавица Стелла, когда идеала
Она утолять въ немъ потребность могла!
Всмотритесь въ картины, — помимо идеи,
На всѣхъ онъ съ однимъ выступаетъ лицомъ:
Тамъ дивный, чарующій ликъ Галатеи,
Тамъ Божія Матерь съ младенцемъ Христомъ;
Взгляните во храмахъ на чудныя фрески,
Дворцы обойдите и виллы вельможъ:
Фигуры отмѣчены разницей рѣзкой,
Но ликъ у любой выраженіемъ схожъ.
Да! все это Стелла — тотъ образъ завѣтный,
Что въ сердцѣ артиста царилъ молодомъ.
И въ жизни, согрѣтой любовью привѣтной,
Они неразлучно все были вдвоемъ.
Работать ли мастеру дома случалось,

Дворцы ли на мѣстѣ расписывалъ онъ,—
Она постоянно при немъ оставалась,
При ней онъ сильнѣе бывалъ вдохновленъ,
Работала мысль его глубже и шире,
Смѣлѣе подъ кистью ложился мазокъ...
Хоть сплетня невѣждъ, неизбѣжная въ мірѣ,
Рвалась къ нимъ нахально за скромный порогъ,
Но умъ просвѣщенный судилъ ихъ иначе,—
Самъ папа святѣйшій и весь его дворъ
Не ставили честный союзъ имъ въ укоръ
И чтили въ немъ тѣ же искусства задачи.
Талантъ придавалъ благородство всему:
Нельзя было свято не вѣрить ему.

XXVII.

И счастья, и славы волшебныя чары—
Кому-жъ прослѣдить ихъ за нѣсколько лѣтъ?—
Какъ мигъ, пролетѣли для любящей пары,
Оставивъ глубокій въ художникѣ слѣдъ.
Онъ слегъ понемногу — и съ нимъ угасало
Не мало великихъ нетронутыхъ силъ.
Ту кисть, для которой его ужъ не стало,
Артистъ живописцу Романо вручилъ.
Тотъ принялъ подарокъ, ликуя, какъ дѣти,
Но тотчасъ его раздробилъ онъ въ куски,
Какъ только улегся единственный въ свѣтѣ
Царь кисти подъ сѣнью гробовой доски.

Надъ славной могилой, едва лишь зарытой,
Слетѣлася вороновъ стая опять,
Шипящая гидра молвы ядовитой
Возстала, чтобъ Стеллу на вѣкъ запятнать.
Но поздній потомокъ, прозорливѣй цѣля,
Нанесъ пораженье ехиднымъ змѣямъ,—
Онъ молвилъ о Стеллѣ грядущимъ вѣкамъ:
Она вдохновеньемъ была Рафаэля.

КУСОКЪ ХЛѢБА

КУСОКЪ ХЛѢБА.

Поэма изъ наднѣманскихъ полей.

Къ читателю.

Вотъ, опять съ поэмой свѣжей
Появляюсь я на свѣтъ!
Не допытывайтесь, гдѣ же
Былъ такъ долго вашъ поэтъ?
Охъ, извѣдалъ же я муки!
Нынѣ боль груди чужда:
Я встрѣчаю васъ съ разлуки
Хлѣбомъ-солью, какъ всегда.
Отъ души его примите,
Поотвѣдайте путемъ—
И, пожалуйста, простите,
Если горечь будетъ въ немъ!
Надъ трудомъ моимъ не мало
Я прочувствовалъ всего:

Пара слезъ на хлѣбъ упала
    И испортила его.
Назначалъ я даръ мой скромный
    Въ руки сверстниковъ моихъ,
И сбиралъ въ дали укромной
    Лишь цвѣты полей родныхъ.
Думалъ: «Слушателямъ это
    Я вручу по старинѣ!»
Но волчецъ, попавшій гдѣ-то,
    Окровавилъ руки мнѣ...
Потому и плохи вышли
    Въ этой пѣснѣ ритмъ и стихъ
Но калѣкѣ, ради мысли,
    Не пеняйте вы за нихъ.
А покуда лучшей темы
    Не найду я, въ добрый часъ—
Выбирайте изъ поэмы
    Чтò полезнѣе для васъ.

I.

Дивился я не разъ, въ минуты размышленья,
Какъ могутъ господа любимцы вдохновенья,
Съ могучимъ голосомъ и бодрые умомъ,
На бѣдность плакаться живого содержанья:

Что не о чемъ имъ пѣть въ краю своемъ родномъ,
Что имъ не достаетъ ядра повѣствованья.
О, братья милые, ровесники мои!
За что-жъ на родину вы взводите невзгоду?
Да развѣ вы всю глубь извѣдали души?
Да развѣ вы ужъ всю исчерпали природу?
О! если вашихъ лиръ натянутымъ струнамъ
Шумящихъ зарослей прискучилися звуки;
Когда вы воспѣвать не можете безъ скуки
Родныхъ своихъ небесъ и, въ тонъ роднымъ жнецамъ,
Не въ силахъ повторять родимые мотивы—
Ни клики радости, ни стоны нашей нивы;
Ужъ если вамъ ясна наука до конца,
Какъ бьются у людей несчастныя сердца,—
Такъ вы возьмите-ка, съ любовью и толково,
Подъ микроскопомъ все пересмотрите снова.
Кладите подъ него что вздумается вамъ:
Головку мотылька иль сердце человѣка,
Слезу, что вытекла невольно изъ-подъ вѣка,
Не то простой цвѣтокъ, растущій по полямъ,—
И дайте намъ понять, съ волшебной силой сказки,
И сердце, и слезу, и ихъ живыя краски—
Движенье атома любого подъ стекломъ.
И пѣсня сложится у васъ сама собою,
И люди добрые сбѣгутся къ вамъ толпою,
Чтобъ къ ней прислушаться, вздохнуть надъ ней тайкомъ;
Когда же слушатель почувствуетъ все это—
О, вотъ, въ то время-то и жатва для поэта!

II.

Безъ стеколъ, но съ простой и любящей душой
Смотрю, за ужиномъ, на хлѣбъ я скудный мой:
Быть можетъ, изъ него и повѣсти начало,
И пѣсню дивную могли бы мы извлечь.
Ничтожная кроха! когда-бъ тебѣ да рѣчь—
Ты много бы вещей печальныхъ разсказала:
О долѣ собственной, о нивушкѣ родной,
О сѣяньи твоемъ, цвѣтеніи и ростѣ,
Какъ пахарь трудится при жатвѣ надъ тобой?
Какія птицы тамъ къ тебѣ летали въ гости?
Какъ на твоемъ зернѣ отозвались лучи
Тепла и солнышка, роса и непогоды?
Убійственный ли градъ, иль туча саранчи
Спадали на тебя съ небесъ во дни невзгоды?
Каковъ обиліемъ пиръ жатвы былъ твоей?
Вполнѣ ли господинъ порадовался ей?
За сколько мѣръ зерна и много ли уплаты
Съ заѣхавшаго въ глушь купца онъ получилъ?
Пошла-ль она въ семьѣ на мирныя затраты,
Иль роскоши ее избытокъ поглотилъ?
И какъ тебѣ потомъ поденщика рукою
Былъ приданъ, наконецъ, теперешній твой видъ...
О, хлѣбъ ты мой ржаной! недаромъ же съ мольбою
Весь міръ твой ранній всходъ на нивахъ сторожитъ:
Какъ тѣсно навсегда сплелся съ твоей судьбою
И пышнаго дворца, и хижинъ жалкихъ бытъ!

III.

Святое слово—хлѣбъ, и на землѣ, и въ небѣ:
Богъ дѣлится съ людьми самимъ собою въ хлѣбѣ,
Предъ Хлѣбомъ Живота и ангелы дрожатъ,
Смиренными его пріемлемъ мы устами;
Въ немъ данъ тебѣ завѣтъ спасенья, грѣшный братъ,
Залогъ онъ твоего союза съ небесами.
А тамъ, гдѣ ангела на землю Богъ пошлетъ,
Чтобъ къ свѣту пріобщить младенческій народъ,—
Тамъ сѣютъ тотчасъ хлѣбъ, и дѣвственные всходы
Питаютъ пасынка суроваго природы.
Облагороженный питаніемъ дикарь
Сплотится, какъ и мы, въ общественныя звѣнья
И жертвы понесетъ на общій нашъ алтарь,
Съ лицомъ, отмѣченнымъ печатью искупленья.
Да! варварамъ дала любви людской завѣтъ
Ничтожная кроха, питающая свѣтъ.

IV.

О, даръ божественный небесъ—воображенье!
Какъ тѣло кормитъ хлѣбъ, такъ духъ питаешь ты,
И въ малой той крохѣ земного насажденья
Всю будущность ея, при помощи мечты,
Могу я прослѣдить предъ праздною толпою,
Угадывая все то мыслью, то душою.

V.

О, хлѣбъ! по запаху и вкусу твоему,
Надъ Нѣманомъ роднымъ поляну боровую
И съ ней часовню я въ умѣ себѣ рисую;
Мнѣ даже слышится и звонъ ея, къ тому.
Знакомый это звукъ: онъ пó лѣсу, бывало,
Какъ бѣлка, прыгаетъ межъ соснами сначала,
Мелькнетъ потомъ съ горы, какъ молнія, къ другой,
Не то зальетъ весь лугъ, какъ половодь весной.
Охъ, помню, помню я, какое впечатлѣнье
Въ душѣ производилъ, бывало, ранній звонъ,
Когда, въ концѣ работъ, ко дню Преображенья,
Изъ близкихъ селъ народъ сзывалъ молиться онъ!
Спѣшилъ въ часовню людъ трудящійся, суровый,
Святить свои плоды—колосья жатвы новой.
И тамъ, сложивъ снопы смиренно на алтарь,
При первомъ возгласѣ молитвы обыденной,
Взволнованный народъ, колѣнопреклоненный,
Впередъ ужъ вѣровалъ, что ею освященный
Посѣвъ произраститъ въ обиліи, какъ встарь.

Молотятъ хлѣбъ такой грядущему на долю:
Священное зерно хозяинъ въ горсть беретъ
И сыплетъ въ борозды по вспаханному полю,
И говоритъ въ душѣ: „Когда Господь пошлетъ—
Какъ море, зашумитъ созрѣвшій хлѣбъ надъ ними;

Привелъ бы Богъ дожить до лѣта впереди,
Тогда-то отъ него богатой жатвы жди!“
Священное зерно мѣшая съ остальными,
Имъ поле засѣвалъ хозяйское мужикъ,
Привыкшій нивы тѣ давно считать своими,
Какъ пòтомъ поливать ихъ собственнымъ привыкъ,—
И тѣмъ сердечнѣе молился онъ открыто:
„Пускай поднимется пышнѣе наше жито!“
А вѣтеръ утренній заботливо унесъ
Молитву пахаря высоко такъ... высоко...
Богъ къ нивамъ обратилъ недремлющее око,
И пышно проросла засѣянная рожь
Густыми всходами,—какъ будто кто рукою
Все поле пріодѣлъ зеленой пеленою.

VI.

—„За то, что поощрилъ ты трудъ мой явно такъ,
Благодарю тебя, Господь, въ смиреньи духа!
Пусть хлѣбныхъ травъ моихъ не портятъ ни червякъ,
Ни градъ, ни воды рѣкъ, ни вѣтеръ, ни засуха!“
Такъ, утромъ, обходя владѣнія свои,
Лагода—дворянинъ и съемщикъ той земли,
Колѣнопреклонясь и обращая очи
Къ далекимъ небесамъ, благодарилъ Творца;
Потомъ онъ тихо всталъ, взялъ посохъ свой рабочій,
Накрылся шляпою—и съ бодростью лица
Пошелъ окраиной, немолчно восхваляя

Подателя плодовъ земныхъ и урожая.
За скромной трапезой, въ кругу своей семьи,
Старикъ, на радости, хватилъ немного меду,
Припомнилъ старину, старинную невзгоду,
Смѣялся весело, дурачился съ дѣтьми
И цѣлый вечеръ былъ шутливъ, не умолкая,—
Такъ тѣшила его надежда урожая.

VII.

Охъ! между временемъ, какъ сѣетъ человѣкъ,
И жатвы праздникомъ проходитъ годъ томленья.
Убогій откупщикъ убогаго имѣнья!
Минулъ уже для васъ тотъ прадѣдовскій вѣкъ,
Когда вы, на полѣ встрѣчая неудачу,
Рѣшали иначе житейскую задачу:
То саблей дѣйствуя съ магнатомъ за одно,
То пробуя его бездонное вино.
Ужъ слишкомъ бойко ты, веселая дружина,
Рубилась въ старину и пробовала вина:
Теперь для бѣдняковъ осталась муть одна,
Не пахнетъ желчь ея, какъ прежде, виноградомъ,—
И горе тѣмъ изъ васъ, кто свой оброкъ сполна
Не внесъ, постигнутый засухой или градомъ!
Всего не перечтешь, за что платить оброкъ:
За нивы, за луга, за воду изъ болота,
За кровъ надъ головой, за солнечный припекъ;
За воздухъ, если имъ дышать тебѣ охота;

За полевой цвѣтокъ, обрызганный росой,
Откуда пчелы медъ приносятъ золотой;
За передачу правъ арендную крестьянамъ...
Такой на все расходъ, что платятся съ изъяномъ
Помѣщику рубли.

Теперь они въ цѣнѣ:
Трудися и молись, работникъ, въ тишинѣ!
Пускай тебя спасутъ отъ бѣдности позорной—
Рукой твоей въ землѣ посѣянныя зерна.

VIII.

Господь хранитъ ихъ тамъ: вѣдь Онъ—не кто иной—
Все поле пріодѣлъ зеленой пеленой.
И вотъ пришла зима,—и свѣжій отпрыскъ жита,
Свой крѣпкій стебелекъ питая съ каждымъ днемъ,
Лежитъ и нѣжится, какъ въ люлькѣ, сладкимъ сномъ
Подъ снѣжнымъ пологомъ, морозами повитый;
А въ травкѣ дремлетъ той, до лучшихъ вешнихъ дней,
И пища, и покой для тысячи людей.

IX.

Самъ Богъ заботится о счастіи народа;
Мы стадомъ пажити являемся его.
Однако, сбереги для сердца своего,
На всякій случай злой, ты мужество, Лагода!

Хоть хлѣбъ твой и повитъ молитвой и трудомъ,
Но, Богъ вѣсть, кто еще пожнетъ его потомъ.
Богатый собственникъ сосѣдняго имѣнья,
Быть можетъ, ужь давно завидуетъ тебѣ;
Замѣтивъ, какъ цвѣтутъ кругомъ твои владѣнья,
Какая у крестьянъ зажиточность въ избѣ,
Онъ, можетъ, велъ ужь рѣчь съ твоимъ вельможнымъ паномъ
И далъ ему за нихъ задатокъ чистоганомъ.
Не трудно подкупить холопствующихъ слугъ,
Не трудно угодить спѣсивому магнату,
И твой сосѣдъ еще придетъ къ тебѣ, какъ другъ,
И рѣчи поведетъ сердечныя, какъ къ брату;
Но чуть лишь до твоей руки коснулся онъ,
Въ умѣ его тогда твой жребій ужь рѣшенъ!
И не спохватится довѣрчивый Лагода,
Когда ему врасплохъ подставится нога.
Вѣдь тѣмъ-то и умна ехидная порода,
Что когти мастерски скрываетъ отъ врага.
Да, горе простякамъ!

X.

Тѣмъ временемъ, надъ нивой
Рѣзвится буйный вихрь со снѣгомъ прихотливо—
И спитъ себѣ въ землѣ, подъ пологомъ зимы,
Ржаная травушка, забытая людьми.
Морозъ ей ни-почемъ, и въ твердой колыбели
Ее не проберетъ губительная дрожь:

Съ славянскимъ холодомъ спознавшаяся рожь
Лишь крѣпнетъ отъ него пригоднѣе для цѣли.
А солнце выше все восходитъ надъ селомъ,
И каждый лучъ его обилуетъ тепломъ.
Хоть вихорь и морозъ свирѣпствуютъ замѣтно,
Но съ каждымъ яснымъ днемъ темнѣютъ все снѣга;
А вѣтромъ мартовскимъ согрѣтые привѣтно,
Растаяли совсѣмъ долины и луга.
Ужь тысячи ручьевъ змѣятся прихотливо,
Прорвавшійся потокъ сливается съ другимъ;
Освобожденные, летятъ они бурливо,
И слышенъ бодрый шумъ весенняго разлива
Въ надбрежныхъ заросляхъ оттаявшихъ равнинъ.
Какъ молотомъ какимъ чудовищнымъ, лучами
Повсюду солнышко разламываетъ ледъ;
Покинувъ тѣсный гробъ, безумными прыжками
Крутится въ быстринахъ волна свободныхъ водъ;
Ужь видны рыбаки по Нѣману съ челнами,
И смѣлый кормчій въ путь направился съ плотами;
А изъ-подъ влагою упитанной земли
Клубами паръ идетъ надъ вспаханною нивой,
Весенній вѣтерокъ скользитъ по ней игриво,
И пахарь радостно, исполненный любви,
Выходитъ съ думою весеннею о хлѣбѣ
Послушать на зарѣ пѣснь жаворонка въ небѣ.
Привѣтствуя прилетъ желаннаго пѣвца
И радуясь веснѣ, безъ мѣры, безъ конца —

Подъ звуки пѣсни той, молитвою объятый,
Уносится онъ въ высь мечтой своей крылатой.

XI.

Лагода, какъ старикъ, прожившій много лѣтъ,
Ужь могъ бы, кажется, весной налюбоваться,—
А каждой, между тѣмъ, онъ шлетъ живой привѣтъ
И каждою готовъ, какъ дѣти, восторгаться:
Ему не утерпѣть, чтобъ не принесть домой
Изъ вербы первую свистульку той порой,
Чтобъ всѣмъ не предсказать желаннаго прилета
Весеннихъ сельскихъ птицъ,—вездѣ ему забота.
Никто не могъ вѣрнѣй припомнить, чѣмъ старикъ,
О каждомъ праздникѣ, будь малъ онъ иль великъ:
Святить ли надо хлѣбъ, иль вербу, или воду—
Спросите обо всемъ почтеннаго Лагоду.
Когда его друзья—старинные часы,
Стучавшіе въ избѣ у самаго порога,
Полночный часъ ему на Пасху били строго,
Вставалъ молиться онъ съ лицомъ свѣтлѣй росы;
А въ тишинѣ утра, когда уже свѣтало,
Пока еще семья спала глубокимъ сномъ,—
Дрожащимъ голосомъ, что силы было въ немъ,
Затягивалъ онъ пѣснь пасхальную, бывало.
И былъ счастливѣйшимъ Лагода изъ людей,
Коль ею онъ будилъ домашнихъ и дѣтей,
Коль видѣлъ лица ихъ съ веселымъ выраженьемъ

И слышалъ, какъ они, за скромнымъ угощеньемъ,
Отъ простоты души несли ему привѣтъ:
„Дай Боже въ радости дождаться и напредъ!“

Такъ шелъ за годомъ годъ для стараго Лагоды,
Благопріятствуя дѣламъ его и впрямъ,—
И жилъ онъ въ радости, невѣдомой людямъ,
Стремящимся идти наперекоръ природы—
Въ той мирной радости незлобивой души,
Что травкѣ и цвѣтку сочувствуетъ въ тиши,
Что придаетъ уму возвышенность простую,
А старому лицу—улыбку молодую.
Такимъ сокровищемъ не каждый надѣленъ,
Кому невѣдомъ трудъ и долгій, и усильный;
Его нельзя стяжать молитвою обильной,—
Оно дается тѣмъ, кто честностью силенъ,
Когда твоя душа, на годы не взирая,
Невинность бережетъ, какъ дѣвушка иная.
Вѣдь кто свернулъ хоть разъ съ открытаго пути,
Чьей совѣсти хоть разъ нарушена свобода,
Тому въ больной душѣ тотъ миръ ужъ не найти,
Какимъ владѣлъ простой, дряхлѣющій Лагода.

XII.

Въ Литвѣ обычай есть у шляхты и крестьянъ
Идти на Юрьевъ день кружкомъ семейнымъ въ поле:
Дѣтьми и челядью сопутствуемый панъ

Помолится сперва о лучшей хлѣбной долѣ,
Посмотритъ на поля, дадутъ ли урожай,
Потомъ сберутся къ нимъ сосѣди съ ихъ семьями,
Покурятъ трубочки, подвыпьютъ черезъ край,
Опять помолятся—и съ добрыми мыслями
Идутъ, не торопясь, веселые домой,
То съ громкимъ говоромъ, то съ пѣснью полевой.
—„Смотри, Матвѣй, смотри! никакъ вѣдь наши это:
И старый панъ съ женой, и дѣточки бѣгутъ;
Вонъ, молятся,—и впрямъ, мнѣ помнится, что тутъ
Засѣвъ святымъ зерномъ по осени былъ гдѣ-то.
Ужь тамъ и борозда!—Подбросилъ горсть и я:
Видать издалека, что новая распашка;
И, значитъ, что Творца прогнѣвали мы тяжко,
Коль хлѣбъ на той землѣ не выростетъ съ тебя!"
Такую рѣчь Семенъ къ сосѣду велъ съ-устатку,
И налилъ чарку вновь—ужь третью по порядку:
„Ну, будь здоровъ, Матвѣй! Пускай идетъ къ чертямъ,
Пусть самъ провалится, кто яму роетъ намъ!„
—„На здравье, кумъ! сказалъ Матвѣй въ отвѣтъ на это,
Взявъ бережно изъ рукъ пріятеля сосудъ.
„За здравіе господъ! Дай Богъ имъ многи лѣта!
Не даромъ старика Лагодою *) зовутъ:
Смиренная душа—ужь это вѣрно, милый,
И словомъ онъ тебя боится уколоть;
Другой готовъ тянуть изъ человѣка жилы,—

*) Непереводимая игра словъ: *lagodny* значитъ по-польски *мирный*.
Прим. переводч.

Послушать, такъ и то не приведи Господь!
У насъ... хозяинъ нашъ... подумать только надо:
Считаетъ за людей, за братьевъ насъ своихъ,
Въ обиду не́ даетъ чужимъ, какъ у другихъ...
Пошли ему Господь сторицею награду!
Да радуетъ его подросточковъ судьба!
Пускай поднимутся, какъ лѣсъ, его хлѣба!"
—„Эхъ, жалко вотъ одно—ростутъ-то у дороги:
Не изурочилъ-бы завистливый ихъ глазъ.
Сосѣдъ-то, слышалъ я, ужь больно сталъ на насъ
Глазами зариться—не вышло бы тревоги.
Владѣльца обойдетъ—поддѣпитъ онъ и насъ:
Отъ птицы, кумъ, всегда пометъ бываетъ птичій;
А въ замкѣ всѣ ему мирволятъ посейчасъ—
И шельма-экономъ, и слуги, и лѣсничій.
Онъ денежки на столъ—аль дрогнетъ ихъ рука?
Чего же имъ не брать, когда даютъ дороже?
А для помѣщика... бѣда не велика,
Что мы съ тобой въ одной останемся рогожѣ;
Забора или нашъ, какъ говорится, панъ—
Не все-ль ему равно, лишь не былъ бы изъянъ.
Кто больше денегъ дастъ—того и будетъ нива."
—„Спаси насъ Господи!" вскричалъ Матвѣй пугливо.
„Семенъ, Семенъ! Смотри, не очень-то болтай:
Еще подслушаетъ лукавый невзначай;
А Богъ насъ уберегъ до сей поры отъ ссоры,
Отъ голода, огня и жадности Заборы!
Не слышишь нешто ты, какъ челядь-то его,

Голодная всегда, одѣтая въ лоскутья,
Когда мы въ ихъ корчму заходимъ съ перепутья,
Проклятьями валитъ, какъ градомъ, на него?
Пиши—пропали мы и наши всѣ достатки,
Коль въ руки заберетъ насъ этотъ человѣкъ.
Послушай, милый кумъ, налей-ка ужь остатки,
Да чокнемся, чтобъ жилъ хозяинъ съ нами вѣкъ!"
Такъ двое мужиковъ, за чаркою хмѣльною,
На самый Юрьевъ день болтали межъ собою.

XIII.

А жито все ростетъ, какъ не запомнитъ людъ,
Завидный урожай—священныхъ зеренъ дѣло!
Подъ Троицу, когда хлѣба уже цвѣтутъ,
Все поле, наконецъ, замѣтно пожелтѣло,
Задвигалася рожь, съ отливомъ, какъ волна,
Отъ хлѣба пыль, какъ дымъ, проносится надъ нивой,
И въ сердце пахаря закралась не одна
Надежда на исходъ заманчиво-счастливый.
Апрѣль стоялъ хорошъ, и май богатъ дождемъ,
А ты, Лагода, сталъ неузнаваемъ нами!
Какими-жъ на тебя зловѣщими мыслями
Повѣяла весна? Тоскуешь ты о чемъ?
Зачѣмъ твой грустный взглядъ вокругъ блуждаетъ вяло?
Куда улыбка устъ веселая пропала?
Съ чего ты нынѣ сталъ затворникомъ порой?

Бывало, ты, свершивъ прогулку полевую,
Домашнимъ несъ то грибъ, то ягоду лѣсную,—
Зачѣмъ же ты теперь безъ нихъ идешь домой?
Гдѣ ласка прежняя съ шутливостью живою,
Когда ты говоришь съ дѣтьми или женою?
Не тѣшатъ ужъ тебя ни урожай полей,
Ни подростающихъ дѣтей твоихъ забавы,
Ни пѣсня дружная трудящихся людей,
Ни пестрая толпа у городской заставы,—
Не мило все тебѣ, весь свѣтъ тебѣ постылъ,
Сѣдая голова задумалась о многомъ...
О, кто живой души въ себѣ не заглушилъ,
Кто прожилъ цѣлый вѣкъ съ природою и Богомъ,
Тотъ замысловъ людскихъ всегда провидитъ суть,
Того предчувствіямъ уже не обмануть!
Такъ точно и старикъ Лагода, хоть не въ пору,
Душевно разгадалъ предателя Забору.
И какъ потомъ ни гналъ, въ невинной простотѣ,
Изъ сердца онъ, какъ грѣхъ, тревогу подозрѣнья,—
Все глубже проникалъ въ то сердце червь сомнѣнья,
Все чаще злая мысль являлась въ наготѣ:
—„Смотри, утратишь ты надежды дорогія!
Смотри, всей жизни трудъ задаромъ пропадетъ!...
Сегодня у тебя набиты кладовыя,
Кой-что лежитъ въ мошнѣ—чела кровавый потъ;
Но кто же вѣдаетъ грядущую судьбину?
Гдѣ ждетъ тебя пріютъ на старости, чудакъ?
Забора что-то зло посматриваетъ такъ,

Ужь очень сталъ ласкать господскую дружину!»
О, если выгонять и впрямь съ земли чужой—
Придется доживать и съ горемъ, и съ нуждой!
Куда пойдетъ старикъ за новыми трудами?
Не жадность гонитъ сонъ теперь съ его одра,
Не жаль ему избы, не жаль ему добра,
Хоть къ нимъ и приросла душа его съ годами;
Не жаль ему и жатвъ воздѣланныхъ полей,—
Иная мысль гнететъ его воображенье:
Семья, вонъ, подросла—а гдѣ же доля ей?
Состарѣлся и онъ—а гдѣ-жь успокоенье?
Пошелъ бы съ топоромъ, пошелъ бы за сохой,
Да нуженъ навыкъ къ нимъ,—а если нѣтъ такого?
Тому ужь не мечтать, что жить начнетъ онъ снова,
Надъ кѣмъ виситъ ярмо покрышки гробовой.

XIV.

Въ дни лучшіе мои—въ дни юности счастливой—
Я тоже заправлялъ надне̇манскою нивой.
Я знаю, какъ идутъ на жатву тамъ гурьбой,
Я знаю тамъ людей, ихъ общество, ихъ хату,
По вкусу отличу ихъ воду отъ чужой,
Могу я ихъ луга узнать по аромату,
Напѣвъ не нашихъ птицъ меня не проведетъ:
Я знаю, какъ изъ нихъ любая тамъ поетъ;
По шуму различитъ мой слухъ листву родную,

И вѣтеръ тамошній я легкими почую,
Затѣмъ, что къ той странѣ моя пылаетъ грудь
Любовью дѣвушки—не страстію случайной:
Она меня влечетъ плѣнительною тайной,
Ее чужимъ ушамъ не выдамъ я отнюдь.
Вѣдь было бы смѣшно вымаливать участье
У боровой сосны, у сорныхъ травъ песковъ,
Или разсчитывать на радости и счастье
Среди пустынныхъ скалъ, подъ дикій вой вѣтровъ.
Но та любовь къ странѣ, тотъ миръ затишья сладкій
Сроднили братски такъ съ природою мой духъ,
Что для меня ничто тамъ не было загадкой,
И самая трава росла, казалось, вслухъ.
Закрывъ рукой глаза, и нынѣ, черезъ годы,
Когда я мысленно въ ту сторону гляжу,
Во-очію могу представить я Лагоду,
Какъ онъ спѣшитъ пройти знакомую межу.
И мысленно, но въ-явь, какъ прежними годами,
Я слышу на лугу равнины, надъ рѣкой,
Какъ весело звенятъ работники косами
И какъ трещитъ въ травѣ кузнечикъ полевой,
Какъ спѣлый хлѣбъ шумитъ, гдѣ гуще рожь мѣстами,
И какъ онъ захруститъ у жницъ подъ ихъ серпами;
Какъ жены сельскія и дѣвушки толпой
Кричатъ, хихикаютъ и тянутъ среди нивы
Тѣ пѣсни грустныя, тѣ старые мотивы,
Что̀ съ доброй сотней лѣтъ знакомы не одной
И перешли изъ устъ прабабки престарѣлой

Въ уста красавицы румяной и дебелой:
То пѣсни про Дунай, про горе въ тишинѣ,
Про удаль казака, что̀ гибнетъ на войнѣ.
Когда-жь порою въ грудь растроганной пѣвицы
Надежда сладкая невольно западетъ,
Она о суженомъ задумчиво поетъ,
И смѣхомъ вторятъ ей подруженьки-дѣвицы.
Увлекшись пѣснею, пѣвица не рѣшитъ,
Смѣяться-ль ей; иль нѣтъ, иль сдѣлать гнѣвный видъ.
Я вижу, солнышко садится за лѣсами—
И бодрымъ холодкомъ повѣяло съ рѣки,
Пронзительно скрипятъ телѣги со снопами,
Мычатъ вдали луговъ коровы и быки;
А тамъ вонъ, на полѣ, торопятся, потѣя,
Дѣвицы полосу хозяйскую дожать, —
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Семенъ предсказывалъ Матвѣю,
Что будетъ урожай—прямая благодать.
Не даромъ освятилъ священникъ эти зерна!
Не даромъ, сѣятель, молился ты упорно!
Мольба услышана, оправданъ трудъ сполна:
Колосья стелются подъ тяжестью зерна.
Дожните-жъ полосу веселою толпою,
Дѣвицы красныя, подъ говоръ межъ собою!
Вѣнокъ изъ лучшей ржи сплетите вы потомъ,
Съ калиной-ягодой и синимъ василькомъ,
Чтобъ онъ собой глаза хозяина потѣшилъ:
До жатвы дожилъ здравъ, такъ пусть же будетъ веселъ!

XV.

Невеселъ, нездоровъ Лагода что-то сталъ —
Какъ будто и не радъ попраздновать съ толпою.
Бывало, онъ вѣнокъ обычный принималъ,
Сіяя радостью предъ жницей молодою;
Теперь не то совсѣмъ: дивится сельскій людъ,
О чемъ старикъ грустить, съ чего онъ сталъ такъ худъ,
И спрашиваютъ всѣ съ тревогой другъ у друга:
Кто въ сердце скорбь ему вселить такую могъ?
Вѣдь нынѣ принялъ онъ такъ холодно вѣнокъ,
Съ такой безжизненной улыбкою недуга;
Когда же стали пѣть: живи, молъ, безъ обидъ—
Старикъ заплакалъ вдругъ... да какъ еще—навзрыдъ!
Крестьяне иногда въ слезахъ его видали,
Но все же поняли и эти простяки,
Что разнится слеза горячая печали
Отъ той, что съ радости струится вдоль щеки,
Играя на лицѣ взволнованномъ при этомъ
Какимъ-то неземнымъ, какимъ-то чуднымъ свѣтомъ.
Во время праздника дожинокъ иногда
Случалось, что найдетъ на старца умиленье;
Но нынѣ горькихъ слезъ темнò происхожденье—
Хотя бы угадать, въ чемъ дѣло, въ чемъ бѣда?
Зловѣщее лицо Лагоды созерцая,
Свидѣтельница думъ вседневныхъ старика,
Не смѣя ни о чемъ спросить его пока,

Печальна и она—семья его родная.
Не зная, чѣмъ прогнать съ ихъ лицъ унылыхъ мглу,
Несмѣло жмется людъ къ господскому столу.
Но вдругъ опомнился старикъ отъ нелюдимства,—
Вѣдь гости у него—и просіялъ, какъ день:
Священный на Литвѣ законъ гостепріимства
Прогналъ съ его чела непрошенную тѣнь.
Накрыли длинный столъ; на скатерти съ узоромъ,
Наставили плодовъ и всякаго добра;
Костеръ смолистыхъ дровъ зажгли среди двора,
И скрипка сельская пилить пошла съ задоромъ.
Усердствуетъ скрипачъ, отеръ рукою потъ,
Подстроилъ инструментъ, приладился щекою—
И скрипка вновь пилитъ. Душа веселья—медъ
Гуляетъ по рукамъ, а шумъ растетъ горою:
Молодка робкая и парень посмирнѣй,
И дѣвушки, что шагъ, становятся смѣлѣй.
Подходитъ гость любой—и старъ, и младъ—къ Лагодѣ,
И съ каждымъ онъ, смѣясь, толкуетъ на свободѣ.
Крестьяне у него—какъ будто сыновья,
А старцы сельскіе родни ему милѣе.
Онъ проситъ: „пейте-ка, да кушайте, друзья“,—
И пиръ идетъ горой—чѣмъ дальше, тѣмъ шумнѣе:
То пѣсней въ воздухѣ онъ дремлющемъ гудитъ,
То пляской носится во мракѣ ночи лѣтней.
Но какъ ни шуменъ пиръ, и онъ не заглушитъ
Крестьянскій разговоръ, идущій все привѣтнѣй:
—Отецъ ты нашъ родной! Дай, Боже, долги дни!

Пусть дѣточки тебя порадують съ годами,
Пускай на сей землѣ останутся они
Господствовать, какъ ты, надъ нашими сынами!“

XVI.

—„Ой, плохо, кумъ Семенъ! сосѣдушки, бѣда!
Молите Господа, чтобъ сжалился надъ нами:
Вчера кормилъ насъ панъ— попраздновали, да!
А нынѣ хлопоты съ прiѣзжими гостями.
Помѣщикъ, бають, нашъ, какъ за-море катилъ,
Такой махнулъ приказъ, на наше, видно, горе:
Лагоду, молъ, прогнать—плохой хозяинъ былъ,
А землю отвести въ аренду, слышь, Заборѣ.“
Такъ, трубочки куря, крестьяне межъ собой
Галдѣли, идучи хозяйскою межой.
—„Прогнать? Лагоду-то? Поди ты съ пустяками!“
Откликнулся другой.—„Да какъ же? Да за что?“
—„Къ чему-жъ у писарей и голова съ мозгами?
Придирку-то найдутъ—вѣдь платятъ имъ за то.
Поддайся-ка ты имъ—распишутъ такъ, навѣрно,
Что ты, братъ, не найдешь и кровнаго угла.
Я слышалъ, что за то, что крыша протекла,
Съ хозяина сдерутъ до тысячи, примѣрно.
Старикъ... вѣстимо ужь... изъ кожи лѣзъ для всѣхъ,
Онъ вѣрилъ всякому, не ѣлъ съ нимъ пуда соли,
Такъ вотъ и подвели... не видите вы, что ли?..
Теперь и оберутъ до нитки, какъ на смѣхъ...

И намъ не сдобровать—ужь это такъ, безъ фальши:
У злого ястреба такой же злой и глазъ;
Помѣщикъ далеко, а Богъ еще подальше,—
Не очень-то теперь подумають о насъ.
Съ своимъ-то старикомъ намъ горя было мало,
А Богъ вѣсть тамъ еще, какъ дальше-то пойдетъ—
Таковъ ли будетъ нашъ избытокъ и впередъ?
Старуха на-двое — ой, на-двое сказала!
Бывало такъ, что міръ заробитъ кое-что,
Какъ наши лѣсъ сплавлять наймутся бурлаками;
А при Заборѣ… нѣтъ, шалишь! уже не то:
Погонитъ онъ ихъ плыть съ хозяйскими плотами.
Да… да… сосѣдушки!..“
                    Кивнули головой
Крестьяне-старики, потупились уныло,
И замолчалъ Семенъ, какъ будто самъ не свой,
Да такъ задумался—и трубка-то остыла.
Онъ высѣкъ вновь огня, курнулъ ужь за одно
И дальше продолжалъ:
                    — «Плохи у насъ послѣдки!
Къ Лагодѣ старому привыкли всѣ давно;
А мы-то, братцы, съ нимъ — выходитъ—однолѣтки:
Коль вѣку Богъ продлитъ до нынѣшней зимы—
Въ Семеновъ день шестой десятокъ кончимъ мы.
Кажись, ужь тридцать лѣтъ, какъ Господа мы просимъ
О здравіи его, — не больше-ли, друзья?
Вѣдь церковь здѣшнюю святили, помню я,
Тому назадъ годовъ—не меньше—тридцать восемь

Хорошій господинъ—не то, что этотъ звѣрь!»
Взгрустнули старики и разошлися скоро.
У каждаго въ устахъ Лагода былъ теперь,
У каждаго въ душѣ, какъ ножъ, сидѣлъ Забора.

XVII.

Мартынъ былъ правъ вполнѣ, сосѣдямъ говоря,
Что возится ихъ панъ съ пріѣзжими гостями:
Явился экономъ; теперь среди двора
Объ этомъ толки шли тревожно межъ слугами.
Пріѣзжій—ласковый, какъ выхоленный котъ,—
Съ улыбкой на устахъ, какъ будто ангелъ съ неба,
Подробный сталъ сводить имѣнію разсчетъ.
Лагода, цѣлый вѣкъ ходившій возлѣ хлѣба,
Не зналъ пословицы: «не дашь, такъ не возьмешь»,
Не понялъ-бы и словъ: «ты совѣсть продаешь».
Оно и хорошо! У пана эконома
Толпа съ собой писцовъ, такъ все съумѣютъ счесть:
Голодной сволочи вездѣ пожива есть—
Въ амбарѣ, на полѣ, внутри жилого дома;
А взглядъ у всѣхъ такой, какъ будто хочетъ ткнуть.
Одинъ лишь экономъ, не измѣнивъ улыбкѣ,
Владѣльца именемъ—не собственнымъ отнюдь—
Читаетъ выговоръ Лагодѣ за ошибки:
Что сдѣлалъ житницы на старый онъ манеръ,
Что мохомъ заросла вся крыша у амбара,
Что противъ мельницы не принято имъ мѣръ,—

А это хоть кому, такъ денежная кара;
Что мало на лугу̂ подѣлано канавъ—
И тѣ проведены небрежно, вдоль окраинъ,
Что поле на пару—подъ кучей сорныхъ травъ,—
Откуда явствуетъ, что плохъ и самъ хозяинъ.
Какъ вихорь, носится привычное перо,
Ввѣряя тѣ грѣхи терпѣнію бумаги;
Какъ лѣсъ, ростутъ рубли, десятки и сотняги,
За каждымъ промахомъ уходитъ серебро.
Да! тысячи ростутъ въ чудовищномъ расходѣ,
И надо ихъ платить наличными Лагодѣ.
А тамъ еще оброкъ—ужь то само собой,
Да, можетъ, изъ крестьянъ обиженъ кто-другой.
Какъ это все разсчесть, всѣ цифры эти взвѣсить—
Глядишь, и выгоритъ въ итогѣ тысячъ десять.
—«Да, молвилъ экономъ,—хозяинъ вы плохой!
Могли бы вы и дворъ, и домъ поправить въ пору.
Смотрите, какъ ведетъ дѣла свои другой!
Вы взяли бы въ примѣръ того же хоть Забору:
Онъ почву улучшилъ, провелъ повсюду рвы,
Дорогу обсадилъ деревьями, кустами;
Земля у васъ одна—равны и онъ, и вы,
А у него сноповъ не вывезешь возами,—
Такъ силенъ урожай!—скажите: а у васъ?
Все травы сорныя, все куколь, да каменья.
Извольте заплатить, что требуется... да-съ!—
И выѣхать потомъ безъ шуму изъ имѣнья.
Помѣщикъ нашъ рѣшилъ, что долѣе ему

Держать свое добро въ рукахъ подобныхъ—горе;
Онъ, зная, что сосѣдъ надежнѣй по всему,
Участокъ этотъ сдалъ почтенному Заборѣ.
Касаясь же меня... душевно я скорблю,
Что долженъ былъ придти съ недобрыми вѣстями...
За то, повѣрьте, я весь умъ употреблю,
Чтобъ только облегчить разсчеты ваши съ нами;
Какъ заповѣдь велитъ, для ближняго всегда
Готовъ я сдѣлать все... что можно, господа!
Такъ десять тысячъ—да! Нельзя сказать, что мало:
По счету, именно вы столько и должны;
Но вы не жмитеся во что бы то ни стало,—
Быть можетъ, нѣтъ у васъ такой казны,
Такъ мы и тутъ ужъ подѣлаемся съ вами.
По моему, для насъ, кратчайшій способъ вотъ:
Кой-что наличными, кой-что возьмемъ хлѣбами;
Я слышалъ, что у васъ недурны кони, скотъ,—
Давайте намъ и ихъ; потомъ ужь можно скоро
Свести всему разсчетъ—и квиты будемъ мы.
Вы въ домѣ можете остаться до зимы:
Его для старости готовитъ панъ Забора.
А ужь зимой-то вамъ вездѣ найдется кровъ,
Пробьетесь какъ нибудь съ малютками своими,
На свѣтѣ водятся мѣста для бѣдняковъ,
А на небѣ есть Тотъ, кто бодрствуетъ надъ ними.»
Ведя такую рѣчь, разбойникъ-дипломатъ
Улыбкой подслащалъ ея змѣиный ядъ.

XVIII.

Лагода понялъ все при этомъ злобномъ ядѣ,
Онъ стиснулъ кулаки, дрожа отъ гнѣва самъ;
Огонь презрѣнія сверкнулъ въ потухшемъ взглядѣ,
А кровь горячая, приливъ къ его вискамъ,
Казалось, на лицѣ, изъ каждой брызнетъ пôры—
И гнѣвъ былъ на челѣ, и гнѣвъ метали взоры.
Но тутъ предъ старикомъ мелькнули, какъ на зло,
Его убожество и силъ былыхъ утрата,
Коварство недруга, могущество магната —
Все то, что до тѣхъ поръ на умъ ему не шло.
Борьба неравная!—и онъ склонилъ чело
На старческую грудь, а мысль какъ бы заснула,
И на глазахъ слеза минутная блеснула:
«О, дѣти!» простоналъ болѣзненно старикъ.
Но торжество враговъ продлилось лишь на мигъ,
Имъ разъ лишь удалось взглянуть на эти слезы;
Поднявши голову, Лагода просвѣтлѣлъ,
Презрѣньемъ отвѣчалъ старикъ на ихъ угрозы:
Оцѣпенѣлъ ли онъ отъ яда вражьихъ стрѣлъ,
Иль вѣра въ немъ зажгла свѣтильникъ утѣшенья,—
Онъ холодно смотрѣлъ, какъ грабили его,
И, несмотря на плачъ семейства, у него
Не вырвалось изъ устъ ни слова сожалѣнья,
Когда послѣдній грошъ былъ отнятъ у дѣтей;
Съ улыбкой онъ давалъ разбойничьему люду

Печать помѣщика накладывать повсюду.
Но было для него гораздо тяжелѣй,
При голодѣ семьи, смотрѣть изъ оконъ дома.
Какъ дворня иногда удой его коровъ
Локать давала псамъ того же эконома;
Какъ въ плугъ, совсѣмъ чужой, безъ всякихъ дальнихъ словъ,
Впрягали двухъ его любимѣйшихъ воловъ;
И даже, какъ-то разъ, одинъ изъ слугъ Заборы
Высказывалъ ему, съ ругательствомъ, укоры.
Однакожъ, и такой надъ чувствами погромъ
Старикъ переносилъ стоически-спокойно;
Безсильный, сгорбленный, подавленный врагомъ,
Онъ несъ тяжелый крестъ, какъ мученикъ, достойно.
Холодный блескъ очей, безоблачность чела—
Ничто не выдало глубокаго несчастья,
И если онъ страдалъ, то скорбь его была
Недосягаема для празднаго участья.
Когда нахальство слугъ превыше было силъ,
Старикъ ласкалъ дѣтей, жену свою бодрилъ;
Онъ увѣрялъ ее, что всѣмъ займется снова,
Казался молодымъ и бодрымъ той порой,—
И гдѣ-то далеко отъ Нѣмана родного
Снялъ хату старую съ грошевою землей.
Взглянувъ на старика, сказать не могъ никто бы,
Что это мученикъ, что это жертва злобы.
Катаясь въ городѣ, какъ пышенъ, какъ хорошъ
Казался экономъ въ коляскѣ межъ толпою!
Но имъ ограбленный былъ болѣе пригожъ

Съ безоблачнымъ челомъ и нищенской сумою,
Хоть странно бы, кажись, и сравнивать ихъ такъ:
Одинъ—вельможный панъ, другой—сѣдой бѣднякъ.

XIX.

Лагода не хотѣлъ по милости Заборы
Остаться у себя на мѣстѣ до зимы;
Съ рублемъ-другимъ въ мошнѣ, съ женою и дѣтьми,
Пошелъ онъ у чужихъ искать себѣ опоры.
Мартынъ ихъ проводилъ, рыдая, до воротъ
И сталъ прощаться здѣсь съ своими господами;
Сошелся и другой, служившій имъ народъ,
Сосѣди съ женами и малыми дѣтями.
Припоминали всѣ добро былое ихъ
И плакали опять, и обнимались снова,
Благодаря въ словахъ сердечныхъ и простыхъ
За хлѣбъ-соль ихнюю, за ласковое слово.
И каждый что нибудь принесъ имъ со двора
Въ знакъ памяти за ихъ старинную помогу:
Одинъ—орѣховъ горсть ребяткамъ на дорогу,
Другой—медовый сотъ, подобранный вчера;
А многіе пришли съ краюхою ржаною,
Желая, чтобъ во вѣкъ не знаться имъ съ нуждою.
Хотя и не легко мужицкимъ языкомъ
Понятно выражать душевныя движенья,
Но слезы на глазахъ докажутъ и молчкомъ,

Что въ искренности ихъ не можетъ быть сомнѣнья.
Лагода въ-очію теперь увидѣлъ самъ,
Какъ жаль его всему убогому народу—
И вотъ, прощаясь съ нимъ, нахлынувшимъ слезамъ
Онъ такъ же, какъ и всѣ, далъ полную свободу.
И точно камень снялъ убогій этотъ людъ
Съ души его въ моментъ напутственнаго хора...
Хитеръ ты разумомъ, почтенный панъ Забора,
Но ты не доживешь до этакихъ минутъ!
Затѣмъ, что не всегда, не каждому такое
Дается на землѣ величіе души,
Съ какимъ теперь старикъ гнѣздо свое родное
Убого покидалъ, на кровные гроши.
Онъ принялъ на краю зіяющей могилы
Отъ ближнихъ приговоръ, что трудъ его свершенъ,
Что не безслѣдно здѣсь, на свѣтѣ, прожилъ онъ,
Не на вѣтеръ свои потратилъ жизнь и силы:
Печатью высшею наивные умы
Отмѣтили его предъ Богомъ и людьми.
Съ величіемъ души, при мысли о народѣ,
Взглянулъ онъ разъ еще на милый сердцу домъ,—
И скрылась за горой телѣга съ старикомъ,
И не слыхать нигдѣ съ тѣхъ поръ ужь о Лагодѣ.

XX.

Да не подумаетъ читатель дорогой,
Что я его веду безъ толку, безъ разбору,
Что въ сторону сошли съ дороги мы прямой,
На сцену выводя Лагоду и Забору;
Что, хлѣба взявъ кусокъ вначалѣ за сюжетъ.
Забылся я совсѣмъ, Богъ вѣсть, о чемъ болтая.
Для большей ясности представилъ вамъ поэтъ
Тотъ дальній уголокъ наднѣманскаго края:
Вы знаете теперь, какъ сѣютъ хлѣбъ сперва,
Какъ жнутъ его потомъ на нивѣ колосистой.
Не гнѣвайтесь, что намъ попался грунтъ нечистый,
Что съ хлѣбомъ выросла и сорная трава.
Но это ничего; изъ той вернувшись дали,
Мы уподобимся заботливымъ жнецамъ:
Отдѣлимъ чистый хлѣбъ отъ куколя, и вамъ
Покажемъ вмѣстѣ ихъ, чтобъ вы ихъ различали, —
А то, не отличивъ отъ хлѣбушка травы,
Еще растопчете и рожь, пожалуй, вы.
Святое слово—хлѣбъ, и на землѣ, и въ небѣ:
Богъ дѣлится съ людьми самимъ собою въ хлѣбѣ,
Предъ Хлѣбомъ Живота и ангелы дрожатъ,
Смиренными его пріемлемъ мы устами.
А хлѣбъ земной для насъ поддерживаетъ рядъ
Измѣнчивыхъ судебъ, зовущихся годами,
И этимъ хлѣбомъ мы, отъ крошекъ до краюхъ,
Спасаемъ нашу плоть, а съ плотію—и духъ.

XXI.

Но горе всякому, кто шутитъ покаяньемъ,
Кто святотатственно Хлѣбъ Жизни воспріялъ!
Отравленный въ душѣ спасительнымъ питаньемъ,
Онъ пропасть подъ собой незримую вскопалъ.
Вотъ такъ и хлѣбъ земной для насъ бываетъ ядомъ;
Когда не вѣришь ты, пришлецъ издалека —
Зайди дорогою хоть въ двѣ деревни рядомъ
И въ каждой разспроси любого мужика.
Покажутъ тамъ тебѣ съ наглядностью живою
И спорый хлѣбъ, и тотъ, что въ прокъ нейдетъ людямъ;
Одинъ питателенъ, другимъ же, какъ травою,
Нельзя насытиться—онъ вредъ приноситъ намъ.
Должно быть, что одинъ отравленъ злакомъ низкимъ,
Другой же чистъ совсѣмъ,—но кто ихъ разберетъ?
Вѣдь, кажется, они росли въ сосѣдствѣ близкомъ,
Всходили хорошо, давали равный плодъ,
Кропилъ ихъ тотъ же дождь, и жгла засуха та же,
Въ одинъ и тотъ же день ихъ убрали съ полей,
И равной бѣлизны была мукà ихъ даже,—
А дѣйствуютъ они различно на людей.
Въ одномъ, должно быть, злакъ попалъ дурного вида,
Сиротская слеза, иль чья нибудь обида:
Такого хлѣба ты, спознавшись ближе съ нимъ,
И самъ не покупай, и не давай другимъ;
Не ѣшь его отнюдь,—на немъ проклятье неба,
Геенною разитъ кусокъ такого хлѣба.

Забору ты спроси,—и если въ потъ и дрожь
Не кинетъ грѣшника—сказалъ я, значитъ, ложь.

XXII.

Однажды, подъ-вечеръ, осеннею порою,
Я ѣхалъ, проливнымъ застигнутый дождемъ;
Холодная вода текла съ меня ручьемъ
По платью, по лицу,—какъ вдругъ передо мною
Мелькнулъ вдали огонь, и уловилъ мой взоръ
Какую-то избу: то былъ заѣзжій дворъ.
Заѣзжіе дворы у насъ, какъ всѣмъ извѣстно,
Соломой крытые, съ бревенчатымъ ребромъ—
Невзрачны такъ на видъ: и дымно въ нихъ, и тѣсно,
И путникъ миновать старается ихъ днемъ.
Но позднимъ вечеромъ и темными ночами
Они бодрятъ его привѣтными огнями;
Становится въ душѣ какъ будто веселѣй,
Какъ будто самъ себя нашелъ ты гдѣ-то снова;
Вѣдь, право, иногда, соскучась безъ людей,
Хотѣлось бы сказать кому нибудь хоть слово,—
Такъ что же, если вы подъ бурей, подъ дождемъ?
А тутъ васъ ждетъ пріютъ съ сердечной прямотою,
Собравшійся народъ толкуетъ межъ собою,
Пылаетъ комелекъ привѣтливымъ огнемъ.
Невольно какъ-то вамъ взбредетъ на умъ дорогой—
Остаться ночевать подъ крышею убогой.

Въ такой вотъ точно дворъ, хоть домъ былъ недалекъ,
Заѣхалъ ночевать и я на огонекъ.
Чтобъ скуки не нажить съ удобствомъ помѣщенья,
Забрался я въ избу, гдѣ было пошумнѣй:
За медомъ рѣчь вели тамъ нѣсколько людей —
Крестьяне-пахари изъ дальняго селенья.
Подсѣвши къ огоньку, съ ногами на просторъ,
Услышалъ я такой межъ ними разговоръ:

XXIII.

— «Ну, будь здоровъ, Семенъ!»
— «За здравіе Мартына!
Да... да... ужъ такъ-то мы жалѣемъ старика!
И гдѣ-то онъ теперь, нашъ добрый старичина?
Господь лишь вѣдаетъ—на всемъ Его рука.
Гляди!.. ограбили бѣднягу до остатка
И нищимъ выгнали—подумать страшно, кумъ!
Ну, что ему земля оброчная, да хатка?
Валандаться съ сохой—его ли это умъ?
Да еслибъ и умѣлъ, такъ силы недостача:
Ужъ гдѣ за ней ходить со стонами, да плача.
И слыхано ли жить въ мужицкой худобѣ,
Когда въ тебѣ сидитъ шляхетская порода?
А въ шестьдесятъ-то лѣтъ—ребенокъ вѣдь Лагода!
Я знаю это, кумъ... сужу я по себѣ.»
— «Да ну тебя, Семенъ! Богъ милостивъ—и ладно!
Онъ должное воздастъ обидчику за насъ.

Спасибо, старику хоть съ дѣтками повадно:
Немного подросли, такъ выручатъ подчасъ.
Ужь только бы везло, а трудъ-то не задача,
Дай Боже, чтобъ вездѣ была ему удача.»
—«Пускай бы на часокъ пожаловалъ онъ къ намъ»,—
Сказалъ одинъ мужикъ, оглядывая стѣны:—
«Ему бы не узнать, хоть вѣкъ онъ прожилъ тамъ,
Теперь своей избы—такія перемѣны!..
Оно, дѣйствительно, тугонько намъ подчасъ,
За то и барыши канальски лѣзутъ въ гору;
Мастакъ хозяйничать—скажу я про Забору.
Теперь заводитъ вновь отъ житницы у насъ,
Домъ за-ново покрытъ—не прежній ужь дырявый,
Межуются поля, проводятся канавы.
А будущей весной, на умолотъ зерна,
И вѣтеръ пустятъ въ ходъ—развѣдалъ я случайно;
Строенье выведутъ для выкурки вина,
Да приведутъ воловъ большущихъ изъ Украйны:
Пахать при нихъ легко—и трудъ тебѣ не въ трудъ,
А на зиму продай, такъ золотомъ дадутъ.»
—«Я былъ», сказалъ другой,—«недавно во дворѣ-то:
Отъ службы отлынять хотѣлъ сторожевой.
Забора вышелъ, слышь, такой веселый это—
Давай же, братцы, онъ хвалиться мнѣ собой:
—А что? спросилъ, смѣясь,—хозяйничать умѣю?
Пускай себѣ тамъ голь кричитъ противъ меня;
Ужь не попрежнему,—Лагодѣ ротозѣю
И въ умъ, поди, не шло, что дворъ его—казна.

Бывало, возится, какъ нянька, съ мужиками,
А много ли ему крестьяне помогли?
Заробилъ много ли онъ въ тридцать лѣтъ-то съ вами?
Березовый костыль, суму изъ конопли!
И въ этомъ вотъ году скопилось у Лагоды
Не больше сотни копъ. А ну-ка, погляди,
Какъ буду я сбирать на будущіе годы,
Безъ всякихъ тамъ молитвъ и безъ святой воды!
Онъ, по старинному обычаю да взгляду,
Колосья все святилъ, а пашни-то не зналъ,
На солнцѣ жарился при жатвѣ до упаду,
А продавалъ за грошъ—потомъ и голодалъ.
Немного думая о вашей Божьей волѣ,
Надѣюсь только я на свой хозяйскій глазъ:
Ужъ лучше я пять разъ подъ рожь вспахаю поле,
А хлѣба у меня родится въ десять разъ!»
—«Ой, Богъ съ нимъ, этотъ хлѣбъ—не приведи Создатель!
Хозяйство экое—лети оно въ трубу!
Двѣ мѣрки со двора я жита взялъ, пріятель,
Такъ ужъ и тутъ болѣзнь закралася въ избу—
Не видѣлъ и конца я этакому лиху!»
Вступился въ рѣчь Семенъ и дальше молвилъ тихо:
«Сначала занемогъ ребенокъ у меня,
Потомъ батракъ—да тотъ отгрызся какъ-то спячкой,
А нынѣ старшій сынъ—здоровѣе кремня—
Ужъ двѣ недѣли вотъ, какъ мается горячкой.
Я къ лекарю сейчасъ—да что тамъ лекаря!
Замучилъ только онъ парнишку порошками;

Спасибо, въ умъ пришло спросить у знахаря,—
Такъ тотъ мнѣ всю болѣзнь, какъ выложилъ, словами!
—Не съ вѣтру-ль, молъ, оно? у дѣда я спросилъ,—
Не злой ли глазъ застигъ?—Поди ты! говоритъ онъ:
Забора, видно, всѣхъ васъ хлѣбомъ накормилъ;
А хлѣбъ его, какъ есть, чертями весь пропитанъ!
Подайте мнѣ кусокъ—не выйдетъ дьяволъ цѣлъ.
Какъ сталъ его крестить, да донимать словами,
Такъ что вы скажете?—какъ сажа, почернѣлъ;
И весь, какъ есть, тотъ хлѣбъ покрылся червяками!
—У! знаю я тебя, нечистый! Провались!
Семенъ! сказалъ мнѣ дѣдъ,—ужъ тутъ не безъ занозы:
Вѣдь это кто нибудь ограбленъ былъ, кажись,
А эти червяки—людскія, значитъ, слезы.
Не бойся, говоритъ,—поправится твой сынъ!
Но хлѣбъ сожгите весь, до крошки самой малой,
Иначе цѣлъ изъ васъ не будетъ ни одинъ,
Не то опутаетъ нечистый васъ, пожалуй.—
Поѣхалъ, значитъ, я и въ городѣ купилъ
Другую рожь себѣ вначалѣ той недѣли;
На новомъ хлѣбѣ всѣ опять поздоровѣли,
И сыну прибыло какъ будто больше силъ.»
Такъ велъ Семенъ свою о чудесахъ бесѣду,
И чарку осушилъ во здравіе сосѣду.
—«И я», сказалъ сосѣдъ,—«слыхалъ о знахарѣ
И тоже приводилъ женѣ резоны эти;
Она толкуетъ: хлѣбъ вездѣ одинъ на свѣтѣ,
А гдѣ же я возьму, когда не во дворѣ?

От понедѣльника до самой вплоть субботы
На барской полосѣ работает народъ,—
Ужъ тутъ не до своей приходится работы;
А свой-то въ полѣ хлѣбъ, глядишь, и пропадетъ.
Коль совѣсть есть въ людяхъ, тогда безъ разговора
Пускай же кормитъ насъ, по крайности, Забора!
Вотъ такъ-то баба мнѣ отвѣтила тогда,
Пошла и мѣрку ржи достала изъ имѣнья,—
Сейчасъ же къ намъ потомъ припуталась бѣда:
Содомъ пошелъ въ дому, Господне попущенье,—
И старъ, и малъ у насъ, и даже съ братомъ я,
Богъ вѣсть изъ-за чего, затѣяли раздоры;
Нечистый тѣшился,—ужъ истинно, друзья,
Не видѣть намъ добра у этого Заборы!
Я брату говорю:—Послушай-ка, Иванъ!
Горячку не пори, не лайся ты обидно;
Какая намъ корысть хозяйничать въ изъянъ?
И передъ Богомъ грѣхъ, да и людей-то стыдно.
Давай раздѣлимся.—Давай, промолвилъ онъ,—
Вѣдь все же мы родня, а не враги какіе.
Пошелъ и выпросилъ я пустоши загонъ,
И ну дѣлиться съ нимъ—сильны вѣдь бѣсы злые.
Запасецъ кой-какой у насъ былъ до того,
А на двое пошло—не стало ничего!
Когда же мы съ нимъ хлѣбъ (ужь вотъ-то очумѣли!),
Какъ водится у насъ, сломали при раздѣлѣ,
Нашептывая такъ: какъ этимъ двумъ кускамъ
Въ изломѣ не сростись—не съѣхаться и намъ...

Такъ вѣрите-ли вы?—отъ этого излому
Все черви поползли какіе-то по дому!
Что дѣло наше дрянь—смекнулъ ужь тутъ и я,
Оно и вышло такъ доподлинно, друзья:
При дружескомъ трудѣ, безъ шуму да безъ ссоры,
Жилося намъ легко, за брата братъ радѣлъ,—
Теперь мы бѣдняки;—а это хлѣбъ Заборы
Занесъ въ мою избу и смуту, и раздѣлъ.»

XXIV.

—«Ей-ей же это такъ!» замѣтилъ кто-то снова:
«Заборинъ хлѣбъ вездѣ надѣлаетъ бѣду.
Примѣрно, случай былъ... да въ нынѣшнемъ году.
Анютку помните? Совсѣмъ была здорова,
Шестнадцати годовъ, въ то время замужъ шла,
Красавица собой, веселая такая:
Муки ей подарилъ нашъ панъ для короваго,—
Такъ что же? Въ самый день вѣнчанья померла.
А нищій-то безъ ногъ, калѣка-то убогій?
Здоровый былъ такой, хоть ставь его въ наборъ,—
Пошелъ онъ—помните?—за хлѣбушкомъ во дворъ,
Поѣлъ его, бѣднякъ—и околѣлъ дорогой.»

XXV.

—«Заборинъ хлѣбъ кругомъ извѣстенъ ужь, друзья»,—
Опять сказалъ Семенъ, склонясь надъ чаркой низко:

«Теперь онъ шлетъ его въ чужіе все края,
А тутъ ему не ходъ, въ особенности близко;
Дурная слава здѣсь вездѣ о немъ идетъ,
А тамъ, въ чужихъ краяхъ, другой совсѣмъ народъ:
Вѣдь тамъ промежъ людей вражда идетъ сильнѣе,
Болѣзней—тамъ не счесть, и умеръ—все одно.
Народъ мудренѣе, а вѣра ихъ слабѣе,
И не повѣрятъ тамъ въ заклятое зерно.
Другое дѣло, другъ, у насъ въ селѣ торговомъ!
На дняхъ я повстрѣчалъ знакомаго купца,
Давай мы толковать о томъ, о семъ—да словомъ,
Про урожай зерна, соломушки, сѣнца.
— Ну, братецъ, говоритъ,—издохни я на мѣстѣ,
Чудного вы теперь хозяина народъ:
Подбрось его зерна хоть горсточку на плотъ—
Сейчасъ пойдетъ ко дну,—могу сказать по чести.
Заправскій онъ, кажись, хозяинъ съ давнихъ поръ,
Но дѣла съ нимъ вести не дамъ совѣтъ и вору:
Рука тяжелая, а деньги хуже сору,—
Должно быть, сажею онъ душу-то натеръ!
Ой-ой! И у жидовъ башка подчасъ бываетъ:
Вѣдь, кажется, простякъ—а тонко понимаетъ!»

XXVI.

Такой-то вотъ разсказъ тогда я слышалъ тамъ
И думалъ, позабывъ дорожнія невзгоды:

Но почему же хлѣбъ ограбленный Лагоды
Нейдетъ во здравіе и счастіе людямъ?
Зачѣмъ несетъ онъ смерть, болѣзни или ссору
Въ тотъ домъ, куда его заносятъ безъ разбору?
За что страдаютъ тѣ, кому бы благодать,
За добрыя дѣла, прямая надлежала?
Иль собственныхъ грѣховъ у каждаго такъ мало,
Что слѣдуетъ еще чужіе искупать?
Забора почему-жъ живетъ, не унывая,
И нива у него даетъ роскошный всходъ,
А пахарь-труженикъ, плоды ея вкушая,
Въ поденщичьей избѣ несчастіе несетъ?
Напрасно въ головѣ ищу я мысли ясной...
Разсказъ останется... не болѣе, какъ басней!

XXVII.

Я видѣлъ въ городѣ, какъ съ жадностью не разъ
Купцы Заборинъ хлѣбъ на рынкѣ обступали,
И думалъ: неужли отъ этого у насъ
Прибавится невзгодъ, болѣзней и печали?
Но изволеніемъ таинственной руки
Сосѣдній пекарь возъ купилъ такой муки
И выпекъ свѣжій хлѣбъ. Купилъ и я ковригу,
И ѣлъ проклятый хлѣбъ за ужиномъ при всѣхъ.
А Богъ, сердца людей читающій, какъ книгу,
Мнѣ ложе немощи послалъ за этотъ грѣхъ;

А другъ, съ которымъ я дѣлился всѣмъ годами,
Оклеветалъ меня предъ праздною толпой,—
И хлѣбъ, испорченный обидою людской,
Пришлося мнѣ облить кровавыми слезами.

XXVIII.

Какъ дивны Промысла незримые пути,
Ведущіе людей во имя искупленья!
А намъ безъ ропота и шагу не пройти,
Страдая за отцовъ и ближнихъ преступленья.
Быть можетъ, міру данъ спасительный удѣлъ
Нести за насъ ярмо и нашихъ темныхъ дѣлъ,
Чтобъ длинный рядъ грѣховъ, содѣянныхъ людями,
Загладить общими хорошими дѣлами;
Иль, можетъ быть, терпя за ближнихъ нашихъ зло,
Мы собственныхъ заслугъ пополнили число,—
Господь то вѣдаетъ; но горе непреложно:
Вѣдь ношу общую на плечи принялъ тотъ,
Кто дружбу за столомъ съ обидчикомъ ведетъ,
Кто хлѣбъ изъ рукъ его беретъ неосторожно—
Затѣмъ, что тутъ грозитъ малѣйшая кроха
Болѣзнію тѣлесъ иль мерзостью грѣха.

Спокойно ли теперь Забора спитъ ночами,
Иль сну его чужда забвенья благодать?
У ангела его хранителя вы сами

Развѣдайте про то,—не намъ объ этомъ знать.
Но Боже васъ храни отъ крохъ чужой невзгоды,
Не трогайте богатствъ, добытыхъ грабежомъ:
На вашу голову, невинную ни въ чемъ,
Свинцомъ падетъ слеза горючая Лагоды!

ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ НАДГРОБНАЯ.

Крестьянъ дралъ плеткой,
Поилъ ихъ водкой,
Владѣлъ домами,
Ѣлъ борщъ съ рубцами;
Любилъ пить пиво,
Копилъ ретиво,
Имѣлъ страстишку
Метнуть картишку;
Передъ обѣдомъ
Болталъ съ сосѣдомъ:
Война ли грянетъ,
Иль миръ настанетъ?
На завтракъ ранній
Съѣлъ бокъ бараній
И жирныхъ, въ тѣстѣ,
Пельменей двѣсти.
По сей причинѣ
Придя къ кончинѣ,
Храпитъ во гробѣ
На ноздри обѣ,
Пока въ день судный

Услышитъ трубный
Призывъ съ Ѳавора:
—«Вставай, обжора!
Вѣдь все ужь гинетъ...
Печенка стынетъ!»

КАПРАЛЪ ТЕРЕФЕРА и КАПИТАНЪ ШЕРПЕНТИНА.

Солдатскій разсказъ.

Посвящ. Дон. Андр. Картъ-Карчевскому*).

I.

Охъ, не сладокъ хлѣбъ солдатскій,
А какъ вспомнишь—на рѣсницы
Валятъ слезы по-дурацки,
Точно ложку съѣлъ горчицы.
Знамо, юность— или тоже,
Какъ у васъ теперь, такая?
Сохрани, помилуй Боже!
Гдѣ та удаль въ ней лихая!
Блѣдно, вяло все,—ни силы,
Ни сердечной прыти въ мѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

*) Посвященіе переводчика.

II.

И теперь, придись мнѣ круто,
У меня бы силъ хватило;
А въ двѣнадцатомъ году-то,
Какъ я въ службу шелъ, что̀ было?
Вонъ онъ, кре́стикъ—трудъ немалый
Тоже стать и кавалеромъ;
А хотите—я, пожалуй,
Разскажу, какимъ манеромъ?
Эхъ! и времячко же было!
Голодъ, холодъ—все, къ примѣру!
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

III.

Изъ Смоленска, съ войскомъ, живо
Мы обратно выступали;
У кого сухарь былъ — диво,
Водки—въ очи не видали!
Подъ усадьбою одною
Дало роздыхъ намъ начальство,—
А казаки за спиною,
А морозъ трещитъ, канальство!
Крестъ нашли мы надъ могилой
И зажгли его, къ примѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

IV.

Обступили на привалѣ
Тотъ огонь, какъ волны, люди:
Изъ Гаскони, изъ Вестфальи,
Изъ-подъ Кракова, со Жмуди
Догорѣлъ онъ;—тутъ вязанки
Тащатъ хворосту ребята;
Слышны пѣсни, перебранки,
Курятъ трубочку солдаты.
Кто заснуть хотѣлъ—насилу
Гдѣ попало легъ, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

V.

Легъ—и развѣ встанетъ снова
Въ лучшемъ мірѣ! Прахъ героя,
Сотворивъ надъ нимъ сурово
Лишь молитву, мы зароемъ
Въ снѣгъ холодный чѣмъ попало—
И готовъ обрядъ короткій!
Видишь, братцы, подкрѣпляла
Насъ молитва—пуще водки!
А въ другихъ полкахъ, мой милый,
Потеряли въ Бога вѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

VI.

Мы имѣли капитана,
Твердо вѣрившаго въ Бога,
И молиться утромъ рано
Онъ наказывалъ намъ строго;
А посты держали въ силѣ
Nolens-volens ужь, канальство!
Капитана всѣ любили,
Почитало все начальство.
То былъ старецъ съ виду хилый,
Говорилъ тихонько, въ мѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

VII.

Дряхлый видомъ, старичина
Твердъ и грозенъ былъ въ азартѣ;
Прозывался — Шерпентина,
Потому что дрался arte!
Другъ солдата, онъ, бывало,
Грошъ послѣдній дѣлитъ съ нами,
Не въ строю—ребенокъ малый,
Но на службѣ—чортъ съ рогами!
И кричалъ онъ съ страшной силой,
Заглушая все, къ примѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

VIII.

Отъ Смоленска, онъ немного
Будто храмлетъ, замѣчаю;
То ли раненъ, то-ль дорогой
Утомился—не узнаю.
Дьяволъ самъ сидѣлъ въ немъ, что ли!
Такъ держался дисциплины,
Что хоть лопни онъ отъ боли —
Не дознаешься причины!
Знай-шагаетъ черезъ силу
По сугробинамъ, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

IX.

Какъ ужь двинулись мы снова,
—«На плечо!» вскричалъ онъ живо.
Вижу, хмурится сурово,
Все храбрится,—но фальшиво.
Всѣхъ насъ выстроилъ рядами,
Самъ впередъ—и ну-шагаетъ;
Но замѣтилъ по слѣдамъ я,
Что онъ кровью истекаетъ,
Что плетется черезъ силу
И шатается не въ мѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

X.

Взялъ платокъ, присѣлъ и спѣшно
Обвязалъ больную ногу;
Подхожу къ нему я, грѣшный:
Дай, молъ, сдѣлаю подмогу.
Но какъ крикнетъ старый бѣсъ-то:
—«Ранъ вы, что ли, не видали!
Терефера, маршъ на мѣсто!»
(Такъ въ полку меня прозвали).
Да вѣдь какъ!—во всю вѣдь силу,
Даже дрожь взяла, къ примѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XI.

А сказалъ онъ это слово
Гордо, злобно, непреклонно!
И пошелъ, упрямецъ, снова
Ковылять передъ колонной.
Хоть крѣпится старикашка,
Но не можетъ скрыть мученья:
Окровавилась повязка,
Валитъ съ ногъ изнеможенье;
Знать, что сбралъ онъ всю силу,
А не стонетъ—гордъ не въ мѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XII.

Но не выдержалъ—и на земь,
Съ громкимъ стономъ, повалился!
Подскочили всѣ мы разомъ,
Весь отрядъ къ нему столпился.
Самъ идти старикъ не можетъ,
Такъ съ полкомъ нести хотѣли,—
А фургоны, прости Боже,
У Смоленска гдѣ-то сѣли.
Плащъ, да хворостъ—вотъ, мой милый,
И носилки офицеру!
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XIII.

Но какъ старый огрызнется,
Точно тигръ въ своей засадѣ:
—«Какъ! всему полку придется
«Запоздать меня лишь ради?
«Стройся! смирно! Для порядка,
«Разстрѣляю—кто остался!
«Обо мнѣ, поручикъ, кратко
«Рапортуйте, что скончался!
«Не копайте мнѣ могилу,
«Честь не въ почестяхъ!» къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XIV.

Тотъ вздохнулъ на рѣчь такую
И повелъ шеренги въ поле.
Я подумалъ: лбомъ рискую,
А ужь сгинуть не позволю!
Такъ и сдѣлалъ—и не трушу.
—«Капитанъ мой! говорю я:
«Ни за что грѣха на душу—
«Васъ покинуть—не беру я.»
—Коль идти мнѣ не подъ силу!
—«Понесу я васъ, къ примѣру.»
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XV.

—«Ну, тебя съ твоей вознею!
«Мнѣ ужь это надоѣло.
«Чѣмъ возиться здѣсь со мною,
«Знай свое ты лучше дѣло.
«Я замѣтилъ, Терефера,
«У тебя тамъ рекрутъ,—слабы:
«Держатъ штыкъ—дрянцо манера,
«Маршируютъ, точно бабы.
«Надо, братецъ, вызвать силу
«Въ ихъ рукѣ, дать шагъ имъ въ мѣру.»
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XVI.

«Раненъ я—шла кровь, и силы
«Съ ней ушли!.. не жить мнѣ больше...
«Слушай, мой товарищъ милый:
«Какъ воротитесь вы въ Польшу—
«Тамъ... гдѣ Нѣманъ, въ старой хатѣ
«Мать моя живетъ, ты знаешь,—
«Такъ отдай ей отъ меня ты
«Крестикъ съ шеи—понимаешь?
«Осмотри хозяйство, милый—
«Все ли есть, всего ли въ мѣру...»
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XVII.

«Пуще дѣло въ примиреньи:
«Есть со мной деньжатъ запасецъ,
«Такъ на нихъ поминовенье
«Закажи по мнѣ ты, братецъ!
«Мать пускай не плачетъ много:
«Кто, какъ я, погибъ—счастливцы;
«Также пусть помолятъ Бога
«За меня и сослуживцы!
«Но спѣши: ужъ войска тылу
«Не видать; рискуй, да въ мѣру.»
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XVIII.

—«Ладно! ладно! молъ, не спорю;
«Толковать не станемъ много,
«Дастъ Богъ часъ, поможемъ горю,
«Все пойдетъ своей дорогой.
«А теперь—вѣрнѣе это—
«Надо взять мнѣ васъ на плечи,
«Добредемъ до лазарета,—
«Тамъ ужь вы ведите рѣчи.
«Тутъ бы вамъ найти могилу,
«Снѣгъ бы васъ занесъ, къ примѣру!»
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XIX.

Какъ накинется онъ бѣсомъ,
Какъ вспылитъ въ чертовскомъ родѣ:
—«Вѣдь колонна ужь за лѣсомъ!
«Мѣсто тамъ твое—при взводѣ.
«Догоняй ихъ что есть духу:
«За побѣгъ пойдешь къ разстрѣлу!»
Мнѣ какъ будто и не къ уху—
Приступаю прямо къ дѣлу.
Онъ грозитъ мнѣ, во всю силу
Рвется съ рукъ, кричитъ, къ примѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XX.

Разсуждаю самъ съ собою:
Ничего, пускай, молъ, злится!
Но вѣдь съ ношей, пѣхтурою,
По снѣгамъ—бѣда тащиться!
Дашь минутный отдыхъ силѣ,
И ужь вновь бредешь глубоко.
Такъ, до вечера, съ три мили
Мы тащились одиноко.
Капитанъ, хоть брось въ могилу,
Ни словечка... тишь, къ примѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXI.

Сзади войска, путь морозный
Здѣсь и тамъ блеститъ огнями;
То встрѣчаю слѣдъ обозный,
То на трупъ наткнусь глазами.
Сухарей имѣлъ я пару—
Лучшей не было находки:
Съѣлъ ихъ мой рубака старый
И глотнулъ немного водки.
Подкрѣпивши этимъ силу,
Веселѣе сталъ, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXII.

Уже подъ вечеръ, я вижу,
Чье-то войско тучей грозной
Валитъ съ конницей все ближе.
Капитанъ сказалъ тревожно:
—«Видишь, вотъ какой награды
«Долженъ ждать ослушникъ въ войскѣ:
«То казаки... нѣтъ пощады...
«Ты умрешь не по-геройски!
«То ли дѣло встрѣтить силу
«Цѣлымъ взводомъ, стройно, въ мѣру!»
Христе Господи помилуй
Старикашкуतереферу!

XXIII.

«Жаль тебя... семьи пригрѣтой...
«Вотъ какъ Богъ караетъ смуту!..
«Но постой... свои вѣдь это...
«Зло поправимъ мы въ минуту!»
Я гляжу... передо мною
Вьются стройные султаны,
Сзади пушки и стѣною
Мамелюки и уланы,—
Только снѣгъ крутится съ силой,
Только гулъ идетъ, къ примѣру!
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXIV.

Вотъ къ намъ прямо мчитъ кого-то
Бѣлый конь арабской крови;
Въ сѣрый плащъ закутанъ кто-то,
Шляпа сдвинута на брови.
Я всмотрѣлся... и приникнулъ...
—«Дѣлай честь ружьемъ!» въ азартѣ
Капитанъ меня окликнулъ:—
«Это самъ вѣдь Бонапарте!»
Шерпентина—гдѣ взялъ силу—
Соскочилъ на снѣгъ, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXV.

То былъ онъ, любимецъ славы;
Задержалъ коня, и грозно
Посмотрѣвъ, спросилъ:—«Куда вы?
«Гдѣ отрядъ вашъ? что такъ поздно?»
Я смѣкаю: иль ужъ разомъ
Брякнуть все, по старой модѣ?
(А французскимъ разнымъ фразамъ
Научился я въ походѣ).
Ну, такъ вотъ, собравшись съ силой,
Начинаю такъ, къ примѣру:
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXVI.

Все, какъ было, съ скромной миной
Вывожу я по порядку:
Что случилось съ Шерпентиной,
Какъ упалъ онъ, нашу схватку
По причинѣ лазарета.
Императоръ величаво
Слушалъ—долго слушалъ это,
И сказалъ:—«Капралъ мой, браво!»
Даже взглядъ сверкнулъ унылый
Благодарностью, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXVII.

Тутъ спросилъ онъ Шерпентину,
Кто я? вѣренъ ли присягѣ?
И старикъ не вполовину
Отдалъ честь моей отвагѣ.
Ужь не злился—это тоже
По его я видѣлъ минѣ,
Но сквозь зубы буркнулъ, все же,
Что-то онъ о дисциплинѣ;—
Знать, ужь не было подъ силу
Выдать вслухъ меня, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXVIII.

Императоръ... о, на свѣтѣ
Я не зналъ свѣтлѣй момента!—
Далъ мнѣ крестикъ. Вотъ онъ, дѣти!
Это, впрочемъ, только лента,
Крестъ же я храню на тѣлѣ!
Какъ умретъ капралъ вашъ, дѣтки,
Тѣмъ крестомъ вы бывшій въ дѣлѣ
Мой мундиръ украсьте ветхій,
Чтобы съ честью онъ въ могилу
Проводилъ меня, къ примѣру!
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXIX.

Тутъ, хоть не былъ я ораторъ,
Гордо крикнулъ что̀ есть силы:
—«Да живетъ нашъ императоръ!»
А гвардейцы подхватили.
Насъ, назавтра, утромъ рано,
Довезли до лазарета.
Слава Богу, капитана
Таки вылечило это!
Нынѣ, слышу, входитъ въ силу,
Какъ хозяинъ... дѣтокъ въ мѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXX.

Что-жъ бы думали вы?—бѣсъ-то,
Какъ вступилъ опять въ начальство,
Тереферу подъ арестомъ
Три дня выдержалъ, канальство!
—«Императоръ награждаетъ,
«Молъ, тебя за поведенье;
«Но, мой братецъ, не мѣшаетъ
«И властямъ повиновенье.
«Хоть и спасъ меня ты, милый,
«А не вольничай не въ мѣру!»
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXXI.

Справедливо;—самъ я слышалъ:
Рядовой ты, иль начальство,
Ужъ когда приказъ вамъ вышелъ—
Исполняй его, канальство!

Такъ бесѣдовалъ сквозь слезы,
На порогѣ низкой хаты
Сидя съ палкой изъ березы,
Терефера простоватый;
Подперъ лобъ рукой насилу
И задумался не въ мѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Деревенская поэма.

Вотъ вамъ краткій разсказъ
Изъ воскреснаго міра.
Прихотлива подчасъ
Эта вольница—лира.
Охъ, презлобно звучатъ
Ея струны порою,
Точно сердце пилятъ
Притупленной пилою!
—«Развѣ дерево я?»
Молвитъ лира упрямо:—
«Чтò взволнуетъ меня,
То и брякну я прямо.»

I.

УТРО.

Праздникъ невидимкой
Постучалъ въ оконце,

Изъ-за алой дымки
Выглянуло солнце.
Вѣтерокъ гуляетъ
Вдоль зеленой нивы,
Вкругъ села летаетъ
Ангелъ шаловливый,—
Каждой травкѣ, вѣткѣ
Шлетъ онъ извѣщенье:
—«Радуйтеся, дѣтки,
Нынче воскресенье!»

Лугъ травою влажной
Манитъ стадо въ поле,
Слышится протяжный
Ревъ скота на волѣ.
Слава Богу, точно
Пастбище родное;
Рогъ пастушій звучно
Будитъ все живое.
На крестѣ усѣлась
Пташка близъ селенья
И поетъ надсѣлась:
«Нынче воскресенье!»

Передъ дверью хаты
Янкиной—телѣга,
Возятся ребята,
Имъ вѣдь лѣтомъ нѣга.

Янка самъ хлопочетъ
Съ мѣрою въ амбарѣ,
Хлѣбъ везти онъ хочетъ
Къ торгу на базарѣ.
Ужь и жатва близко...
Стало быть, рѣшенье
Янкино безъ риска,—
Нынче-жъ воскресенье!

Время-то плохое:
Въ деньгахъ, вишь, нехватка,
Въ домѣ все съѣстное
Вышло до остатка.
Соль ужь по сосѣдкамъ
Занимаетъ женка;
Требуется дѣткамъ
Новая книжонка.
Вотъ-то за слезами
Будетъ восхищенье!
Дѣточки! Богъ съ вами,
Нынче воскресенье!

Янка примостился,
Тронулъ лошаденку;
Дѣтскій рой пустился
За отцомъ въ догонку.
У креста, за логомъ,
Сдѣланъ краткій роздыхъ...

«Съ Богомъ, тятька, съ Богомъ!»
Огласился воздухъ.
Стали всѣ креститься;
Дружно ихъ моленье—
И когда-жъ молиться,
Какъ не въ воскресенье!

А пока несутся
Къ небу тѣ моленья,
Съ колокольни льются
Полные томленья
Звуки; но средь звона
Ловитъ слухъ невинный
Что-то въ родѣ стона,
Точно крикъ совиный.
Кто бродягу ночи
Вызвалъ на смущенье?
Солнце свѣтитъ въ очи,
Нынче воскресенье!

II.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ЯНКИ СЪ БАЗАРА.

Я порядкомъ подпилъ:
Выпилъ чарку съ устатку,
А другую хватилъ
Съ землякомъ... для порядку;

После третьей—хоть плачь,
Ужъ и кварты мнѣ мало,
И въ башкѣ засвистало...
Жги, родимая, вскачь!

Прочь съ дороги,—я пьянъ!
Барамъ стыдно кафтана,
Но у Янки кафтанъ
Почестнѣй, чѣмъ у пана;
Не поднять бы вамъ плачь
На Судилищѣ Страшномъ
Въ вашемъ платьѣ прекрасномъ?..
Жги, родимая, вскачь!

На дорогѣ шинокъ,—
Покурить не мѣшаетъ;
Только я за порогъ—
Глядь, а чортъ мнѣ киваетъ
Изъ-за печи, хоть плачь:
«Выпей! Будетъ здорово!»
Что-жъ, разумное слово...
Жги, родимая, вскачь!

Плачь, не плачь тамъ жена,
А поѣсть и безъ соли!
Дорога ей цѣна,
Такъ терпи противъ воли!

Дѣти тоже, хоть плачь,
Посидятъ и безъ книжки:
Чтò ихъ смыслятъ умишки?
Жги, родимая, вскачь!

Хоть читай, не читай,
Все мужикъ оставайся;
Шесть дней шею сгибай,
На седьмой напивайся,
И ужь плачь тамъ, не плачь—
Угодишь, братъ, въ солдаты;
А казармы—не хаты...
Жги, родимая, вскачь!

Крестъ... Прости мнѣ, Господь!..
Такъ меня и шатаетъ...
Я вѣдь теменъ,—а плоть
Бѣсъ хитро искушаетъ!
Кто же, слыша мой плачь,
Дастъ совѣтъ мнѣ безъ шутокъ?
Кто устроитъ малютокъ?..
Жги, родимая, вскачь!

Громъ... блеснуло вдали...
Знать, сосну расщепало...
Лучше-бъ молніи жгли
Кабаки... Эхъ! не мало,

Намъ на горе и плачь,
На мужичью заботу,
Развелось ихъ... безъ счету!
Жги, родимая, вскачь!

Вотъ и хаты... ну, такъ;
Конь на сѣно польстился,
Дернулъ такъ онъ, чудакъ,
Что я съ возу свалился.
Мнѣ не встать, хоть ты плачь,
А нечистый съ рогами
Радъ—скрежещетъ зубами...
А! пошла-таки вскачь!

III.

ВОПЛЬ АРЕНДАТОРА.

Янка!.. Пьяный, какъ стелька...
Спитъ во рву, какъ свинья.
Незавидна постелька
Для воскреснаго дня!
Выпить въ праздникъ здорово;
Но вѣдь пилъ ты, злодѣй,
Не въ арендѣ моей,
А хлесталъ у чужого,

Заѣдая мой грошъ...
Да вѣдь это грабежъ!

Чѣмъ же я-то жить стану?
Не разбойникъ ли ты?!
Вы—воруй изъ карману,
Я—аренду плати.
Кромѣ всяческихъ взятокъ,
Ты сочти: у меня
Двѣ коровы, жена,
Да двѣнадцать ребятокъ,—
Не нагимъ же пойдешь?
Да вѣдь это грабежъ!

У меня, вонъ, орава
Козъ, барановъ, коней...
И контрактъ не забава—
Тоже стоитъ рублей.
Въ немъ написано свято,
Хоть и въ краткихъ словахъ:
«У меня въ кабакахъ
Пить должны вы, ребята...»
Развѣ, пьяный, ты пьешь?
Да вѣдь это грабежъ!

Есть тамъ пунктъ и построже:
«Кто-бъ ты ни былъ такой,

«Сохрани тебя Боже
«Пить въ арендѣ чужой;
«Кто же пьетъ въ нарушенье
«Пункта этого, тотъ
«Штрафъ тройной отдаетъ,
«Хоть бы пилъ въ воскресенье,
«Хоть бы выпилъ на грошъ»...
Да вѣдь это грабежъ!

На, читай-ка съ пропою!
Эхъ! башка-то темна...
Поутру ты съ собою
Взялъ двѣ мѣрки зерна,
Везъ горохъ для базару—
Все вѣдь деньги оно...
Ну, конечно, грѣшно
И не вспрыснуть товару,
Не стою я за грошъ,
Хоть и это грабежъ!

Но остатокъ... какъ другу,
Мнѣ ты, Янка, пропей;
Сволоку ужь пьянчугу
До корчмы я своей.
Встань! Не то мы видали.
Гдѣ кошель-то?... Ну, вотъ...
Ахъ, ты пьяница-скотъ!..
Вѣдь тебя обокрали!!

Вотъ и скапливай грошъ...
Да вѣдь это грабежъ!

Ну... что дѣлать! Случайность...
Ужь бы лучше пропить...
Вижу, братецъ, что крайность,
Стоитъ духъ подкрѣпить.
Человѣкъ-то ты слабый,
Выпей въ долгъ ужь—не вой;
Но не суйся домой:
Поругаешься съ бабой
И какъ-разъ заведешь
Съ ней разбой и грабежъ!

IV.

ВЕЧЕРЪ.

Клонитъ къ нѣгѣ сонной
    На лугахъ цвѣты;
Вечеръ благовонной
    Полонъ теплоты;
Превративъ въ сіянье
    Тучь зловѣщій видъ,
Солнце на прощанье
    Крыши золотитъ;
Огонекъ мелькаетъ
    Въ хаткахъ, бросивъ тѣнь,—

Такъ село кончаетъ
Свой воскресный день.

Бодрое подходитъ
Стадо на покой...
Звукъ свирѣль выводитъ
Радостный такой!
Вонъ кузнечикъ скачетъ
Межъ душистыхъ травъ.
А молодка плачетъ,
Ко кресту припавъ.
Видѣло селенье,
Сколько мукъ у ней;
Горькій въ воскресенье
Выпалъ вечеръ ей!

Гдѣ-то раздается
Скрипки пьяный тонъ,
Съ колокольни льется
Похоронный звонъ...
Для кого онъ, Янка?
Можетъ, для тебя!
Утромъ шла гулянка, —
Божьяго раба
Вечеромъ придется,
Можетъ, обмывать...
Богъ вѣсть, кто дождется
Праздника опять!

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ.

Беседа съ самимъ собою.

Вижу я, зорька алѣетъ нарядно,
Думаю: ладно!
Вызвала горькій комедія эта
Смѣхъ у поэта!
Я воробей, ужь пожившій на свѣтѣ,
Все мнѣ въ примѣтѣ;
Много ужь, много я въ жизни видалъ ихъ,
Зорекъ-то алыхъ.

На небѣ ясномъ, иль въ облакѣ мглистомъ,
Вся въ золотистомъ,
Въ радужномъ блескѣ выходитъ утрами
Зорька надъ нами;
Много сулитъ она міру утѣхи,
Ради потѣхи.
Э! да вѣдь это—кокетка, что часто
Лжетъ, да и баста!

Юноша вѣритъ, что блага съ зарею
Хлынутъ рѣкою:

«Дѣдушка, право, увидишь ты, вскорѣ
Минетъ все горе!»
Снова надежды и вновь обѣщанья
Дней ликованья, —
Ждать ихъ такъ долго, съ тоскою упорной...
Рабъ я покорный!

Вонъ ужь уходитъ, пристыженно-злое,
Въ землю былое;
Радугой блазнится вѣкъ небывалый,—
Вѣрь имъ, пожалуй!
Тѣшитъ и зорька, въ минуту иную,
Душу больную;
Яркое-жъ солнце съ тепломъ и лучами—
Тамъ, за горами!

Знаю я радугу... къ ясной погодѣ!!
Вѣрятъ въ народѣ!
Хоть подъ горой и сбираются въ кучи—
Темныя тучи.
Ну, а какъ туча (что часто бываетъ)
Шутку сыграетъ:
Грянетъ, да смочитъ зѣвакамъ одежды,—
Вотъ и надежды!

А календарь увѣряетъ солидно:
«Бурь, молъ, не видно».

Счастливъ, кто нынѣ, по старымъ преданьямъ,
Вѣритъ гаданьямъ!
Что это!.. пусть бы не смыслила пресса
Въ томъ ни бельмеса,
Но и въ Бердичевѣ, слышу я, даже
Врутъ еще глаже.

Доля моя ты! съ тобой намъ не мало
Мукъ перепало!
Солнца хочу я,—а въ звѣздныя сферы
Нѣтъ во мнѣ вѣры...
Пусть ихъ на вербѣ невинныя души
Видятъ хоть груши,
Пусть ихъ зефиры по нивамъ рѣзвятся,—
Мнѣ вѣдь не гнаться!

ИЛЛЮМИНАЦІЯ.

Воспоминаніе по случаю дождя.

I.

Настали осенніе дни съ вечерами—
    На скуку людскую!
Нахмурилось небо, и дождь лилъ ручьями
    На землю сухую.

По мокрому грунту повозка скрипѣла,
    Хандру нагоняя;
Богъ вѣсть, почему-то и мной овладѣла
    Тоска гробовая!

Какъ вѣтеръ осенній, что мечется въ полѣ
    Съ березы на елку,
Такъ точно и мысль иногда по неволѣ
    Гуляетъ безъ толку.

Мечталось о прошломъ—и думы, какъ птицы,
    Слеталися въ стаю,—
И капля дождя ли скатилась съ рѣсницы,
    Слеза ли?—не знаю.

Чтобъ слезъ не стыдиться, я, вѣки сомкнувши,
Бесѣдовать съ тьмою,—
И образъ забытый, далекій, минувшій
Возсталъ предо мною.

II.

Когда-то, давно ужь, какъ въ эту же пору,
Стояло ненастье;
Но только, въ то время, все шло еще въ гору—
И радость, и счастье.

Затѣяли ѣхать по слякоти этой
Друзья на охоту;
И я, хоть и не былъ охотникъ отпѣтый,
Поѣхалъ для счету.

Собрался я мигомъ и взялъ для порядку
Что нужно въ дорогу:
Взялъ книжку, табакъ, карандашъ, да тетрадку—
Всего по немногу.

И съ дружескимъ хохотомъ въ путь мы пустились,
Бесѣдуя мило;
А ѣхать до мѣста, гдѣ звѣри водились,
Верстъ пять-таки было.

Промокли до нитки и ружья смочили;
Лил дождь, как из кадки...
За то уж и как мы радёхоньки были,
Приставши у хатки!

Там егерь устроил нам ужин приличный
И высушил платье;
Когда же хватил он из фляжки обычной,—
Мы стали, как братья.

Старушка-хозяйка, больная, но все же
Красивая станом,
О князѣ несвижском без умолку тоже
Плела чудеса нам.

Своими глазами она их видала
С пеленок, дитею,
Когда Станислав еще Август, бывало,
Гостил там порою.

Ей чужд был дух вѣка, и в ней, против воли,
Лишь прошлое жило...
Одним из разсказов старушка до боли
Меня поразила.

Он прост, но его пропитала слезами
Былая утрата;
Я вам передам его тѣми словами,
Как слышал когда-то.

III.

«Да что ужь! Подобнаго князя едва ли
Отыщешь другого!
Не слышали уши, глаза не видали
Богатства такого!

Ляховичъ, Буковскій, Шибицкій Василій
Живутъ и понынѣ:
Пускай-ка разскажутъ, въ какой они жили
Тогда благостынѣ.

Ужь вотъ-то поѣли! и пили же люто!
А хоры-то, хоры?!
Какіе, бывало, самъ князь во хмѣлю-то
Разводитъ узоры!

Дурятъ вѣдь съ богатства, сказать между нами,
Большіе вельможи;
А ты-то, бѣднякъ, и платися слезами,
И лѣзь имъ изъ кожи!

IV.

«Случилося это... чтобъ вамъ не солгать бы,
Хоть такъ передамъ ужь:
Какъ-разъ черезъ годъ съ небольшимъ послѣ свадьбы,
Какъ вышла я замужъ.

А жили мы съ мужемъ въ нуждѣ да истомѣ,
Лишь сыты да здравы...
Онъ дворникомъ былъ при Ароновомъ домѣ,
У Слуцкой заставы.

Въ Несвижѣ справляли день Карла Святого
Особенно пышно:
Самъ князь имянинникъ,—и съѣзду такого
Нигдѣ, чай, не слышно.

Мой мужъ... не припомню, уѣхалъ куда-то...
Ахъ, да!.. за мукою;
А Богъ наградилъ насъ, его и меня-то,
Въ то время дитею.

Родился сыночекъ... съ отцомъ они были
Двѣ ягодки въ полѣ;
Въ честь дѣда, Антономъ дитя окрестили
Въ приходскомъ костёлѣ.

Ну, золото-мальчикъ! Позднѣйшія дѣти
Не то уже были...
Теперь отъ него не осталось на свѣтѣ,
Пожалуй, и пыли.

И жилъ бы онъ, можетъ... да князя не кстати
Случись имянины;
А тутъ еще оспа пристала къ дитяти,—
Ужь дѣло судьбины.

Но, видите, оспа не очень сурова
Къ малюткѣ была бы,
Да вышелъ приказъ, чтобъ на Карла святого
Я факелы жгла бы.

Весь замокъ, всѣ окна сіяли огнями,
Народу—кишѣло;
Самъ ректоръ ракеты своими руками
Пускалъ, какъ стемнѣло.

Иголку, и ту бы при плошкахъ сыскали:
Такой былъ огнище;
А факелы, я ужь сказала, пылали
При каждомъ жилищѣ.

Для факеловъ этихъ вкопали, мой милый,
Столбы у забору,—
И тутъ ужь всѣ дворники, общею силой,
Потѣли въ ту пору.

А мнѣ-то вотъ горе! я факелъ съ смолою
Зажечь опоздала:
Водилась ужь долго съ больнымъ-то дитею,
Его все качала.

И помню, что пбдъ-гору наше жилище
Стояло немножко.
Изъ ратуши парень во весь кулачище
Стучался въ окошко.

«Эй, дворникъ! копайся!» кричалъ онъ, и звонко
Стекло затрещало.
Не знаю, идти ли, качать ли ребенка—
Совсѣмъ одичала.

Тамъ свѣту по горло, а тутъ передъ смертью
Дитя я покину!
Вбѣжалъ это въ избу посыльный, и плетью
Огрѣлъ меня въ спину.

Бѣгу я, шальная... а вѣтеръ ужасный—
И гаснетъ мой пламень;
Въ окно заглянула: тамъ крошка несчастный
Хладѣетъ, какъ камень.

Кричитъ онъ и весь почернѣлъ отъ натуги,
И я чуть не вою:
Вбѣжала бы въ избу, да ратуши слуги
Стоятъ за спиною.

Раздула я факелъ,—а вѣтра-то пуще
Порывы несутся!
Посыльный торопитъ, а дворники злюще
Глядятъ да смѣются!

И, горько заплакавъ, какъ будто нарочно
Я стала смѣлѣе:
Огни запылали,—а мальчикъ мой точно
Кричитъ все сильнѣе.

Забрался, вишь, вѣтеръ сквозь свѣжія щели
Къ ребенку на ложе,
А съ вѣтромъ и смерть подошла къ колыбели...
О, Боже мой! Боже!

Но связаны были и ноги, и руки
Мнѣ барской потѣхой...
Ужь въ полночь изъ замка послышались звуки,
Какъ выстрѣловъ эхо.

Тамъ «многія лѣта» желали вельможѣ
Веселые люди;
А въ хатѣ дитя коченѣло на ложѣ...
Безъ материей груди!

Народу-то выставилъ бочки большія
Князь меду тройного,
Такъ въ ратушу шли и мѣщане сѣдые
За чаркой хмѣльного.

И вотъ, какъ вельможной семьѣ загрѣли:
«На многія лѣта!»—
Вернулась и я къ дорогой колыбели...
Нѣмой, безъ привѣта!

А утромъ, когда еще всѣ вспоминали
Вчерашнія шутки,
Несла я на кладбище гробикъ, въ печали
По миломъ малюткѣ.

И все-то я помню тѣ звуки глухіе,
И крики въ тѣхъ звукахъ,
И сморщенный лобикъ, и ручки худыя,
Застывшія въ мукахъ.

Скончался... никто не избѣгнетъ судьбины,—
Ее и вини же!
А шумно справляли подчасъ имянины
Въ роскошномъ Несвижѣ...»

ДОКУМЕНТЫ.

Разсказъ бабушки-трубки.

I.

На селѣ, въ избѣ живетъ
Бабка старая, сѣдая;
Куритъ трубочку—такъ вотъ
Ей и кличка ужъ такая.

Ликъ почтенный—хоть пиши;
Слушать весело бываетъ,
Къ комельку присѣвъ въ тиши,
Какъ она прядетъ-болтаетъ.

Все ей въ память... Разъ, она
Изложила, какъ на планѣ,
Что всѣ звѣри издавна
Были знатные дворяне.

Левъ ужъ искони межъ нихъ
Королемъ считался гласно:
Жралъ онъ подданныхъ своихъ,
Конституціи согласно...

Волкъ былъ графъ, медвѣдь—баронъ,
А лиса—въ придворномъ чинѣ;
Блюлъ за жизнью сихъ персонъ
Левъ сквозь когти... по рутинѣ.

И другихъ звѣрей въ чинахъ
Обрѣталося не мало, —
Все, конечно, въ пухъ и прахъ
Ѣло, пило и гуляло.

Съ задираніемъ головъ
Шло у этихъ пустодомовъ
И сдиранье шкуръ съ ословъ...
На пергаментъ для дипломовъ.

Только мышь, въ норѣ сидя,
Иль трудясь въ амбарѣ тяжко,
Нелегальной, какъ всегда,
Оставалася, бѣдняжка.

Но на барщину не шла
И подушныхъ не платила,
Такъ что—въ нуждѣ хоть жила—
Не особенно тужила;

А хозяйственную часть
По чуланамъ исправляя,
Ѣла весело и всласть,
Какъ дворянка столбовая.

II.

Межъ пріятелями разъ
Такъ медвѣдь разговорился:
—«Хорошо тому изъ насъ,
Кто дипломомъ заручился!

«Но зимой, когда пластомъ
«Сонъ въ берлогѣ насъ уложитъ,
«Не съ собой же класть дипломъ:
«Сгнить отъ сырости онъ можетъ!

«Волкъ! пріятель дорогой!
«Я просить по дружбѣ стану:
«У тебя дипломъ есть свой,
«Такъ возьми и мой въ охрану.»

—«Не могу», отвѣтилъ волкъ: —
«Я вѣдь все рыщу за домомъ,
«Самому не взять мнѣ въ толкъ,
«Какъ быть съ собственнымъ дипломомъ.

«Я вотъ долженъ, напримѣръ,
«Наблюдать овецъ надъ жнивомъ:
«Разсуди ты самъ, mon cher,
«До возни ли тутъ... съ архивомъ?

«Вонъ лиса,—такъ той резонъ
«Услужить вельможѣ-звѣрю:
«Ты ей свой дипломъ, баронъ,
«Поручи, я—мой новѣрю.»

— «Ну, васъ!» крикнула лиса: —
«Мнѣ заботиться объ этомъ!
«Я и такъ измучусь вся,
«Судъ у куръ чиня съ разсвѣтомъ...

«Отъ села и до села
«Изъ-за ихъ ты рыскай спора:
«Охъ, куда какъ тяжела
«Должность... должность прокурора!»

— «Если такъ», замѣтилъ волкъ,—
«Помѣстимъ архивъ въ канурѣ:
«Пёсъ въ охранѣ знаетъ толкъ,
«Онъ вѣдь сторожъ по натурѣ!»

И дипломы, кончивъ рѣчь,
Отдалъ волкъ на рискъ собрата;
Пёсъ поклялся ихъ сберечь,
А собачье слово—свято.

Но тревога изъ-за нихъ
Надоѣла псиной груди:
— «Что мнѣ дѣлать, если ихъ
«У меня украдутъ люди?

«Эти вещи имъ вѣдь въ сласть:
«Не о чести ихъ забота,
«Но въ бароны вдругъ попасть,
«Или въ графы—всѣмъ охота.

«Даже чинъ собачій мой
«Соблазнить бы могъ иного:—
«Коль дрожишь за титулъ свой,
«Такъ ужь тутъ не до чужого!

«Дай, къ коту направлю путь:
«Въ немъ—энергіи излишекъ,—
«Пусть за печкой гдѣ нибудь
«Онъ ихъ спрячетъ отъ людишекъ.»

И отъ пса услышалъ котъ:
—«На, храни на пользу края
«Память предковъ,—что-де вотъ
«Мы не шушера какая.

«Сверхъ написаннаго тутъ
«Въ мірѣ нѣтъ сокровищъ краше;
«Всѣхъ насъ въ рекруты возьмутъ,
«Коль дворянство сгинетъ наше.»

Котъ, душой не покививъ,
Просьбу выполнилъ собратій:
На чердакъ онъ снесъ архивъ
Родовой звѣриной знати.

Но ужь нѣженкѣ ли быть
Архиваріусомъ истымъ?
Надо мордочку помыть,
Надо хвостъ держать пушистымъ;

Надо къ барышнѣ вспрыгнуть,
Заслужить ея улыбку,
Тамъ—на солнышко взглянуть,
Здѣсь—на жареную рыбку;

Надо выгнуться дугой,
А потомъ, глядишь, обѣдать...
Нѣтъ минуты ни одной,
Чтобъ пойти архивъ навѣдать.

Ужь зима минула такъ...
Мышь, давно не ѣвши сыто,
Зяглянула на чердакъ,
Какъ въ амбарѣ вышло жито,—

И отъ счастья замерла,
Чуть геральдику узрѣла:
Кожу жесткую осла
Голодъ вмигъ одобрилъ смѣло.

Собрались на этотъ пиръ
Мыши цѣлыми семьями —
И латинскій ветхій міръ
Затрещалъ подъ ихъ зубками.

Ни одинъ зоилъ съ вѣковъ
Не ярился такъ отпѣто,
Разбирая томъ стиховъ
Неизвѣстнаго поэта,—

Какъ тѣ мыши впопыхахъ
Грызли сласти фанфаронства...
Превратились въ жалкій прахъ
Мигомъ графства и баронства.

Даже сгинулъ пса дипломъ
Въ ихъ прожорливой утробѣ,—
И при варварствѣ такомъ
Застоналъ Папроцкій *) въ гробѣ.

Но въ защиту тѣхъ мышей
Вся риторика: едва ли
Отъ кого въ норѣ своей
Про дипломъ онѣ слыхали?

И винить ихъ въ томъ смѣшно,
Въ чемъ нѣтъ умысла нисколько:
Тутъ невѣжество одно
Фигурировало только.

*) Извѣстный знатокъ польской геральдики.

Примѣч. переводч.

III.

Еслибъ съ неба камень палъ,
Онъ не могъ бы такъ ударить,
Какъ звѣрей приказъ засталъ—
Доказательства представить:

Кто таковъ ты? кѣмъ рожденъ?
Кто твой прадѣдъ былъ? Да, кстати,
Какъ тобой пріобрѣтенъ
Гербъ такой-то на печати?

Коль приказано, такъ тутъ
Представляй ужь аргументы ..
Звѣри—къ псу, и всѣ орутъ:
—«Подавай намъ документы!»

Пёсъ стремглавъ къ коту бѣжитъ;
Тотъ, въ то время, чуждъ движенью,
Взоръ, какъ нѣжный сибаритъ,
Тѣшилъ собственною тѣнью.

На чердакъ спѣшатъ... вошли—
И съ отчанья взревѣли:
Лишь клочки одни въ пыли
Отъ дипломовъ уцѣлѣли!

Стало холодно друзьямъ...
Котъ, съ испугу—ужь на крышѣ;
Песъ летитъ сказать звѣрямъ,
Что надѣлали имъ мыши.

Услыхалъ медвѣдь—реветъ,
Лупитъ шерсть съ своей особы,
Проклинаетъ псиный родъ—
Такъ, что дрогнули трущобы.

Мигомъ пса онъ въ когти сгребъ,
И пришлось бы плохо псишкѣ,
Еслибъ тотъ—зубами хлопъ—
Не вцѣпился въ горло Мишкѣ.

Кровь смочила мураву...
Песъ, исходъ предвидя схватки,
Какъ рванется, да въ траву—
И удралъ во всѣ лопатки.

Вдругъ онъ волка повстрѣчалъ;
Тотъ грабежъ чинилъ усердно,
Но, услышавъ про скандалъ,
Лишь завылъ немилосердно.

Такъ былъ стращенъ этотъ вой,
Точно вопль отъ жгучей раны,
Что блеяли той порой
На седьмомъ селѣ бараны.

И друзья споконъ вѣковъ,
Какъ враги, сцѣпились яро,
Съ пастью пасть,—отъ пса зубовъ
Растянулся волкъ поджарый.

Что потомъ? Потомъ подъ-рядъ
Всѣхъ звѣрей переписали;
Въ податной они окладъ
Вмѣстѣ съ женами попали.

Стали гнать вездѣ звѣрей—
И въ лѣсахъ, и въ чистомъ полѣ;
Песъ изъ вольныхъ сторожей
Караульнымъ сталъ въ неволѣ.

Угодилъ онъ на цѣпь, шутъ,
А вѣдь прежде, какъ толкуютъ,
Могъ сослаться на статутъ:
«Безъ суда не арестуютъ».

Обмужичилось звѣрье
Подъ людской уздой и клеткой—
И его, чтобъ взять свое,
Даже спаивали водкой.

Песъ на сворѣ сталъ ходить
И, за лакомства крупицу,
Началъ яростно слѣдить
Волка, Мишку и лисицу.

Открывая смертный бой,
Звѣри, вспомнивъ про патенты,
Издаютъ протяжный вой:
—«Подавай намъ документы!»

Чуетъ песъ, что это срамъ,
Что собратья близки сердцу,—
Ужь за то же онъ котамъ
И закатываетъ перцу!

И отъ пса куда бы котъ
Ни удралъ,—во слѣдъ бродяги
Только мрачно лаетъ тотъ:
—«Подавай, злодѣй, бумаги!»

Васька фыркаетъ, дрожитъ,
Шерсть ерошитъ величаво,
А потомъ, разбойникъ, мститъ
Всѣмъ звѣрямъ за то кроваво.

Вотъ съ тѣхъ поръ и рознь идетъ,
И борьба между звѣрями:
Волкъ, собака, мышь и котъ
Стали злѣйшими врагами.

Что ихъ можетъ человѣкъ
Примирить—сочтемъ за сказку:
Рабство дало имъ на вѣкъ
Ту кровавую развязку..

РЫЦАРЬ НА СТРАЖѢ.

Геральдическое преданіе.

I.

Въ Польшѣ, какъ царствовалъ Лешекъ въ ней Бѣлый,
Въ годы кровавыхъ расправъ за удѣлы,
Жилъ—говоритъ вѣковая былина—
Рыцарь Белина.

Гербъ его старъ былъ, какъ міръ подъ луною:
Рыцарскій шлемъ съ отсѣченной рукою,
Мечъ со крестомъ и подковы изъ стали
То подтверждали.

Рыцарь природный, хоть мягкой натуры,
Все же не минулъ онъ воинской шкуры,
Чуть лишь сѣкиры усвоилъ пріемы—
Такъ, какъ перо мы.

Если къ тому же придать на услугу
Кованный панцырь, копье и кольчугу,
Съ перьями шлемъ и стальное забрало—
Страшно бы стало!

Конь его ратный, мечтавшій о кормѣ,
Тоже былъ въ бляхахъ, по рыцарской формѣ;
Сѣдла, чепракъ и нагрудникъ—отъ стали
Такъ и блистали.

Рыцарей доля, извѣстно, какая,—
Лучше-жъ прикрыться, бѣды избѣгая:
Мечъ ли, копье ли ударитъ съ размаха—
Выдержитъ бляха.

Только, къ несчастью, коль сердце тревожно,
Бляхой сковать его врядъ ли возможно,
Да и подъ этой броней оно все же
Труситъ вѣдь тоже.

Впрочемъ, судя о вещахъ безпристрастно,
Рыцаря служба не такъ ужъ опасна:
Можно въ минуту рискованной схватки
Дернуть и «въ-прятки»;

А при побѣдѣ, когда на добычу
Право приноситъ военный обычай,
Выйти впередъ и хватать, при удачѣ,
Что побогаче.

Этимъ манеромъ, хоть нагло и грубо,
Славу и сумку наполнишь сугубо,
Если, вдобавокъ, способенъ съ излишкомъ
Быть хвастунишкомъ.

Такъ и Белина справлялъ свое дѣло,
Будучи опытенъ въ службѣ, и смѣло
Бралъ на себя хотя крошечку славы
Всякой расправы.

Правда, онъ сзади сражался, бывало,
Правда, онъ трусилъ при звукахъ сигнала,—
Все-жъ выносилъ онъ, читая молитвы,
Лавры изъ битвы.

II.

Разъ, какъ поляки сводили разсчеты
Съ галицкимъ княземъ Романомъ,—ихъ роты
Гдѣ-то въ границахъ врага, предъ набѣгомъ,
Стали ночлегомъ.

Кони безъ сѣделъ паслись на привалѣ;
Воины шлемы свои поснимали
И у огня наслаждались другъ съ другомъ
Мирнымъ досугомъ.

Для соблюденья же рыцарскихъ правилъ,
Стражу начальникъ къ обозу приставилъ,
А впереди занимали другіе
Постъ часовые.

Вотъ и случилось, что холмъ на равнинѣ
Ночью пришлось караулить Белинѣ,—
Такъ ужь приказано гетманомъ было
(Какъ это мило!).

Ночью... одинъ въ караулѣ.., да въ полѣ...
Струситъ вѣдь тутъ и храбрецъ поневолѣ:
Выскочитъ разомъ, того и гляди ты,
Врагъ къ тебѣ скрытый.

Тутъ еще мѣсяцъ, на зло, изъ-за тучи
Блѣдныя очи на рыцаря пучитъ;
Съ ними и камень, и кустъ, прости Боже,
Кажутся рожей.

Лѣсъ, вонъ, къ тому же, съ своими вѣтвями,
Мысль наполняетъ невольно врагами;
Вѣтеръ качаетъ ихъ, будто нарочно—
Призраки, точно.

Ну, да и вѣтра обманчивы тоны;
Тутъ ужь не пѣшій мерещится—конный,—
Вотъ и угадывай: русскій ли скачетъ,
Вѣтеръ ли плачетъ?

Такъ размышляетъ на стражѣ Белина,
Жалуетъ гетмана въ «чортова сына»,
Молится, даромъ насилуетъ очи—
Всюду мракъ ночи!

Осенью, заяцъ—сей мученикъ глуши,
Морду поднявши и вытянувъ уши,
Слушаетъ чутко, въ любое мгновенье,
Листьевъ паденье;

Вдругъ притаится, замретъ, наблюдая,
Хоть не блѣднѣетъ (ужъ морда такая),
Но и при собственномъ звукѣ, примѣрно,
Тягу дастъ, вѣрно.

Такъ же вотъ точно и этотъ Белина:
Будь онъ не рыцарь, а просто мужчина—
Мѣсяцъ давно бы ужъ зналъ, что въ порядкѣ
Держитъ онъ пятки.

Нечего дѣлать—въ политику вдался:
—«Что это Лешекъ въ войну-то ввязался?
«Польшѣ-то будетъ, скажите, какая
«Польза большая?

«Впрочемъ... не знаю... случается всяко;
«Этакій гетманъ—несчастье, однако!
«Онъ вѣдь сюда, гдѣ навѣрно я сгину,
«Выслалъ Белину!

«Но... заглянувъ Провидѣнію въ очи...
«Міру на то и дается мракъ ночи,
«Чтобъ дворянинъ именитый, съ устатка,
«Выспался сладко.

«Я дворянинъ и поспалъ бы съ охотой...
«Ну, а какъ русскіе двинутъ пѣхотой?
«Вотъ и убьютъ... и прощай знаменитый
«Гербъ родовитый!»

Труситъ Белина, глядитъ, размышляетъ;
Сонъ ему очи все больше слипаетъ—
И ужъ храпитъ на конѣ своемъ ратномъ
Рыцарь нашъ знатно.

Судитъ во снѣ онъ мудрѣе, короче:
Сонъ вѣдь—преддверіе вѣчности-ночи,
Русскій же мигомъ спровадитъ Белину
Въ эту пучину.

Спитъ его тѣло, но духу не спится:
Грезитъ нашъ рыцарь, что лѣсъ шевелится,
Что непріятель несмѣтной толпою
Выступилъ къ бою;

Даже, что галицкій князь ужъ за горло
Держитъ его, что дыханіе сперло...
—«Рыцари, братцы! спѣшите, спѣшите!
«Рѣжутъ! Спасите!»

Крикнулъ Белина съ просонокъ—и драла;
Но спохватился: не дать ли сигнала?—
И затрубилъ онъ зловѣще средь ночи
Въ рогъ, что есть мочи.

Горы сосѣднія, лѣсъ и долины
Громко отвѣтили звукамъ Белины;
Въ войскѣ пошла суматоха безъ цѣли,
Трубы гремѣли.

—«Въ сѣдла!» скомандовалъ гетманъ сурово.
Все закипѣло кругомъ безтолково;
Кто не доищется шлема, кто сбрую
Тащитъ чужую.

Еслибъ и точно, развѣдавъ про смуту,
Врагъ заглянулъ сюда въ эту минуту—
Рыцарство все, до единой особы,
Трупомъ легло бы.

Слышитъ Велина обозныя трубы,
Говоръ товарищей рѣзкій и грубый,—
Гдѣ-жъ непріятель, скакавшій несмѣтно?
И незамѣтно!

Крестится рыцарь, протеръ себѣ очи,
Смотритъ въ бездонныя пропасти ночи:
Что-то, кажись, шевельнулося гдѣ-то—
Дерево это!!

Войско, построившись грозной стѣною,
Стало, межъ тѣмъ, ужь готовится къ бою...
Съ кѣмъ же, однако?—рѣшить трудновато:
Нѣту врага-то.

Въ полѣ гарцуютъ объѣзды ночные—
Рады врагамъ, да нейдуть никакіе;
Вмѣстѣ съ другими, и рыцарь нашъ тоже
Лезетъ изъ кожи.

Громко кричитъ онъ, что русскихъ не видно,
Могутъ, молъ, рыцари спать безобидно,—
Это ему померещилось только,
Будто ихъ столько.

Но за бѣдою приходитъ другая:
Строги законы сарматскаго края—
И, за оплошность, грозятъ они нынѣ
Смертью Белинѣ.

Стали въ нихъ рыться на скорую руку...
Плачетъ нашъ рыцарь, какъ баба отъ луку,
Смертной тревогѣ отдавши всецѣло
Храброе тѣло.

Грозный помазанникъ власти верховной
Выразилъ волю, чтобъ рыцарь виновный
Строго судимъ былъ,—и вотъ началося
Дѣло съ допроса.

Можетъ, враги подкупили Белину,
Чтобы отвелъ онъ, измѣнникъ, дружину
Фальшью коварной ночного сигнала
Прочь отъ привала?

Рыцарю—мужу правдиваго духа—
Эта неправда коробила ухо,
Такъ что онъ снова, отъ ужаса блѣдный,
Плакать сталъ, бѣдный.

И разсказалъ онъ, повергнувшись въ ноги
Бѣлому Лешку, всю тайну тревоги:
Какъ принималъ за колонны густыя—
Тѣни ночныя;

Какъ, замечтавшись на стужѣ не въ шутку,
Сномъ неповиннымъ вздремнулъ на минутку;
Какъ онъ былъ вынужденъ, мало по малу,
Грезой къ сигналу.

Слушалъ король его строго, степенно,
Слушалъ—и важность терялъ постепенно,
А при разсказѣ о грезѣ, признаться,
Началъ смѣяться.

Гетманъ и прочіе судьи Белины,
Какъ ни старались воздерживать мины,
Но, подъ конецъ, и они спасовали—
Всѣ хохотали.

Послѣ потѣшной такой передряги,
Приговоръ смертный не стоилъ бумаги,—
Ну, и король замѣнилъ его, точно,
Вотъ чѣмъ нарочно:

Снять на гербѣ у Белины подковы,
Также и руку,—чтобъ родъ его новый
Глупостью дѣлъ не ронялъ у народа
Древняго рода.

Кромѣ того, повелѣлъ онъ Белинѣ
«Лживымъ» писаться на актахъ отнынѣ,
То есть, лгуномъ, выражаясь короче—
Въ память той ночи.

Такъ его родъ и доселѣ зовется,
Старый—при старомъ гербѣ остается,
Связь имъ родная едва ли знакома—
Разныхъ два дома.

Долго, однакожъ, Белина хвастливый
Гербъ свой приписывалъ битвѣ счастливой;
Но бытовой не смутили страницы
Тѣ небылицы:

Громко идетъ приключенье смѣшное
Изъ одного поколѣнья въ другое,
Чтобы и дѣдамъ, и позднему внуку
Было въ науку.

III.

Мы—первообразовъ этихъ потомки—
Прежняго быта хранимъ лишь обломки:

Боремся мы не мечемъ, а печатью
Съ вражеской ратью.

Нынѣ, когда, отъ трудовъ отдыхая,
Спитъ человѣчество,—свѣточи края
Будятъ въ минуты его роковыя,
Какъ часовые.

Горе тебѣ, сочинитель кичливый,
Если ты ночью, какъ рыцарь трусливый,
Вызовешь смуту въ народы усталомъ
Вздорнымъ сигналомъ!

Если, въ печати, не вникнувъ нисколько
Въ то, что тебѣ померещилось только,
Будешь тревожить ты ложью вседневной
Миръ нашъ душевный!

Помни, что родина лживому сыну
Тѣмъ же грозитъ, что постигло Белину,
И хохотать надъ твоими строками
Будетъ вѣками!

МОЛЧАНІЕ ПОЭТА.

Посвящается моей семьѣ. *)

О, правда-ль, пѣснь моя—даръ лучшій межъ дарами—
Что я остылъ душой, состарѣлся мечтами?
Что скоро ты меня покинешь, имъ во слѣдъ,
Какъ бабочка цвѣтокъ, утратившій свой цвѣтъ?
Иль сердцу стать пора, взамѣнъ страданій жгучихъ,
Какъ храму ветхому—гнѣздомъ мышей летучихъ?
Разсчитывать на міръ—охъ! призрачный разсчетъ:
Какъ громъ, онъ въ щебень васъ сначала разобьетъ,
А послѣ наградитъ за пылъ неосторожный,
Счастливымъ сдѣлавъ васъ, какъ камень придорожный.
О, счастье это пусть не снится и врагу!
Я жить хочу и пѣть, борцомъ я быть могу;
Проникнутый огнемъ, хочу я всею силой
И муки чувствовать, и трепетъ сердцу милый;
Цвѣты ли подо мной, терновникъ ли,—иду
На свѣтѣ биться я, какъ рыбина на льду.

Бороться?... Ужь прошли тѣ годы молодые...
Неправда! я сберегъ порывы огневые!

---

*) Посвященіе переводчика.

Почемъ вы знаете, что старъ я? По лицу?
Не вѣрьте: то волканъ, притихнувшій къ концу;
Что гордой я къ землѣ поникнулъ головою?
То дума иль дрема гнететъ ее порою;
Что смолкла пѣсь моя?—О, знаетъ ли народъ,
Что эху надобенъ прерывъ для новыхъ нотъ!

Толпа сбѣжалася на путь мой и, ликуя,
Кричитъ, что старъ я сталъ, что пѣть ужь не могу я.
Но я могу. О, пѣснь крылатая моя!
Не допусти, чтобъ въ міръ съ позоромъ вышелъ я!
Не покидай меня!—вѣдь я киплю восторгомъ,
Достоинства пѣвца не унижалъ я торгомъ,
Касавшаяся струнъ рука моя чиста,
Потворство рабское не шло мнѣ на уста,
Не гнулъ я голову предъ сильными людями,
И смѣлыми еще въ лазурь смотрю глазами;
А мысль моя, съ пути не сбитая толпой,
Живетъ въ согласіи и съ небомъ, и съ землей...
Я Бога не хулю, тельца не обожаю,
Все доброе люблю, все злое проклинаю:
За что же старостью карать мой бодрый духъ
И нѣмотою грудь, клокочущую вслухъ?

Что я не старъ, не нѣмъ—мнѣ чувствуется живо:
Эй, пѣсни! грянемте, по прежнему, на диво!
Попробую,—громка еще ты, пѣснь моя!
Пусть лира нестройна—ее настрою я.

Мы снова грянемъ такъ, что эхо отзовется
И въ полѣ, и въ лѣсахъ, вездѣ, гдѣ сердце бьется,
Пробудитъ мирный сонъ долины и высотъ:
О! въ старческой груди нѣтъ силъ такихъ и нотъ.
Поймутъ же, наконецъ, завистливые люди,
Что мощны легкія моей невзрачной груди!

Но мало этого: въ день Страшнаго Суда,
Съ другими и пѣвца потребуютъ туда,
Гдѣ, предъ грядущими и прошлыми вѣками,
Отмѣрятъ такъ и вамъ, какъ мѣряли вы сами,
И скажутъ: «Дайте мнѣ, сыны мои, отчетъ!
На чемъ взростили вы дѣяній вашихъ плодъ?
На тучной нивѣ ли, на камнѣ ли, гдѣ птицы
Уносятъ сѣмена и жжетъ ихъ лучъ денницы?
Разцвѣлъ ли вашъ посѣвъ цвѣтами свѣтлыхъ думъ?
Иль ваши плевелы людской глушили умъ?
Гдѣ, пѣснями, до слезъ вы трогали каменья
И въ ядъ вносили змѣй способность исцѣленья?
Къ какимъ источникамъ, подъ пѣсенъ этихъ строй,
Съ овцою мирною шелъ волкъ на водопой?
Людская пѣснь не то, что птицъ веселыхъ пѣнье:
Дана вамъ власть чудесъ—и гдѣ-жъ ихъ проявленье?
Не мѣткою стрѣлой, измѣнчивой подчасъ—
Творецъ вооружилъ могучимъ словомъ васъ,
Что̀, дѣйствуя быстрѣй оружія Невмрòда,
Безъ промаха въ сердца вонзается народа.
Вы были призваны для миссіи святой,

Я ликъ вашъ озарилъ величія лучами,
Вдохнулъ я въ вашу грудь духъ власти надъ умами...
О, если не свершили миссіи вы той,
Не будетъ вамъ дано покоя ни минуты!
Не для того ли съ васъ и снялъ я рабства путы?
А вы, наемнику подобные, порой
Творили чудеса для прихоти людской—
И, расточивъ зерно, вамъ данное, безплодно,
У труженника хлѣбъ вкушали всенародно!..
Рабы лѣнивые! о, прочь вы отъ меня!
Сгарайте въ пламени душевнаго огня!»

Да, въ совѣсти моей я слышу этотъ голосъ!
Лицо горитъ стыдомъ, поднялся дыбомъ волосъ.
Ужасно быть пѣвцомъ—отвѣтственность страшна.
О, Боже! да не пью ту чашу я до дна,
Да не прельстятъ меня мечты и пѣсни снова!
Пойду работать я за пахаря любого,
Пойду пасти́ воловъ, какъ пасъ въ былые дни,
Тупой, безсмысленный, прилежный, какъ они!..

Но что я вымолвилъ!—дрожу и цѣпенѣю!
Бѣда тому, кто палъ подъ ношею своею!
Ужъ лирѣ если разъ отдался я вполнѣ,
Каковъ бы ни былъ судъ—ей мѣсто лишь при мнѣ!
Не жить мнѣ безъ нея, безъ пламеннаго слова,—
Духъ Божій! будь со мной—пою я бодро снова!

О, духъ мой творческій! о, пѣсня ты моя!
Предъ нами цѣлый міръ вопросовъ бытія,—
Не будемъ же коснѣть въ позорномъ мы застоѣ,
Поддержимъ дольше въ насъ то пламя молодое,
Что въ силахъ растопить сердецъ остывшихъ ледъ,
Хоть пусть оно намъ грудь отважную сожжетъ.
Любить все доброе, преслѣдовать все злое—
Лишь такъ дано свершить намъ чудо неземное...
И если насъ борьба подавитъ на землѣ,
Прекрасно пасть съ вѣнцомъ заслуги на челѣ!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

От автора.

ОРИГИНАЛЫ:

Изъ Владислава Сыроколи:

Бѣгичевъ. Бытъ русск. дворянина въ разн. эпох. и обст. 2 вып.	3	—
Бѣшенцовъ, А. Сказано что Азія, ром. М. 75 г.	—	75
Васильчиковъ. О самоуправленіи. 3-е изд. Спб. 72 г.	2	—
Веберъ. Знакомство съ химіей. Спб. 76 г.	1	—
Вернъ, Ж. Докторъ Оксъ. Драма въ воздухѣ. Спб. 81 г.	1	—
Вороновъ. Болото. Спб. 70 г.	1	50
Вюрцъ. Атомическая теорія. Кіевъ 83 г.	1	25
Гейне. Думы и пѣсни, пер. Мантейфеля, съ портр. авт. М. 60 г.	—	50
Гибель, К. Птицы полезн. для землед. и пр. Спб. 70 г.	—	80
Голевинскій. Объ отношен. супруговъ по имуществу. Спб.	1	25
Гофманъ. Полное собраніе сочиненій. 4 т. Спб. 74 г.	3	—
Губеръ, Э. Сочиненія. 3 т. Спб. 59 г.	4	50
Гукъ. Основныя положенія натуралистической религіи. К. 80 г.	2	—
Гюго. Театръ (Анжело, Лукреція Борджія). Спб. 69 г.	1	—
Дарвинъ. Способность растеній къ движенію. К. 82 г.	3	—
Де Виттъ. Стихотворенія. Спб. 72 г.	2	—
Длусскій. Практ. курсъ русской стенографіи. Съ 52 т. Спб. 74.	1	—
Доде, А. Жакъ. Пер. Плещеева. Изд. 2 Спб. 83 г.	2	—
Доде. Молодой Фромонъ и Рислеръ старшій, ром. Спб. 77 г.	1	10
Долгина. Фиктивный бракъ. Спб. 76 г.	1	50
Дюлонъ. Изъ Америки о школѣ вообще, о нѣм. и америк. М.	1	50
Дюма. Людовикъ XVI и революція. 2 т. Спб. 78 г.	1	60
— Ожерелье корол. Антуанеты, ром. и **Стивена**.—Вторая жена, ром. Спб. 74 г.	2	—
Жадовская. Стихотворенія. Спб. 58 г.	1	50
Женщины ученыя и учащіяся, съ франц. М. 69 г.	—	75
Зандъ. Италіянскіе артисты, пов. Спб. 52 г.	1	—
— Послѣдняя любовь, ром. Спб. 67 г.	—	75
Звѣринецъ для дѣтей. Спб. 80 г.	—	50
Зиберъ. Потребительныя общества. Кіевъ. 69 г.	—	35
Іоанновъ. О древн. стригольн. и новыхъ раскольник. Спб. 55.	1	50
Каразинъ, Н. Въ погонѣ за наживой, ром. Спб. 76 г.	3	—
Клеманъ. Леонардо да Винчи, Рафаель, Микель Анджело. Каз.	1	50
Кокъ, П. Лизокъ. М. 73 г.	1	—
Костомаровъ. Кто былъ Лжедмитрій. Истор. изслѣд. Спб. 64.	—	60
— Кремуцій Кордъ. Спб. 62 г.	—	75
Кребсъ. Сохраненіе энергіи. К. 80 г.	—	80
Кулишъ. Досвіткі. Думи и поэми. Изд. 2-е. К. 76 г.	—	80
Кушелевскій. Сѣверный полюсъ. Спб. 68 г.	2	25
Кушелевъ-Безбородко. Очерки, разсказы и пут. зам. 2 т. Спб.	2	—
Лабуле. Сказки, очерки и разсказы. 3 т. Спб. 70 г.	4	50
Левальдъ. За и противъ женщинъ. 14 писемъ. Спб. 71 г.	—	75
Лейкинъ. Шуточныя сцены. Изд. 2. Спб. 81	1	50
Ленорманъ. Рук. къ древней ист. Востока. К. 79 г.	5	—

Линевъ. Исповѣдь преступника. Изд. 2-е. См.	1	50
— . Въ пересылочной тюрьмѣ. Спб. 81 г.	2	—
— По тюрьмамъ. Спб. 78 г.	2	—
Литре. Историческiе этюды. Варвары и средн. вѣка. Од. 74 г.	2	—
Лугининъ и Яковлевъ. Сельскiя ссудосбер. товарищ. Спб. 70.	—	50
Льюисъ. Актеры и сценическое искусство. В. 76 г.	2	—
Максимовъ. Бродячая Русь. Христа ради. Спб. 77 г.	3	—
— Куль хлѣба и его похожденiя. Спб. 81 г. . . .	2	25
Марковъ, Е. Собранiе сочиненiй. 2 т. Спб. 77 г.	4	—
Марченко. Мыльные пузыри, ром. 3 ч. Спб. 58 г.	1	50
Мэкри. Американцы у себя дома. Спб. 75 г.	3	50
Милль. Владѣнiе и пользованiе землею. Спб. 71 г.	1	50
Милюковъ. Лѣтнiя поѣздки по Россiи. Спб. 74 г.	1	25
— Разсказы и путевыя воспоминанiя. Спб. 73 г. . .	1	25
Мильчевскiй. Причины вырожден. человѣка. М. 70 г. . . .	2	—
Минаевъ, Д. Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Спб. 81 г. . . .	1	—
— Людоѣды или люди 60 годовъ. Спб. 81 г.	1	—
Миттермайеръ. О сословiи адвокатовъ. Спб. 64 г.	1	—
Мордовцевъ, Д. Десятилѣтiе русскаго земства. Спб. 77 г. . .	2	—
Муравьевъ. Полн. собранiе сочиненiй. 2 т. Спб. 56 г. . . .	1	50
Н. А. Вроцкiй. Семейство Тарскихъ, ром. въ 3 ч. М. 69 г.	1	60
Надхинъ. Память о Запорожьѣ и о Запор. сѣчи. М. 77 г. . .	1	—
Немировичъ-Данченко. Въ гостяхъ. Спб. 81 г.	1	25
— Даль. Спб. 81 г.	1	25
— Крестьянское царство. Спб. 82 г. . .	2	—
Нефедовъ, Ф. Очерки и разсказы. Изд. 2-е. М. 78 г. . . .	1	50
Нигилеръ. Гимнастическая школа. Спб. 74 г.	1	—
Никитинъ, В. Жизнь заключенныхъ. Спб. 71 г.	1	50
— Многострадальные. Спб. 72 г.	1	25
Новыя сцены изъ русск. арм. и цыганск. быта. М. 81 г. .	1	—
Нуаро. Долгая жизнь и ея условiя. Спб. 76 г.	1	—
Огородниковъ. Въ странѣ свободы. Спб. 82 г.	2	50
Ожигина. Своимъ путемъ, ром. Спб. 70 г.	1	50
Окольскiй. Объ отношенiи государства къ народному образ. .	3	50
Павлова. Стихотворенiя. М. 63 г.	1	—
Павловичъ, В. Разсказы изъ русской исторiи. 9 брош. Спб.	—	96
Пальмъ, А. Больные люди. Ром. 2 т. Спб. 81 г	2	50
Первая книга для чтенiя съ картинками и прилож. азбуки. Спб.	1	50
Петровъ, П. Русскiе въ Парижѣ, ром. 2 т. Спб. 81 г. . .	2	50
Потѣхинъ, А. Крестьянка, ром. 3 ч. М.	3	—
Прейеръ. Общедост. лекцiи о чувствахъ. Спб. 73 г.	—	70
Прудонъ. Искусство, его основан. и обществ. знач. Спб. 66 г.	1	50
Пушкинъ, В. и **Веневитиновъ**. Полн. собр. сочиненiй. Спб.	1	—
Растопчинъ, Ф. Полное собр. сочиненiй. Спб. 63 г. . . .	1	—

Рашъ. Черногорія. Очерки, картинки и разсказы. М. 79 г. . .	1	—
Рекламъ. Популярная гигіена. Спб. 81 г.	2	—
Ржига. Сравн. табл. славянскихъ языковъ. Спб. 78 г. . . .	2	25
Рошфоръ. Осужденный на смерть, ром. Спб. 81 г.	1	50
Русаковъ. Самоучитель сельскаго хозяйства. М. 80 г. . . .	3	—
Русскій туркестанъ. Сбор. подъ ред. Маева и Троицкаго. 3 вып.	4	50
Рыловъ. Кожевенное производство. Изд. 2-е. Спб. 81. . . .	3	—
Саліасъ. Избушка на курьихъ ножкахъ. М.	—	60
Салмановъ. Князь Борисъ Щеглятевъ, ром. Спб. 81 г. . . .	1	80
Самоквасовъ. Исторія русскаго права. В. 78 г.	2	25
Сибиряковъ. Очерки изъ забайкальской жизни. Спб. 78 г. .	—	75
Славутинскій Повѣсти и разсказы. М. 60 г.	1	—
Смайльсъ, С. Вѣчный труженникъ. Спб.	1	50
— Характеръ. Изд. 3-е. Спб.	2	—
Соколовъ, А. Крестникъ Петра Великаго. Спб. 73 г.	1	—
— Понизовая вольница. Спб. 81 г.	1	50
Сѣдельниковъ. Турецкая компанія 1877—78. 2 т. М. 79 г.	4	—
Тангоферъ. Микроскопъ и его употребл. К. 81	1	75
Тиндаль. Очерки изъ естественныхъ наукъ. Спб. 76	1	25
Тонэнъ. Желѣзная маска. Спб. 70 г.	1	25
Траубиджъ. Жакъ Гозардъ и его приключенія. Спб. 74 г. .	1	50
Тренчъ. Очерки ирландской жизни. Спб. 73 г.	1	50
Турбинъ. Русскій Робинзонъ. Спб. 79 г.	1	75
Фиккъ А. Силы природы и ихъ соотношенія. Спб. 70 г. .	—	75
Фламаріонъ. Жители небесныхъ міровъ. Спб. 76 г.	2	50
Фогтъ, К. Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. 2 т. Спб. 66.	3	—
Фоссъ. Садоводство на открыт. воздухѣ. Спб. 65 г.	—	50
Чернолѣсовъ. Свѣтскіе люди, ром. 2 т. Спб. 73 г, ...	2	—
Шведова. Изъ физ.-географіи. Разск. для дѣтей съ 19 рис. изданіе 2. Од. 78 г.	1	—
Шорлеммеръ. Органическая химія. Изд. 2.	2	80
Эберсъ. Дочь египетскаго царя, ист. ром. Спб. 75	3	—
Эксъ. На полъ-пути. Очерки и замѣтки Спб. 74 г.	1	50
Эггеръ. Исторія книги. Спб. 81.	—	80
Эмаръ. Американскіе контробандисты, ром. Спб. 74.	2	—
Якушкинъ. Путевыя письма изъ Новгородской губерніи. Спб.	1	—
Абу. Толля Ферральди, ром. Спб. 60 г.	—	75
Автократовъ. Учебникъ психологіи. Спб. 65 г.	—	80
Агассисъ. Геологическіе очерки. Спб. 67 г.	1	50
Азбука. Руководство для родителей и наставн., желающихъ обучать чтенію и письму. Изд. «Дѣтскаго сада». Спб. 67 г.	—	25
Алешинъ. Таблицы для вычисленія % по текущимъ счетамъ.	1	75
Ауербахъ. Три единственныя дочери. Повѣсти. Спб. 75 г. . .	—	75
Баллинъ. Первая пам. кн. русск. потребительныхъ общ-въ. Спб.	—	50

Барсовъ. Историко-географ. словарь Рус. земли IX — XIV ст.	1	50
Баустъ. О причинахъ происхожденія мужскаго и женскаго потомства. Подъ редакц. профессора Ковалевскаго. Кіевъ 72 г.	—	60
Бекетовъ, Н. Изслѣдованія надъ явленіями. Харьк. 65 г. . .	1	—
Бенеке. Рук. къ восп. и ученію. Т. 1 Рук. къ восп. изд. 2.	2	50
Беренсъ, В. Начальная геометрія. Спб. 72 г.	1	60
Бидль. Жизнь мармоновъ въ Ута. Таинства, преступленія, обряды, церемоніи, многоженство и проч. Спб. 72 г . . .	2	50
Вицынъ. Смута (1608—1612). Народная быль въ 5 дѣйств. М. 67.	1	50
Врунсъ. Гальванохирургія и электролизъ. Съ 45 рис. Спб. 75 г.	5	—
Буткевичъ. Дядя Томъ или какъ жили негры. (Изъ Ясн. пол.).	—	30
Вуцковскій. Очерки административныхъ порядковъ. Спб. 74 г.	3	50
Бѣлинскій. Что такое бумажныя деньги. Харьк. 77 г. . . .	—	60
Валицкій. Теорія счетов. въ примѣн. къ народн. хозяйству.	1	—
Вейрихъ. Современ. химич. воззрѣнія. Подъ ред. Лесгафта.	—	60
Вёллеръ и Фиттихъ. Органическая химія. Справочн. книга при занятіяхъ въ лабораторіи. Спб. 71 г.	3	—
Винсловъ. Болѣзни мозга и души. Съ англ. подъ ред. Ковалевскаго. Спб. 73 г.	3	50
Виконтъ Бомонъ де-Васси. Тайныя бумаги придворнаго.	1	50
Вирховъ. Сборникъ статей: Авторитеты и школы. Механическое пониманіе жизни. Атомы и индивидуумы. Жизнь крови. Лихорадка. О питаніи мясомъ. О выборѣ одежды. Какъ растетъ человѣкъ. О воспитаніи женщинъ. Харьк. 65 г.	1	—
— Ученіе о трихинахъ съ рис. и таблицей. Спб. 64 г.	—	40
— Целлюлярная патологія. М. 66 г.	3	—
— Четыре лекціи. О жизни и болѣзн. состоян. Спб. 66.	—	50
Гадзяцкая. Игра въ школу. Спб. 72 г.	—	50
Гексли. Сравнительная анатомія. Спб. 65 г.	2	50
Герлингъ. Гигіеническіе совѣты. Рук. къ здор. восп. дѣтей.	1	—
Герцоговинское возстаніе и восточн. вопросъ. Спб. 76 г. .	1	—
Гиппо. Общественное образованіе въ Германіи. Спб. 74 г. . .	1	50
Гирсъ. Записки военнаго. Беллетр. очер. Спб. 73 г.	1	60
Гирцель. Горное масло и его продукты, съ 15 рис. Спб. 65 г.	—	80
Голицынъ. Прошедшее и настоящее. Спб. 72 г.	1	—
Голохвастовъ. Алеша Поповичъ. М. 60 г.	1	—
Гольцендорфъ. Положеніе правосудія во Франціи. Спб. 65 г.	—	40
Гоппе. Постукиваніе и выслушиваніе. Спб. 66 г.	—	35
Дамскій гардеробъ. Теорія, принципы, стиль одежды и пр.	—	40
Данквартъ. Гражданское право и общественная экономія съ предисл. В. Рошера Спб. 66 г.	1	—
Дебольскій. Ученіе о познаніи. Спб. 70 г.	1	—
Диксонъ. Швейцарцы. Спб. 72 г.	1	25
Дружицкій. О полевыхъ раб. при изысканіяхъ для жел. дор.	—	90

Евдокимовъ. Таблицы коммерч. вычисленій. (вмѣсто 3 р.) . . 2 —
Жихаревъ. Записки современника. Дневникъ студента. Спб. 59 г. 1 25
Жуковскій, Ю Исторія полит. литерат. Спб. 70 г. . . . . . 3 —
Загадка. Сборникъ ребусовъ, шарадъ, загадокъ и проч. Спб. 72. — 75
Ингуловъ. Тропинки жизни. 2 вып. Одесса 74 г. . . . . . . — 60
Іюльская. Дружёкъ. Чтеніе для малолѣтнихъ съ карт. Спб. 73. 1 40
Кавелинъ. Историческое разв. порядка русск. законнаго наслѣдованія и сравненіе теперешняго русск законодательства съ римскимъ, французскимъ и прусскимъ. Спб. 60 г. . . — 50
Кандауровъ. Разумные и безумные. Спб. 73 г. . . . . 1 —
Каррель. Исторія Контръ-революціи въ Англіи. Спб. 65 г. . 1 75
(Кашпиревъ?) Литературное завѣщаніе Ѳомы Дикобразова. Спб. — 40
Карѣевъ и Черновъ. Таблицы для облегченія вычисленій. Карманная книжка для техниковъ съ политипаж. Спб. 67 г. 3 —
Колласъ. Исторія Турціи. Спб. 82 г. . . . . — 75
Колачекъ. Положеніе женщинъ въ Америкѣ. Спб. 66 г. . . — 50
Костомаровъ. О значеніи критическихъ трудовъ Аксакова. — 20
Краткій курсъ политической экономіи (съ указаніемъ литературы предм. и спорныхъ эконом. положеній) 2 вып Спб. 1 35
Лейкинъ. Сцены изъ купеческаго быта. Спб. 71 г. . . . . 1 —
Либихъ. Баконъ Веруламскій и методъ естествозн. Спб. 66 г. — 30
Лизварская. Письма о воспитаніи. Спб. 66 г. . . . . — 30
Лишинъ. Деревянныя чешуйчатыя крыши. Спб 72 г. . . . . — 75
— Опытъ опредѣленія нашихъ коневыхъ средствъ. Спб. — 30
Максимовъ. Разсказы изъ исторіи старообрядства. Спб. 77 г. — 75
Мерсье. Основанія нравственности и полит. экономіи. М. 60 г. — 50
Милюковъ. Отголоски на литературныя и общественн. явленія. Русская апатія и нѣмецкая дѣят. (Обломовъ Гончарова). Современная героическая поэма. (Мертвыя души Гоголя). Петровскій переворотъ. Мертвыя души большаго свѣта. (Въ ожиданіи лучшаго Крестовскаго). Публичныя лекціи при Акад. наукъ. Преступники и несчастные. (Записки изъ мертваго дома Достоевскаго). Наша историческая драма. Вопросъ о малороссійской литературѣ. Сынъ дьячка и купеческая дочка. Поэтъ славянизма (Стихотв. Хомякова). Мертвое море и взбаламученное море (Писемскаго). Бурса въ школѣ и литературѣ (Очерки бурсы Помяловскаго) Родина скептицизма. Спб. 75 г. 1 75
Минаевъ, Д. Пѣсни и сатиры и комед. Либералъ. Спб. 73 г. 1 50
Мордовцевъ, Д. О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в — 75
Наумовъ. Дополненіе къ толков. словарю Даля. Спб. 74 г. . — 25
Нисселовичъ. Биржа, биржевыя устан. и мѣры къ обезпеч. биржевой игры. (Удостоено С.-Петерб. Универс. золотой медали). Спб. 79 г. . . . . 1 —

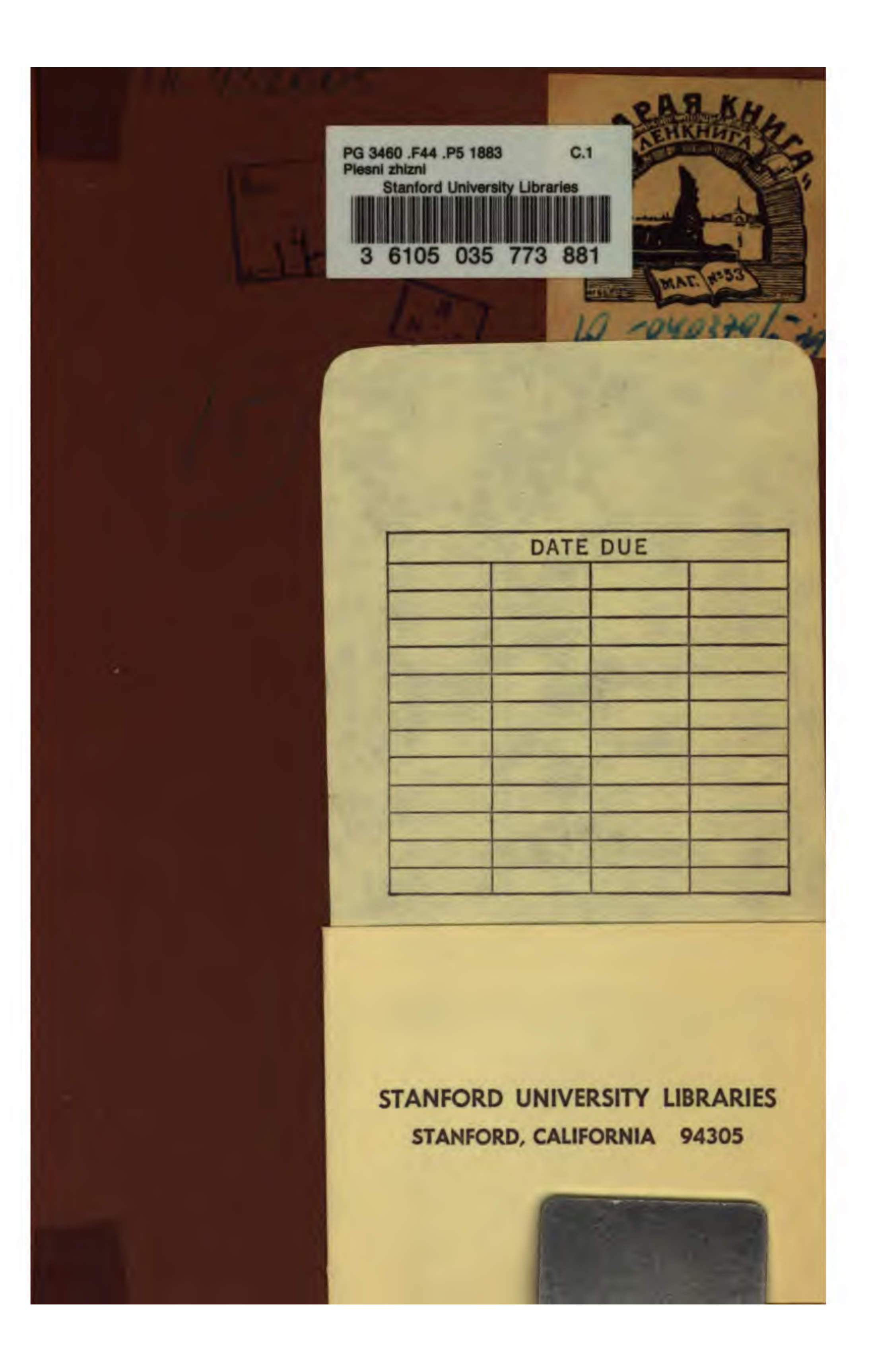
Общество земледѣльческихъ колон. и ремеслен npiют. Спб. 76. — 50
Околовичъ. Ремонтъ и содержаніе вагоновъ. Спб. 72 г. . . — 50
Окорокова, П. Руководство къ обученію французской грамотѣ. М. 73 г . . . . — 35
Оксъ. Дифтеритъ и другія болѣзни. Спб 83 г. . . . . . . — 50
Павловичъ, В. Исторія Греціи и Рима. Спб. 73 г. 1 25
Палаузовъ. Реформа и католич. реакція въ Венгріи. Спб. 60 г. — 75
Панютинъ Стихотворенія. Спб. 76 г . . . . 1 —
Пельтцель. Лазареты военнаго времени. Спб. 76 г. . . . . — 75
Песковъ. Сборникъ переводовъ по педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ (Т. I-й, Характеристика и зглядьі Песталоцци на воспитаніе и обученіе. Упражненія въ образованіи представленій, комбинированіи и выраженіи рѣчью. Обзоръ литературы предмета. Обученіе чтенію. Обученіе родному языку. Планъ обученія родному языку въ среднихъ школахъ. Т. II-й. Упражненія въ счисленіи Ученіе о формахъ и измѣреніи формъ въ пространствѣ. Обученіе естественной исторіи. О коллекціяхъ. Объ экскурсіяхъ. О преподаваніи естественной исторіи. Обученіе географіи. Руководство къ изученію элементарной педагогики, дидактики и методики. Школьная дисциплина. Постановка плана школьныхъ и внѣшкольн. занятій). 2 т. Спб. 72. Вмѣсто 4 р. 2 —
Пистолькорсъ. О значеніи русск. конницы. Изд 2-е. Спб. 73 г. 1 —
Политическіе романы: I. Будущее поколѣніе женщинъ *Магвайра* и II. Грядущая раса—*Олифанта*. Спб. 72 г. . . 2 —
Полицейскія постановленія иностран. госуд. 3 т. Спб. 66 г. 3 —
Попка. Черноморскіе козаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту, съ картою и 4 рис. Спб. 58 г. . . . . 3 —
Поповъ, В. По поводу брош. Цитовича. Спб. 81 г. . . . . — 50
Португаловъ. Вопросы общественной гигіены. Спб. 73 г. . 3 —
Посѣвкинъ. Раціон. рѣшеніе женскаго вопр. . . . . — 75
Пятковскій, А. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. 2 т. Спб. 76 г 3 50
Роберти, де—Политико-экономическіе этюды. Спб. 69 г. . . 1 50
Розенъ. Способъ веденія хозяйства по фермамъ въ примѣненіи къ настоящему хозяйству въ Россіи. Изд. 2-е. Спб. 73 г. — 75
Россмесслеръ. На досугѣ. Популярныя бесѣды. Спб. 72 г. . . 3 50
Рубисовъ. Начальная ариѳметика. Пособіе для нагляднаго преподаванія ариѳмет. 3-е изд. Спб. 73 г. . . . . — 35
Святловскій. О чумѣ человѣка и животныхъ и о мѣрахъ противъ этой болѣзни Спб. 79 г. . . . . — 15
Сенковскій. Листки барона Брамбеуса. 2 т. Спб 58 г . . . 2 —
Симіонъ. Увѣщат. посланіе къ Рязанск. паствѣ прот. раскола. — 40
Синклеръ. Восточный вопросъ прошедш. и настоящ. Спб. 78 г. 1 20

Скальковскій. Стоитъ ли пощрять русск. промышл. Спб. 66 г.	—	50
Соколовъ, Н. Экономическіе вопросы и журнальное дѣло. Спб.	—	50
Сперанскій графъ. Письма къ Масальскому и нѣкот. сочин.	—	80
Стоглавъ. Изданіе Кожанчикова. Спб. 63 г.	2	—
Суворовъ. Счетоводство и управл. на частн. горн. завод. М. I. О потребности и производствѣ чугуна и желѣза. О составѣ горныхъ заводовъ. О заводскихъ работахъ. О производствѣ горныхъ работъ. О производствѣ лѣсныхъ и куренныхъ работъ. О работахъ фабричныхъ: доменной, кричной, плющильной. О работахъ земляныхъ. О кузнечной, слесарной, столярной, плотничной, кирпичной каменной. О работахъ поторжныхъ и караванныхъ. II. О составѣ и образѣ управленія. Объ обязанностяхъ заводчика, служащихъ, мастеровъ и рабочихъ. О конторахъ, дѣлопроизводствѣ и хозяйствѣ. О порядкѣ счетоводства, отчетности и о контролѣ. Ш. Планъ строеній, формы смѣтъ, книгъ, контрактовъ, вѣдомостей, отчетовъ и проч.	3	—
Судебные отчеты. Замѣчательныя уголовн. дѣла съ прилож. Изд. Печаткина. Спб. 70 г.	1	50
Толль, Ф. Наша дѣтская литература. Опытъ библіографіи дѣтской отечеств. литер. преимущ. въ воспит. отн. Спб. 62 г.	—	65
Турбинъ. Страна изгнанія. Спб. 72 г.	1	75
Успенскій, Г. Изъ стараго и новаго. Спб. 79 г.	1	—
Устряловъ, Н. Именитые люди Строгановы съ порт. Петра, видомъ дома, карт. владѣній и сним. съ пис. Екатерины I.	1	50
Фишеръ. Обработка кардной (овечьей) шерсти. Спб. 72 г. .	—	40
Фребеля. Дѣтскіе сады. Изд. Исакова. Берлинъ	—	30
Фрезе, Дуропъ и Сухомлиновъ. Сбор. тактич. задачъ. Спб. 79 г.	1	50
Фроигольдъ. Электролизъ и электрокатализъ. Спб. 75 г. . .	5	—
Хлѣбниковъ. Право и государство. Изслѣд. о происхожд. и развитіи цивилизаціи. В. 74.	2	50
Шейнъ. Дополненіе къ толков. словарю Даля. Спб. 73 г. . .	—	25
Шекспиръ. Гамлетъ, пер. Данилевскаго. Вит. 78 г.	1	—
Шидловскій. Астрономія сферическая по Брюннову, Шавене и др. К. 66—69.	4	—
Шпильгагенъ. Нѣмецкіе піонеры, ром. Спб. 71 г.	1	—
Шубинскій. Разсказы о русской старинѣ. Спб. 71 г. . . .	1	25
Щаповъ Земство и расколъ. Спб. 62 г.	—	75
Эберсъ. Императоръ. Ром. 2 т. Спб. 81 г.	2	—
Ярковскій. Таблицы умноженія. Спб. 70 г.	—	15

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 20 Сентября 1883 года.

Типо-Литографія **А. М. Вольфа**, Большая Итальянская, д. № 2—6.

PG 3460 .F44 .P5 1883 C.1
Piesni zhizni
Stanford University Libraries
3 6105 035 773 881
DATE DUE
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305

